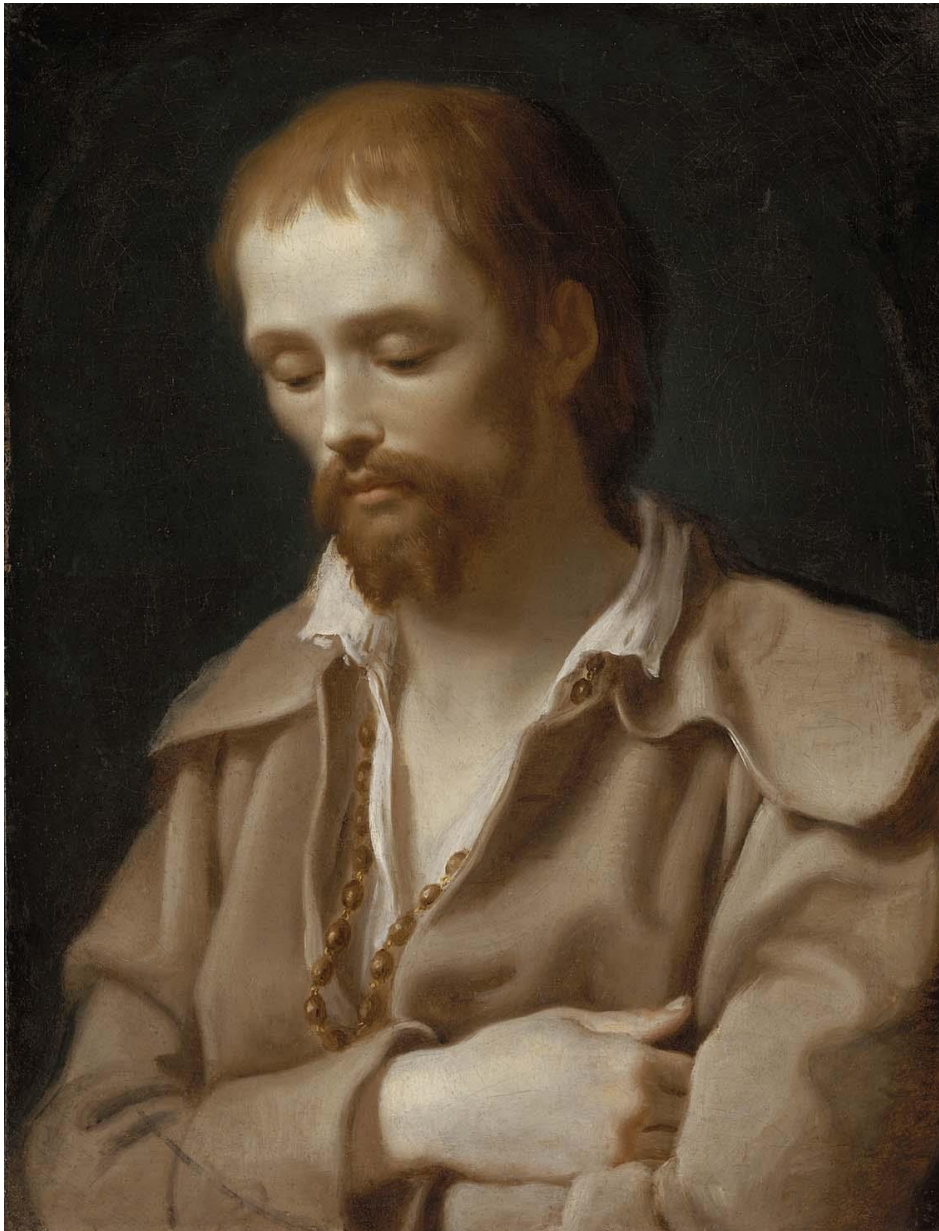


Джузеппе Лорето Маркони

**ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЖИТИИ СЛУГИ БОЖИЯ БЕНЕДИКТА ИОСИФА
ЛАБРА, ФРАНЦУЗА, ОПИСАННОЕ ЕГО ДУХОВНИКОМ, ДЖУЗЕППЕ
ЛОРЕТО МАРКОНИ**

Пер. с ум. Marconi G. L., Ragguaglio della vita del servo di Dio Benedetto Giuseppe Labre francese, scritto dal suo medesimo confessore. Roma: Nella Stamperia di Michel'Angelo Barbiellini, 1783.



В переводе Константина Чарухина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. О рождении, воспитании и отрочестве Бенедикта Иосифа.

Франции, чествуемой за то, что в минувшие времена она подарила Церкви немало славных отцов и героев веры, в наши дни выпала благая участь явить миру человека, который жил на свете, представляясь всем убогим, презренным и отверженным, но, едва он покинул мир живых в расцвете лет, как привлек к себе удивление не только Европы, но и почти всего католического мира.

Произошло это как по причине многих и явных чудес, которые, как рассказывают, были сотворены Его Божественным Величеством по заступничеству Бенедикта, так и по причине необычайного и восхитительного жития, полного добродетелей. Одно лишь воспоминание его жизненного пути не может не оставить в сердце каждого человека глубокого и нежного впечатления.

Этот человек — слуга Божий Бенедикт Иосиф Лабр, о чьем житии я и намереваюсь составить краткое повествование. Не зря достойнейший епископ Булони, что на побережье, назвал свою епархию «счастливой», ведь она стала местом рождения святого. Приход св. Сульпиция в Аметте, расположенный в этой епархии, и есть то самое место, та родина, где слуга Божий увидел свет 26 марта 1748 года. В то время на Престоле Святого Петра Вселенской Церковью правил Великий Понтифик Бенедикт XIV, бессмертной памяти, а во Франции царствовал славный Людовик XV.

Счастливые родители этого сына — господин Жан-Батист Лабр и госпожа Анн-Барб Грансир, поныне здравствующие. Это люди благородные, известные своей истинной добродетелью и благонравием. Они не только получили благословение Небес в виде земных благ, но и были удостоены дара многочисленного потомства: всего они произвели на свет пятнадцать детей, как мальчиков, так и девочек, и Бенедикт Иосиф был их первенцем.

Едва благословенный отрок родился, Господь, по-видимому, изъявил особое попечение о нем, даровав ему превосходного духовного отца. Им стал о. Франсуа-Жозеф Лабр, достойнейший священник, приходившийся родным братом отцу Бенедикта. В ту пору он был викарием, а позднее стал настоятелем в Эрене. Как мы увидим далее, именно он руководил Бенедиктом Иосифом большую часть его юности. С разрешения приходского священника Аметта, он крестил своего племянника на следующий день после рождения, 27 марта, и стал одновременно и его крестным отцом. Крестной матерью была госпожа Анн-Теодор Аземберг.

Родители, движимые преобильным духом благочестия, с самого начала приложили все усердие, чтобы дать сыну доброе воспитание и направить его первые шаги на ту стезю, что так счастливо привела его к той вершине добродетели, на которую ныне все взирают с изумлением. Слуга Божий был столь доволен и признателен за полученное воспитание, что в письме из Монрёй от 2 октября 1769 года, поблагодарив родителей, просил их дать такое же воспитание его братьям и сестрам, прибавляя: «Вот способ сделать их блаженными на Небесах. Без наставления нет надежды на Спасение. Уверяю вас, заботы обо мне более не лежат на ваших плечах. Я многого вам стоил доселе, но будьте уверены, что с помощью благодати Божией я извлеку пользу из всего, что вы для меня сделали».

Бенедикт Иосиф обладал весьма проницательным умом, прекрасной от природы рассудительностью и, как писал его дядя-священник, о. Венсан, «здравым суждением и счастливой памятью». Сверх того, он имел нрав живой, но притом кроткий и уступчивый. Легко вообразить, каковы были его первые успехи в науке святых и на пути добродетели. Еще

будучи нежным отроком, при первых проблесках разума и первых движениях благодати, он являл полную приверженность к благочестию, искал уединения, стремясь внимать голосу своего возлюбленного Отца, и, преклонив колени, обращал свои невинные очи к Отцу светов, моля о помощи. Никогда в его поступках не было и тени ребячества, ни малейшей небрежности в облике. Как утверждает господин каноник Клеман, секретарь епископа Булонского, «в Бенедикте Иосифе всегда замечали отвращение к детским забавам».

Посему мы можем сказать о нем то, что Дух Святой изрек в похвалу великому Товии: *«Будучи младшим среди всех в колене Неффалимовом, он, однако, не совершал ничего детского в делах своих»* (Вульг. Тов. 1:4); и то, что св. Бернард писал о св. Малахии: «Отрок летами, он вел себя как старец нравами, был чужд ребяческого легкомыслия, тих и покорен во всякой кротости. Он не выказывал нетерпения в учении, не уклонялся от наставлений, не находил чтение утомительным и не имел ни малейшего влечения к играм».

Отроку не исполнилось и пяти лет, а он уже выказывал великое, воистину необычайное и несвойственное этому возрасту рвение научиться читать и писать. Цель у него была одна: самому читать наставления в начатках нашего святого вероучения, к которому он питал величайшую любовь, и самому запечатлевать узнанное на письменах. Он исполнялся ликования, когда, сам составляя слоги, пусть и нескладно, произносил слова Молитвы Господней, Ангельского приветствия, Апостольского символа веры и других молитв. Потому родители и отправили его в публичную школу в столь раннем возрасте; и тогда, как мы увидим, еще яснее обнаружилось, к чему вело его это великое устремление.

Таков был Бенедикт Иосиф с самого младенчества в своем отношении к Богу и ко всему, что с Ним связано; при этом же он был в высшей степени кроток, тих и мирен со своими домашними.

С первых лет он осознал, к чему ведут страсти, если их не подавлять, и к чему ведут внушения благодати, если им следовать; он понял, что человек на этой земле пребывает в беспрестанной битве. Потому он и вознамерился вести суровую войну с влечениями плоти и подавлять их первые движения, равно как и тому, чтобы всегда верно следовать озарениям Божественной благодати. Он желал стать доблестным воином Иисуса Христа и в итоге получить тот венец, что Бог обещал любящим Его, — венец, которым венчается лишь тот, кто законно подвизается до самой смерти (ср. 2 Тим. 2:5).

Достоин удивления, что при его нраве — весьма пылком, живом и предприимчивом (о чем я могу судить по моим с ним беседам, и что очевидно из всего трудного течения его жизни) — добродетель в нем с самого отрочества казалась чем-то естественным. Это ясно показывает, с какой силой и как ревностно он старался усмирять свой нрав и направлять его во благо. Но еще яснее это являет ту непроницаемую завесу, которой он, по своему поразительному смирению, до самой смерти окружал всё, что могло бы внушить людям доброе о нем мнение. Ибо и священники, его наставлявшие, и те, кто имел случай с ним общаться, и даже его собственные родители уверяют нас, что видели в нем лишь натуру тихую, мирную и до крайности робкую. Столь велико было его самообладание с юных лет, и с такой непринужденной простотой умел он скрывать свою подлинную добродетель.

ГЛАВА II. О первых замыслах и некоторых особых занятиях Слуги Божия в отрочестве.

То великое здание добродетели, которое мы узрели в Бенедикте Иосифе в зрелые годы, уже являло свои начатки, словно в наброске, в его отрочестве. Черты человека, коего Бог готовил для Своих великих замыслов, уже начинали проступать в его детском облике.

Едва достигнув пяти лет, он уже вознамерился сотворить в себе самом живой образ Спасителя, наиболее подобный, какой был ему возможен. Он размышлял, что для достижения сего сходства с Иисусом Христом необходимо сообразовать свое сердце с Его сердцем. Потому он говорил, что надлежит иметь «три сердца в одном».

Первое сердце — совершенно чистое, в высшей степени искреннее и благоговейное, дабы любить Бога нашего и служить Ему, с терпением снося все кресты, которые Ему будет угодно посылать нам во вся дни нашей жизни.

Второе сердце — совершенно открытое, любящее, щедрое на служение ближнему и в особенности — делу обращения грешников и облегчению участи душ в Чистилище. Для достижения сих целей он призывал часто и с горячностью молиться Господу и Его Пресвятой Матери.

Третье сердце — стойкое, суровое и сильное в отношении нас самих. Оно нужно, дабы не давать ни малейшей уступки собственным страстям, питать отвращение ко всякому роду чувственных удовольствий, умерщвлять и распинать собственное тело. Ибо чем более мы презираем и умерщвляем его в жизни сей, тем более Господь вознаградит нас в жизни грядущей.

Наконец, он говорил, что основание этого сердца, в коем три сливаются в одно, должно быть всецело кротким, мирным и смиренным, ибо на сем фундаменте и возводится здание святости.

Вследствие этого уже в самом нежном возрасте он установил для себя правила.

Относительно первого (к Богу): Всегда стремиться к величайшей чистоте совести, имея безмерный ужас перед грехом; всегда следовать божественным внушениям и быть верным Его благодати; деятельно стараться стяжать все добродетели в наивысшей степени совершенства, постоянно имея их пред очами.

Относительно второго (к ближнему): Всегда иметь на языке то, что в сердце, а в сердце иметь лишь благосклонные чувства к ближнему; любить его бескорыстно и помогать ему всеми возможными способами, особенно же молитвою, в которой он видел главное подспорье.

Относительно третьего (к себе): Никогда не доставлять телу ни малейшего удовольствия, пусть даже самого невинного; непрестанно умерщвлять его и презирать всеми силами.

Чтобы преуспеть в этом предприятии, он с того времени избрал для себя следующие правила:

1. Отнюдь не доверять собственным силам и всецело полагаться на Божественную благодать.
2. Вложить все силы в познание самого себя и познание Бога.
3. Умереть для себя и жить всегда только для Господа.
4. Использовать как могущественное оружие и действенное средство для достижения сей святой цели молитву, умерщвление плоти, бегство от опасностей и внутреннюю собранность, дабы стать свободным от всякого несовершенства и достичь вершины евангельского совершенства.

Все это он не только замыслил, но и исполнил на деле.

Он с того времени начал распознавать пороки, свойственные своему возрасту: легкомыслие, переменчивость, непостоянство, рассеянность, нетерпение, пристрастие к лакомствам, отвращение к труду и к добру и, наконец, непокорство. Именно с ними он и начал бороться в первую очередь, стараясь украсить свой возраст противоположными и приличествующими ему добродетелями.

Но с особым усердием он старался уравновесить свой живой и пылкий нрав — непобедимым терпением, а свою деятельную натуру — глубочайшим смирением. Эти две добродетели всегда были им любимы превыше прочих и являют собой истинный признак подлинных учеников Иисуса Христа, сказавшего нам: *«Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»* (Мф. 11:29).

Сколь велик был его успех в сем замысле с самых ранних лет, с очевидностью явствует из свидетельства его собственных родителей, которые говорят, что по мере того, как их сын возрастал годами, возрастал он и в премудрости пред Богом и пред людьми (ср. Лк. 2:52).

От благочестивого подражания Святой Мессе, которое он устраивал в малой домашней молельне, им же самим и созданной, он с невероятным порывом перешел к тому, чтобы прислуживать на ней в церкви, проявляя в сем святом упражнении величайшее рвение.

Именно тогда этот светильник, доселе державший свой свет сокрытым дома, «под сосудом» (ср. Мф. 5:15), начал дивно сиять в Доме Божиим, на глазах у всех. «Проникнутый величием святых мест и святостью страшного Таинства, — таковы слова его дяди Венсана, — он выказывал, присутствуя при них, воистину назидательную скромность».

С той поры, как он переступил порог церкви, она стала для него самым отрадным прибежищем. Боже упаси, чтобы он пропустил хоть одну святую службу! Уже тогда было ясно видно, что здесь его средоточие, где он обретал свой покой и отдохновение, и что он избрал *«лучше быть у порога в доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия»* (ср. Вульг. Пс. 83:11). Поистине можно сказать, что впоследствии он провел почти всю свою жизнь в храмах или в паломничествах к ним.

И в самом деле, никогда не бывало, чтобы он пропустил богослужение или духовные наставления, которые то и дело проводились в церкви, особенно по праздникам. Это явствует как из заметок, которые он носил с собой и которые я нашел у него после смерти, так и из согласного и единодушного свидетельства всех, кого опрашивали о его поведении в отроческие годы.

Этот благословенный отрок находил единственную отраду в священнодействиях, и превыше всего — в слове Божиим, внимал ли он ему, читал ли, или просто размышлял о нем.

Во Франции, особенно в сельских приходах, существует обычай: после воскресных и праздничных служб, на которых присутствует народ, люди отправляются отдохнуть и развлечься. Бенедикт Иосиф шел на такие увеселения неохотно, и лишь тогда, когда его вели те, кому он обязан был повиноваться. К такого рода гуляньям он, как свидетельствуют его родители, «не выказывал ни вкуса, ни привязанности» и очень часто покидал их, чтобы пообщаться с людьми постарше и посерьезнее.

Происходило это в нем не от духа беспокойства, столь обычного для других детей, которые, сколь скоро увлекаются какой-либо игрой, столь же скоро выказывают усталость и скуку, взыскуя новых; не от духа меланхолии, которая детям в том возрасте вообще не свойственна, а с нравом Бенедикта, всегда веселого и радостного, совершенно не сочеталась. Достаточно было

взглянуть ему в лицо, чтобы развеселиться, даже в том презренном состоянии, до которого он довел себя в последние годы.

Нет, это было проявлением зрелой души в теле отрока и сладостным влечением Небесного Духа, призывавшего его к общению с Собою. В действительности, если того требовали обстоятельства, он был душою компании, предающейся пристойным забавам, и никогда не выказывал ни обиды, ни малейшего признака огорчения, что бы ни было сказано или сделано против него, будь то в игре или по чьей-то злобе. Как свидетельствовал его дядя Венсан, он «никогда не выказывал [огорчения], оставался общителен в развлечениях и всегда всем был доволен».

Когда же Бенедикт Иосиф научился как следует читать, тогда и стало ясно, к чему вело его это страстное желание и этот пылкий порыв к грамоте. О, тогда он стал почти неуловим! С такою жадностью он припал к благочестивым книгам, что почти всегда пребывал с ними в руках. Всякое, даже невинное, удовольствие становилось для него все более скучным и невыносимым. «Когда он научился читать, — так выразились его родители, — его почти невозможно было найти; и вместо того чтобы предаваться невинным забавам, он уединялся, дабы читать благочестивые книги».

С того времени в нем зародилась необычайная любовь к уединению, к тишине, к внутренней собранности и к молчанию. Казалось, он забывал о себе самом и о всех возможных нуждах; никогда не осмеливался о чем-либо просить. Как свидетельствует его дядя-настоятель о. Франсуа-Жозеф, часто приходилось его кормить, поить, согревать, не ожидая его просьбы. Это была дивная сдержанность, и Бенедикт Иосиф неизменно сохранял ее до самой смерти, даже пребывая в самой крайней нужде. Но когда он был еще отроком, на это обращали мало внимания, приписывая такое поведение робости и природной стыдливости.

ГЛАВА III. О его первых занятиях.

Таков был образ жизни отрока Бенедикта в том, что касалось веры и благочестия. С этим он сочетал не меньшее усердие в исполнении обязанностей, полагающихся ему по возрасту, каковыми были в первую очередь учеба и послушание старшим.

Когда отроку исполнилось пять лет, родители, видя его великое рвение к учению, не замедлили отправить его в школу. Первым наставником Бенедикта Иосифа был о. Данотель, достойнейший священник, в то время школьный учитель и викарий в Аметте, а ныне настоятель в Буавале. Под его руководством Слуга Божий пребывал примерно до семи с половиной лет.

Добродетель столь дивно стойкая и сияющая, какой обладал этот отрок, не могла не выделяться на фоне несовершенств других детей. Те, будучи в том возрасте более подвижны чувственными впечатлениями (которые сильно властвуют над воображением), нежели руководствуясь разумом, обыкновенно становятся мучением и тяжким испытанием для терпения тех, кто ими руководит, особенно для учителей, что долгие все имеют их перед глазами. Добродетель Бенедикта не могла не пленить сердце сего наставника (а впоследствии, как мы увидим, и других) и не оставить в нем глубочайшего впечатления, которое не могло стереться ни от разлуки, ни от течения времени, но заставляло его предчувствовать в мальчике нечто великое.

В этом возрасте, несмотря на присущее детям простодушие и неопытность, им нетрудно хотя бы понемножку обманывать своих наставников. Страх перед выговором или наказанием обостряет ум отроков, и они нередко прибегают к лицемерию, изображая добродетель, а во зле

защищаются всегда готовым оружием — ложью, что, увы, слишком хорошо известно из опыта. Но поведение, во всех своих частях цельное и постоянное, не оставляет места для подобных подозрений.

И все же к свидетельству этого первого наставника отрока Бенедикта мне приятно добавить свидетельство некоего Франсуа-Жозефа Форжуа, служившего у помянутого священника-учителя. Хотя этот человек был не из тех, кто внушает робость, отрок вел себя с ним так же, как и с самим наставником. Он засвидетельствовал, что «заметил в этом ребенке, в отличие от всех прочих его сверстников, скромность, благочестие, послушание, кротость, спокойствие и усердие в изучении чтения, а в особенности — начатков веры».

Пробыв около двух с половиной лет под началом о. Данотеля, Бенедикт Иосиф перешел в школу к о. Бартеlemi-Франсуа де ля Рю, дабы усовершенствоваться в чтении и письме и обучиться арифметике. Этот новый наставник, отметив в нем все те прекрасные дарования, которые мы уже видели в отзывах родителей и других очевидцев: благочестие, послушание, невозмутимость, кротость, скромность, усердие в учении и иные подобные качества, — был особенно поражен одним свойством, слишком редко встречающимся у учеников по отношению к их учителям.

Качество это заключалось в том, что отрок выказывал столь великое расположение к своему наставнику, что нисколько его не боялся. «Это было следствием, — как свидетельствует тот же учитель, — незапятнанной совести, которой не в чем было себя упрекнуть. Столь безмятежна была его совесть в этом отношении!» Так он заключает, добавляя, что «был столь доволен и так удовлетворен упомянутым Бенедиктом Иосифом Лабром, что не припомнит, чтобы когда-либо сказал или сделал ему что-либо, способное его опечалить».

Из всего сказанного ясно видится, с какой незапятнанной чистотой и искренностью наш Слуга Божий прошел самые опасные годы, каковыми являются лета отрочества, особенно от семи до двенадцати. В этом возрасте невинность часто терпит крушение, ибо в эти годы обыкновенно властвуют более воображение и чувства, нежели разум. *«Ибо призраки суетного помрачают доброе, и волнение похоти развращает ум незлобивый»* (ср. Прем. 4:12), — как говорит Дух Святой.

Но о нашем отроке Бенедикте воистину можно сказать: *«и прочее... по закону Божию отрок соблюдал»* (ср. Вульг. Тов. 1:8).

ГЛАВА IV. О его юности, о жизни под руководством дяди и о его Первом причастии.

Великий Учитель Церкви, св. Иероним, восхваляя отрочество одного святого мужа и упоминая мимоходом о дарах Небес и признаках святости, что в нем сияли, прибавляет: «Пусть все это будет даром благодати, который был ему дан прежде трудов; ведь Бог, предвидящий будущее, и Иеремию освящает во чреве, и Иоанна побуждает взыграть во утробе матери. Я же перехожу к тому, что после двенадцатого года он собственными трудами избрал, предпринял, удержал, начал и совершил».

То же самое я, насколько мне дозволено, сказал бы и о нашем Бенедикте Иосифе. Но прежде чем перейти к тому, что он совершил после двенадцатого года, мне хотелось бы поразмыслить вот о чем: тот Бог, Который предназначал вести сего Слугу Своего теми суровыми путями, которые тот впоследствии всегда хранил и любил, заранее приуготавливал его к грядущим трудностям через те внутренние борения, которые, как мы видели, он претерпевал до сего времени, стремясь сообразовываться благодати.

К этому следует добавить то, что засвидетельствовали его собственные родители, сказавшие, что по мере того, как их сын возрастал годами, возрастал он и в премудрости пред Богом и пред людьми (ср. Лк. 2:52). Подобную же хвалу воздает св. Бернард своему Малахии, когда пишет: «Таково было его отрочество; но не иначе прошла и его юность, в той же простоте и чистоте; с той лишь разницей, что с возрастанием лет, возрастала в нем и премудрость, и благодать у Бога и у людей. Он был и наставником, и правилом для своих братьев. Они читали в его жизни, как им надлежит себя вести, а он предшествовал им в праведности и святости пред Богом. И сверх общих для всех упражнений, он совершал много особых подвигов, в которых всех превосходил, и никто из прочих не мог следовать за ним в деяниях столь трудных и возвышенных».

Подобное же свидетельство о Слуге Божиим Бенедикте дают и его родители, говоря о его поведении до двенадцатилетнего возраста. В этих годах они отправили его под руководство его дяди по отцу, настоятеля в Эрене о. Франсуа-Жозефа Лабра.

Они свидетельствуют, что за все время, пока он был под их опекой, он «постоянно отличался самой искренней набожностью, присутствуя на всех службах и наставлениях со вниманием и воистину назидательной скромностью; мудростью и благоразумием, никогда не говоря и не делая ничего неподобающего или неприличного; послушанием, всегда исполняя с готовностью и радостью все, что ему повелевали; спокойным нравом, так хорошо ведя себя по отношению к родителям, братьям и сестрам, что никогда не давал повода ни к малейшему раздору между ними; и, наконец, дивным терпением в перенесении недостатков и несовершенств своих отца, матери, братьев, сестер и сверстников, всегда сохраняя веселый и безмятежный вид, что бы ему ни сказали или ни сделали, — до такой степени, что он приводил в смущение и молчание тех, кто говорил ему или делал зло».

Уже из этого, и особенно из последнего свидетельства, ясно виден путь, каким Господь желал освятить Своего Слугу. Ибо с годами Бенедикт пришел к тому, что почитал за наслаждение насмешки, оскорбления и самое жестокое обращение; более того — он сам, с жаждой, искал их.

Столь прекрасные качества делали этого сына особенно любимым и дорогим его родителям, равно как и всем, кто его знал. Однако, видя его редкие дарования и возлагая на него самые большие надежды, они охотно лишили себя его присутствия. Они рассудили, что юноша, подобный Бенедикту Иосифу, заслуживает иного, более глубокого воспитания, нежели то, на которое можно было надеяться в родительском доме, где он не мог столь же успешно продвигаться в учении.

Поэтому они отправили его в Эрен, к о. Франсуа-Жозефу Лабру (родному брату его отца, Жана-Батиста), который был в то время приходским священником. Как уже говорилось, он приходился Бенедикту не только дядей, но и крестным отцом. Ему-то родители и доверили всю заботу о сыне, дабы он приобщил его к изучению латинского языка. Это произошло около 1760 года, когда Бенедикту Иосифу было, как упоминалось, около двенадцати лет.

Этот священник обладал всеми качествами, которые составляют превосходного пастыря, о чем я и сам узнал из бесед со Слугой Божиим, и что явствует из многих писем, оттуда к нам пришедших, вплоть до того, что он, как мы увидим, отдал жизнь свою за овец своих.

Легко вообразить, с какой любовью этот священник, пастырь и дядя, обладавший упомянутыми качествами, принял его и с каким усердием принялся возделывать столь благородное растение. И каких же успехов достиг с такой помощью наш Слуга Божий, который и помыслить не мог ни о чем, кроме небесного!

Видя ангельские нравы своего племянника, дядя прежде всего счел своим долгом подготовить его к Первому причастию, которого тот пламенно желал, и объявил ему о своем решении.

Нелегко описать радость и ликование, наполнившие сердце благочестивого юноши при этом известии, и то, сколько он сделал, чтобы достойно подготовиться к первой встрече с Богом, высочайшее представление о Котором он уже составил в своей душе посредством долгих размышлений.

И во-первых, глубоко взвесив слова ап. Павла: *«Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего...»* (ср. 1 Кор. 11:28), он обратил свои помыслы на то, дабы очистить свою совесть от малейшего изъяна посредством подробнейшей генеральной исповеди. Это была первая из шести генеральных исповедей, которые он потом совершил, как мы увидим далее.

Поскольку метод, который он применял, особенно для генеральной исповеди, воистину назидателен, я льщу себя надеждой, что благочестивый читатель не сочтет неуместным, если я вкратце опишу его здесь. Я делаю это как для того, чтобы не быть вынужденным повторять то же самое в другом месте, так и, в особенности, потому, что это может принести пользу тому, кто захочет им воспользоваться.

Итак, он, будучи глубоко убежден, что мы ничего не можем без благодати Божией — ни даже подобающе осмыслить грехи свои, а уж тем менее изгладить их, — в первую очередь вверял себя Господу, дабы испросить света и благодати, дабы увидеть свои проступки и состояние своей души.

Затем он со вниманием приступал к рассмотрению как самих заповедей, так и предписанных ими добродетелей. Он совершал это испытание в строгом порядке: во-первых, следуя порядку заповедей, а во-вторых — порядку времени. При генеральной исповеди он анализировал свою жизнь, двигаясь от самых недавних событий к наиболее ранним. При этом испытании он не судил себя, но лишь беспристрастно перечислял искушения и обретенные милости, и в особенности излагал, как он вел себя по отношению к ним.

После испытания совести Бенедикт испрашивал у Господа благодать сокрушения сердечного. Чтобы возбудить в себе покаяние, он приступал к размышлению о причинах для него, стараясь раскатыться совершенным сокрушением, размышляя в особенности о благодати Божией, оскорбленной грехом.

Затем он поверял все — по порядку, с точностью, ясностью, смирением и величайшей простотой — суду духовника. Он выслушивал решение и слепо подчинял ему свое суждение, о котором более не имел никакого попечения, выслушав суждение исповедника, чье каждое слово почитал как оракул, сошедший с Небес.

Прежде чем получить sacramентальное отпущение грехов, он сгибался, низко склонив голову в глубоком молчании, обновляя в сердце скорбь о грехах. После этого слегка приподнимал голову, давая знак духовнику, что готов принять отпущение.

Он был уверен, что великое множество христиан идет в ад из-за дурно совершенных исповедей, о чем, как говорил, он узнал от святой Терезы и из одного духовного видения, в котором узрел три разряда кающихся, а именно: совершенных, несовершенных и ложных, представленных ему в виде трех процессий.

В первой он видел совсем немного людей, одетых в белое, — это были совершенные кающиеся. Они не только исполнили все, что требуется для совершения доброй исповеди, но и

не пренебрегли ни единым средством, чтобы умиловать Божественное правосудие: сверх дел покаяния, они старались обрести святые индульгенции. И они, облеченные в белое, тотчас после ухода из этой жизни вступали в блаженную славу.

Вторая процессия, которую он видел, также была немногочисленна, но все же больше, чем первая. Люди, ее составлявшие, были одеты в красное. Это были те, кто сделал все необходимое для действенности таинства покаяния, сиречь исповеди, но не достаточно усердствовали в исправлении последствий содеянного и в получении индульгенций. Посему путь их лежал в чистилище, чтобы исполнилось Божественное правосудие, а они совершенно очистились.

Третья, неисчислимая, ужасная и устрашающая процессия, состояла из людей, одетых во все черное. Это были те, кто — либо из-за значительной небрежности, допущенной при испытании совести, либо из-за отсутствия истинной скорби и намерения исправиться, либо из-за недостатка искренности (когда из-за стыда или по злему умыслу они утаивали грехи на исповеди) — принимали таинство покаяния без всякого плода и святотатственно. И потому они низвергались в бездну преисподней.

Совершив, таким образом, с описанным расположением свою генеральную исповедь при подготовке к Первому причастию, он, помимо того, дабы достойно принять Иисуса в Таинстве, усердно предавался умерщвлениям плоти, размышлениям и молитвам, .

Каждый верующий знает, какие плоды производит в нас эта пища вечной жизни, в которой Иисус, Сын Божий, наш Искупитель, всего Себя дарует нам, дабы сделать нас причастниками и сонаследниками Своего Божественного естества (ср. 2 П 1:4) и сотворить нас, как говорит Ангельский учитель св. Фома Аквинский, «богоподобными» — и все это соразмерно нашему расположению. Как это происходит, он, Фома, объясняет через прекрасное подобие: «Точно так же, как малый черенок благородного растения, привитый к стволу дикому и грубому, заставляет его приносить цветы, листву и плоды своего вида, так и Иисус Христос, принятый нами во Святом Причастии, производит дивную прививку... Он вовлекает нас в Свою благодать, дабы, как Он Сам творит цветы, листву и плоды праведности, так и мы через Него их творили».

И это божественное преображение (*metamorfosi*), или изменение, мы воистину увидели в Бенедикте Иосифе. С этого момента образ Иисуса Христа еще яснее воссиял в его дивных нравах, и уже тогда он мог сказать с апостолом Павлом: *«...и уже не я живу, но живет во мне Христос»* (Гал. 2:20).

Говоря более предметно, вкусив от этой небесной манны, ревностный юноша, казалось, утратил всякий иной вкус даже к пище земной, необходимой для пропитания. Его дядя о. Венсан с приятною говаривал, что его племянник Бенедикт Иосиф скорее прошел бы по всем изысканным плодам его сада, таким как абрикосы, персики и т.д., нежели простер бы к ним руку без его позволения, даже если бы они вызывали у него сильнейшее искушение.

С того же времени он стал тайком уносить пищу, что ему давали, и через окно тайно передавал ее одному бедняку. А кроме того начал строго и скрупулезно соблюдать все посты, предписанные Церковью.

Другим следствием Святого Причастия стало то, что Слуга Божий отныне находил единственную отраду в уединенном общении с Богом. «Один, затворенный в тесной келье, он наслаждался широтой Рая», — как писал св. Иероним. Почти все свое время он проводил в отдаленной комнате (*Gabinetto*) в доме дяди, погруженный в чтение благочестивых книг, о чем мы еще подробнее расскажем в дальнейшем.

Наконец, отсюда же родилось (или, вернее, возросло) то его нежнейшее и дивное благоговение к Всесвятому Таинству. Оно было столь велико, что с того самого дня он не мог оторваться от алтарей, особенно там, где Святые Дары были выставлены для поклонения. Он проводил там целые дни, а порой и ночи (как будет сказано в своем месте), доказывая на собственном опыте, что «обращение с нею, Премудростью, не имеет горечи, и сожитие с нею — скорби, но радость и веселие» (ср. Прем. 8:16). Это благоговение было вознаграждено Богом поразительным образом еще здесь, на земле, после его смерти, о чем явственно известно всему Риму.

ГЛАВА V. О продолжении им учебы и об уважении, которое он снискал у дяди, учителя и однокашников.

Как уже говорилось в предыдущей главе, родители отправили Бенедикта Иосифа к его дяде, господину Эренскому кюре, дабы он продолжил учебу. С этой целью его сразу же послали в школу, где он с самого начала отличился среди всех прочих школяров зрелостью, превосходившей его возраст. Но с тех пор, как добрый отрок принял Первое причастие, он казался уже не человеком, а ангелом. Его непрерывнейшее рвение, его сосредоточенность, хорошо заметная даже внешне, его неизменно безмятежная серьезность, скромность, благоразумие, которое он являл при всякой встрече, до такой степени снискали ему уважение дяди и учителя, что с того времени ему было определено замещать самого учителя в его отсутствие всякий раз, когда того удерживали иные дела.

И сии священники не обманулись в своем суждении. Они замечали, что, благодаря некоему достоинству, которое дети в нем признавали, он внушал им более почтения, нежели даже учитель собственной персоной; как пишет г-н каноник Клеман, секретарь монсеньора епископа Булонского, слышавший о том от одной монахини-урсулилки, родом из Эрена, которая училась в школе вместе с ним. Подтверждает это и нынешний Эренский кюре, на основании сведений, о том полученных от очевидцев, достойных доверия, называя причиной сего уважения детей-соучеников к Бенедикту Иосифу его кротость и его благочестие.

Но сие уважение к Бенедикту рождалось еще и от других его качеств, которые вызывали к нему расположение и уважение не только у детей, но и у всех прочих.

Оставляю в стороне подлинные записи о его дивном и примернейшем житии, которое он вел все время, пока пребывал в Эрене у дяди (кои, по Божественному провидению, Слуга Божий сохранил при себе до самой смерти, и кои можно будет прочесть в Приложении), а удовольствуюсь лишь тем, что приведу здесь свидетельства тех, кто имел больше всего возможностей общаться с ним в то время. Таковыми являются господа Жозеф Брифффе (Joseph Briffet), Жак Легэ (Jacques Legay) и Жак-Луи Тюлье (Jacques-Louis Thullier). Будучи опрошены по отдельности г-ном Эренским кюре по приказу епископа, все они ответили и заверили меня, что у них на глазах он неизменно вел жизнь самую мудрую и примерную; что он сурово выговаривал им, когда видел, что они делают или говорят нечто неподобающее или противное приличиям и Заповедям Божиим; что был благочестивейшим, скромнейшим и набожнейшим в церкви и что присутствовал на всех Божественных Службах, сосредоточенный и всегда неподвижный, и неизменно взирает в свой молитвенник, храня самую благопристойную позу; что весьма любил уединяться в своей комнате, где занимался чтением добрых книг; что вместо того, чтобы съесть хлеб, который ему давали, он собственноручно и весьма часто подавал его из окна бедняку; что когда он шел ради отдыха на прогулку со своим дядей-кюре, то брал с собою духовные книги и на ходу читал их. Одним словом, за все время, пока он пребывал в приходе Эрен, никогда не было замечено, чтобы он сделал хоть что-либо неподобающее или противное добру.

Среди духовных книг, которые юноша нашел в библиотеке дяди, той, что наиболее ему понравилась и направила его на новый и трудный путь, который нам предстоит увидеть, стала [работа] о. Лежена¹, прозванного Слепым. Он невероятно наслаждался рассуждениями и проповедями этого автора, и [книга] эта ежедневно была у него в руках; и сколько бы он ее ни перечитывал, даже уже запечатлев ее в своей памяти, которая у него была на редкость цепкой, он все же не мог насытиться ею. Однако наипаче проникли в его дух проповеди о муках ада и о малом числе избранных. Читая эти две проповеди и обдумывая каждое их слово, он был так потрясен и утрачен, что принял решение сделать все возможное, чтобы оказаться в числе избранных и избежать вечных мук ада и никогда не отступить ни перед какими трудностями, которые предстоит преодолеть, сколь бы тяжелыми они ни оказались.

Оттого все помыслы, непрестанно занимавшие его душу, были обращены к поиску наисовершеннейших путей к вечному спасению и всецелому угождению Богу.

Юноше было тогда пятнадцать лет, и в ту пору на протяжении почти года он не занимался ничем иным, кроме как размышлял о сем предмете.

Он, так сказать, с колыбели носил в себе великое отвращение к мирскому и всегда являл особую приверженность к уединению, как то было видно доселе. Ныне же он чувствовал все более сильное влечение к тому, чтобы навсегда сокрыться в строжайшем уединении, ища, где можно было бы предаваться величайшим подвигам покаяния и где бы неукоснительнее всего соблюдался Устав.

Посему он принялся изучать различные монашеские ордена. Но ни один не отвечал устройению его духа; и подвиги, которые в них совершались, сколь бы суровы они ни были, казались ему уладами в сравнении с тем необъяснимым рвением к безмерному умерщвлению плоти, что он питал в себе.

Наконец, размыслив о безмолвном уединении, суровости и точном соблюдении устава траппистов, он остановил на свой выбор на этом ордене и вознамерился приложить все мыслимые усилия, дабы, во-первых, получить дозволение родителей, что, как он предвидел, будет в высшей степени трудно, а во-вторых, дабы быть туда принятым.

Приняв такое решение, он открыл свой замысел дяде и получил от него дозволение вернуться домой, дабы испросить согласия у своих родителей. Было ему тогда шестнадцать лет.

Вернувшись в отчий дом, Бенедикт Иосиф тотчас со всем смирением и покорностью открыл отцу и матери свое желание. Всякий может вообразить, как поразило их сердца, столь нежно любившие сего сына, это внезапное предложение; тем паче, что речь шла о вступлении в один из самых суровых орденов в мире, да еще и в столь нежном возрасте. Оба они, движимые благими намерениями, решительно воспротивились сему его замыслу, особенно же мать.

Но в сем случае нельзя было не восхититься, насколько возросли в почтительном сыне дух покаяния и отрешенность от всего земного, даже от того немалого достояния, на которое он мог надеяться от родителей, будучи первенцем.

Ибо же благоразумный юноша, видя, что, сколь бы ни умножал он мольбы, не удастся склонить их к своему благочестивому желанию, решил вернуться к дяде и ожидать того счастливого, вожделенного мига, когда Господь сам соизволит его утешить.

¹ Жан Лежен (*Père Jean Lejeune, 1592-1672*) был знаменитым французским священником из конгрегации ораторианцев, широко известным под прозвищем Слепой Отец (*le Père l'Aveugle*). Он потерял зрение в возрасте 35 лет (ок. 1627 года), но это не помешало ему в миссионерской деятельности. Упомянутая "книга" — это его многотомное собрание "Проповедей" (*Sermons*), которое было невероятно популярно в XVII-XVIII веках.

ГЛАВА VI. О его возвращении и пребывании у дяди вплоть до смерти последнего.

Бенедикт Иосиф, покоровшись божественному провидению, вернулся в Эрен к своему дяде, но ничуть не оставил мысли однажды всецело удалиться от мира и жить согласно своему желанию в суровейших подвигах покаяния.

Все это время, то есть еще два с половиной года, вплоть до отшествия его дяди к лучшей жизни, в нем постоянно возрастало рвение, и все чаще его видели погруженным в чтение духовных книг.

То, сколь часто он приступал к святым таинствам, было особенно назидательно, ибо в тех краях сие еще не было в обычае.

Кроме того, он повсюду явственно выказывал собранность, послушание, чистоту и скромность, но в особенности он приучал себя к той суровой жизни, которую помышлял однажды начать согласно уставу трапистов, а устав этот всегда был у него в уме и в сердце. Он также не преминул строго и тщательно соблюдать все посты, предписанные Церковью.

Так он продолжал до 1766 года, когда Господь пожелал испытать сего юного слугу своего иными событиями, открыв широкое поприще для его милосердия. И хотя блаженный доселе всегда пребывал в уединении и сокрытости, он тотчас изменил свой прежний уклад и, забыв о своей склонности к уединению, поспешил, куда влекла его любовь к ближнему, когда произошел один случай, о котором я здесь кратко сообщу.

В тот год в Эрене, приходе его дяди, разразилась жестокая эпидемия, от смертоносной силы которой пали многие. Дома были полны больных до такой степени, что в семьях зачастую не оставалось здоровых, кто мог бы ухаживать за страждущими и подавать им лекарства и пищу, не говоря уже о том, чтобы выйти из дома и добыть это.

И вот при виде столь плачевного положения бедных людей явилось прекрасное состязание в милосердии между дядей, преусердным пастырем, и племянником, который в рвении и сострадании ничуть ему не уступал.

Оба они денно и ночью наперебой спешили то туда, то сюда — всюду, где, как они видели, того требовала чужая нужда, притом без всякой оглядки на собственную жизнь, которую они подвергали явной опасности.

И все воочию узрели глубину их милосердия: они служили всем несчастным и делались всем для всех (ср. 1 Кор. 9:22), не считаясь с расходами, не жалея сил и не щадя себя в трудах.

Деятельное и смиренное милосердие Бенедикта Иосифа дошло в сем случае до того, что он сделался ради бедных людей презренным конюхом.

Пока те лежали больными в своих домах и не имели никого, кто мог бы присмотреть за их скотом, он брал на себя всю заботу о нем; и тогда можно было видеть, как этот

благовоспитанный и опрятный юноша ходит по огородам и полям, ища и собирая все, чем можно было прокормить упомянутых животных. Сердце у всякого сжималось при назидательном зрелище того, как он с вязанками травы, сена и т.п. на плечах обходил хлева и своими руками давал корм скотине.

И вот, пока они оба равно были постоянно заняты столь назидательными делами милосердия, Господу было угодно дать покой дяде Бенедикта Иосифа, который в конце концов пал славной жертвой своей любви, заразившись во время неустанной и непрерывной помощи [больным]. В этом служении он претерпел невероятные лишения и совершенно лишил себя всего ради своих «овец», как то стало известно от самого Бенедикта, который говорил, что дядя его умер вконец разоренным и лишившись всего.

Так наш Слуга Божий осиротел, лишившись столь [великого] наставника; было ему тогда восемнадцать лет, и шел девятнадцатый год его жизни. Сей достойный пастырь умер в ореоле святости, и оплакивал его весь народ.

Такой удар не мог не отозваться глубочайшей болью в нежнейшем сердце юноши, особливо когда он размышлял о том, скольким он ему обязан, ибо тот любил его и был ему вместо отца.

И сие-то и стало тем великим событием, взирая на которое, он, поразмыслив о бренности человеческой жизни, еще более воспламенился желанием небесного и решимостью умереть совершенно для мира и для самого себя, исполнив замысел, который вынашивал доселе; тем паче, что теперь он считал себя более способным исполнить его ввиду несколько более зрелого возраста.

ГЛАВА VII. О его повторном возвращении в Аметт в отчий дом и о попытках исполнить замысел принять монашество у траппистов.

После смерти Эренского кюре, дяди нашего Бенедикта Иосифа, он, как мы видели, был вынужден вернуться в Аметт в отчий дом в том же 1766 году.

Образ смерти, который он узрел в одном из самых дорогих ему людей и который привез с собою на родину, стал для него новым, еще более сильным побуждением, еще настойчивее склонявшим его освободиться от всего земного и поспешить в Ла-Трапп, к чему он уже готовился.

И поскольку главным его правилом было всегда стремиться к полной чистоте совести и не пренебрегать ничем, что могло бы послужить к вернейшему спасению, он прежде всего обратил свои помыслы к тому, чтобы снова совершить генеральную исповедь, вторую в его жизни, дабы вступить в монастырь человеком, совершенно обновленным благодатью Иисуса Христа.

Он и в самом деле совершил ее со свойственным ему великим тщанием и рвением (о чем мы уже подробно рассказали выше). В это время он не переставал умножать свои молитвы и более чем когда-либо предавался умерщвлению плоти. [Делал он это] для того, чтобы испросить у Отца утешения (ср. 2 Кор. 1:3) благодать, им столь вожденную, однажды во всем уподобиться Иисусу Христу, особенно в нищете, смирении и совершенном самоотречении (от коих добродетелей он, в своем глубоком смирении, почитал себя весьма далеким), а равно и для того, чтобы приучить себя к суровым подвигам, которые ему предстояло творить в будущем.

Он снова обратился к родителям с прежней просьбой о позволении отправиться в столь вожденный ему Ла-Трапп, но встретил огромное сопротивление всех родных и особливо со

стороны матери. Однако, сколько бы доводов ему ни приводили, он всегда твердо стоял на своем и отвечал одно: «Надлежит служить Божественным замыслам».

Слова эти были для него полны глубокого смысла. Ибо, хотя он и вздыхал о Ла-Траппе, а впоследствии, как мы увидим, и о других суровых обителях, он, однако, хорошо понимал, что дух его не успокоится, покуда не найдет [такого] строгого подвига, который бы отвечал его устройению — [жажде] страдать за Иисуса Христа — и помог бы совершенно уподобить его Ему.

Наконец, после долгой борьбы, Слуга Божий получил вождевленное дозволение от своих родителей, ибо они убедились, что такое постоянное рвение не могло быть не от Бога.

И вот наш Бенедикт Иосиф, преисполненный радости, отправился с их благословением в Ла-Трапп.

Но что же? Прибыв туда после долгого и тяжкого пути, он не был принят по причине возраста, еще недостаточно зрелого для той обители, которая, ввиду суровых подвигов, что там совершаются, требует уже крепкого и вполне взрослого сложения.

Всякий может вообразить, сколь чувствительным должен был оказаться для пламенного юноши такой неожиданный удар.

И вот, пришлось ему, несмотря на безутешное горе, всецело предавшись воле Господней, вернуться домой, дабы ожидать более подходящего времени для исполнения сего своего замысла, которого он, впрочем, не оставил.

Тем временем, поскольку эта его попытка не увенчалась успехом, родители отправили его в Контвиль (Conteville), где другой его дядя, также священник [и] викарий, держал школу, дабы он усовершенствовался там в латинском языке.

Этот второй его дядя, который ныне является кюре в Де-ла-Песс (Delepesse), ничуть не уступает первому ни в рвении, ни во всех прочих добрых качествах, как о том извещает нас монсеньор епископ Булонский в письме, в коем он упоминает [кюре], говоря о добром свидетельстве, сообщенном нам о его племяннике:

«Среди писем, что я Вам посылаю, есть одно от г-на аббата Венсана, дяди досточтимого Бенедикта Лабра, чье свидетельство должно произвести тем большее впечатление, что он один из достойнейших священников, каких я знаю. Его выдающееся благочестие, его суровейшая жизнь, его милосердие, исполненное сострадания и щедрости к бедным, снискали ему такое уважение и всеобщее почитание, что в тех краях, где он известен, глас народа уже канонизирует его, ибо его обыкновенно величают не отец Венсан, а святой Венсан».

Сей достойнейший священник, уже зная о прекрасных качествах, которые он замечал в Бенедикте у себя дома, когда тот был еще мальчиком, а также получив сведения от другого, покойного, дяди и от родителей, не мог не взяться за его наставление с особой любовью.

За то время, что тот был под его началом, он восхищался скромностью своего воспитанника, благочестием его и в особенности кротостью и духом покаяния.

Говоря о кротости, он свидетельствует: «С самой нежной юности он вызывал к себе любовь своей великой кротостью, коей в Контвиле он явил множество примеров. Среди учеников, коих я обучал, был один весьма злонаправленный, который, зная миролюбивый нрав Бенедикта, находил удовольствие в том, чтобы во всем ему прекословить. Бенедикт же никогда, ни словом, ни

делом, не противился ему. Его терпеливая выдержка доходила до того, что он сносил значительные неудобства от зимнего холода, не [пытаясь] защититься от него и не жалуясь».

Говоря же о его духе благочестия и покаяния, он, среди прочего, замечает: «Я всегда отмечал в нем великое благочестие и рвение к чтению добрых книг. Труды о. [Жана Лежёна] Слепого были главным средством, что так воспламенило его к покаянию. Он читал их многократно и, обладая здравым суждением и прекрасной памятью, запечатлел в душе обретенные там истины».

И в самом деле, чтение этой книги постоянно будило в Бенедикте устремление удалиться в орден трапистов; но поскольку ему казалось, что дело слишком затягивается, — ибо приходилось ждать требуемого [для поступления] возраста, — он из-за этого пребывал в постоянном терзании.

К этому столь живому желанию, пылавшему в его сердце уже долгое время, то есть около шести лет, прибавилось новое пламя, когда ему довелось слушать в Контвиле «миссии»¹ нескольких священников, которые с этой целью странствовали по тем краям.

Уже с тех пор, как он прочел труды о. Жана [Лежёна], знаменитого миссионера, он проникся особым уважением и несравненной любовью ко всем тем священникам, что посвящают себя подобному служению Слову Божию; уважение и любовь эти сохранил неизменно до самой смерти, стараясь при случае не пропустить ни единого их слова, и обыкновенно поверял самые сокровенные тайны своей души только таким людям.

Движимый этим уважением и побуждаемый жаждою к освящению своей души, он, находясь в Контвиле, последовал за священниками-миссионерами в Божаваль, Бриас, Зуаллекур и Реккема, не помышляя ни о чем ином, кроме спасения души.

В ту пору рвение его безмерно возросло, и, уже не в силах терпеливо ждать того времени, когда его примут в Ла-Трапп, он обратил свой взор на орден св. Бруно, именуемый Картезианским.

Он поведал эту мысль одному священнику, ректору семинарии, — имени его я не припомню, — который также подвизался на поприще Святых Миссий и, вероятно, был одним из тех, за кем Слуга Божий следовал во время оногo благочестивогo служения. К этому достойному священнику Бенедикт Иосиф питал великое уважение, и заслуженно, ибо тот проник вглубь его духа и вел его как превосходный наставник все время, вплоть до его вступления в Картезианский монастырь в Монтрёе, о чем мы поговорим позднее.

Блаженный принес ему генеральную исповедь, которая была третьей, и после нее решил полностью подготовиться для вступления в картезианский монастырь, известив о том своих родителей и испросив их благословения, для чего снова вернулся в Аметт, в отчий дом.

¹ Речь идет о так называемых «внутренних миссиях» (*missions intérieures*) — широко распространенном в Католической Церкви XVII-XVIII вв. (особенно во Франции) пастырском движении. Эти миссии проводились среди сельского населения Европы с целью его повторной евангелизации, углубления знаний о вере и искоренения суеверий. Этим занимались в основном новые конгрегации, такие как лазаристы (основанные св. Венсаном де Полем) и ораторианцы (к которым принадлежал о. Жан Лежён), редемптористы, реже — иезуиты и капуцины. Миссии представляли собой многодневные циклы пламенных проповедей, часто на темы «последних вещей» (смерть, суд, ад и рай), и обычно завершались генеральной исповедью всего

прихода. На месте завершения миссии часто водружали большой “миссионерский крест”, который служил постоянным напоминанием о данном событии.

ГЛАВА VIII. Новые трудности, с которыми Слуга Божий столкнулся как из-за своего призвания у родителей, так и у картезианцев в Лонгенессе и Монтрёе.

Хотя Бенедикту Иосифу казалось не столь уж трудным получить на этот раз от родителей дозволение на картезианский монастырь, которое он прежде получил на Ла-Трапп, тем не менее, он не нашел их столь же расположенными к тому, чтобы удовлетворить его просьбу.

В особенности мать, глубоко сострадавшая сыну из-за великой любви к нему, не могла расстаться с ним. Чтобы испытать его постоянство, она не преминула напомнить ему, что, куда бы он ни пошел, он, конечно, не найдет тех удобств, что были дома; что, кроме того, он лишает себя всякой надежды, поскольку ему, как первенцу, надлежит стать главой [семьи], заботиться о доме и быть наставником братьям и сестрам, а также что, оставшись дома, он мог бы надеяться получить побольше, нежели остальные братья¹.

Но все это не имело никакой цены для юноши, твердого в своем решении оставить мир, который он сердцем оставил уже так давно. Наконец, убедившись в его твердости духа, родители даровали ему вожделенное дозволение и свое благословение. И он, преисполненный радости, поспешил в картезианский монастырь в Монтрёе.

Прибыв в Монтрёй, он предстал перед настоятелем той обители и, изложив свою просьбу, получил в ответ, что он еще слишком молод для принятия, поскольку для вступления туда требуется достичь установленного возраста. Кроме того, ему необходимо знать церковное пение, которое именуется *santus firmus* (твердое пение), и изучить диалектику; посему ему следует набраться терпения, подождать еще немного, заняться в это время указанными науками, и тогда, вернувшись, он будет принят.

Бенедикт с огорчением выслушал этот ответ, но, будучи, как обычно, всецело предан воле Божией, покинул то место. И, поскольку ему показалось, что он нашел способ ускорить исполнение своего желания, он поспешил в картезианский монастырь в Лонгенессе, что близ Сент-Омера, в надежде, что там его примут.

И в самом деле, надежда его не оказалась тщетной; ибо настоятель этой обители принял его и допустил к новициату.

Поначалу Бенедикту Иосифу показалось, что он ступил на землю обетованную. Но именно здесь Господь пожелал подвергнуть его одному из самых суровых испытаний, коими Он обыкновенно испытывает наиболее дорогие Ему души, подобно тому, как золото испытывается в горниле, — души, предназначенные для восхождения к высочайшим ступеням совершенства еще в этой долине слез. Не зря ведь пророк говорил: «*De excelso misit ignem in ossibus meis, & erudivit me*» (Свыше послал Он огонь в кости мои и научил меня; Плач Иер. 1:13).

Это и есть то испытание, о коем превосходно пишет св. Иоанн Креста, называя его «темной ночью», и которое мистики именуют также пассивным очищением.

Сей глубокий мрак, рождающийся от противления человеческой природы Божественной и исходящий от живого света, вливаемого Богом в душу, который высвечивает каждую крупинку несовершенства, открывая притом человеку бесконечное величие Бога и собственную ничтожность, соединенную с осознанием Божественной строгости, а также от влитой в душу Божественной любви, вследствие чего она ненавидит малейшее оскорбление Бога горше самой смерти. [Мрак этот] рождает в душе тревоги, опустошение, ужасы, угрызения совести и прочие

подобные мучения, которые св. Иоанн Креста подробно перечисляет с великим мастерством во второй книге «Темной ночи» в главе 6, где он говорит об этом испытании.

Величайшие души Бог подвергает такой чистке, но особенно те, кого Его Божественное Величество призывает к возвышенному созерцанию, как согласно указывают Учителя, которые приводят тому множество примеров из Священного Писания, как то: Святой Иов, Иеремия и Давид.

Впрочем, оставив в стороне святых Ветхого Завета, заметим, что сие же водительство Божие явлено и в жизни многих святых, таких как св. Тереза, св. Игнатий Лойола, а св. Франциск Сальский в юности дошел до прямо-таки чуть ли не до смертельной опасности от таковых мучений и тревог.

Все это я счел нужным изложить здесь несколько пространно, во-первых, потому что сие прольет свет на некоторые черты из жизни нашего слуги Божия Бенедикта, а во-вторых, дабы то, что является следствием добродетели, не было приписано недостатку. Так ошибиться весьма легко тем, кто не ведает путей Господних и созерцает события очами плоти, исходя из собственных несовершенств, ибо совершенно истинно сказанное Апостолом: «Animalis homo non percipit ea, quæ sunt Spiritus» (Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия; 1 Кор. 2:14).

Возвращаясь к нашему повествованию, скажем, что таково было состояние нашего Слуги Божия, с которым, конечно, мало соотнобразывалось то молчание и то глубокое уединение, которым следуют картезианцы.

И все же, даже в таком мучительном состоянии добрый юноша не падал духом; единственное, что его не удовлетворяло, так это то, что, хотя монашеское устройство Лонгенесса и было суровым, лично для него оно казалось слишком мягким.

Однако Бог, Который имел иные замыслы относительно этой души, распорядился так, что через шесть недель Бенедикт оставил это место, хотя, как он сам мне рассказывал, и с сожалением, не зная, сможет ли он когда-нибудь вернуться в столь любимую им обитель. Но при этом он утешал себя надеждой, что однажды будет принят в Ла-Трапп, каковое желание в нем не угасло.

Бенедикт, покинув картезианский монастырь в Лонгенессе, снова явился к своему наставнику, о котором мы говорили выше и которому он прежде принес свою генеральную исповедь.

Сей достойный священник, глубоко постигнув дух Слуги Божия и составив о нем верное представление, успокоил немногими словами его тревоги и посоветовал ему на то время вернуться домой, что Бенедикт и сделал.

¹ В данном контексте подразумевается большая доля наследства или, по крайней мере, преимущественное право на управление семейным имуществом. В те времена во Франции, особенно в сельской местности, часто действовал принцип майората (первородства). Мать Бенедикта напоминает ему, что как первенец он не только станет главой семьи и наставником для младших, но и унаследует основную часть имущества, чтобы сохранить его целостность, чего лишается, уходя в монастырь.

ГЛАВА IX. О жизни, которую Слуга Божий вел в отчем доме, и о новых прениях из-за его призвания на протяжении двух лет.

Пройдя через это испытание, которому Господь подверг верного Своего слугу, Бенедикт вернулся домой, принеся с собой дух монастырской суровости, который он особо ревностно блюл в течение всего времени пребывания дома, а это было около двух лет.

Хорошо видя, что рука Божия пока удерживала его от обители, он, тем не менее, понимал, что призван к суровой жизни, хотя и не видел, каким именно образом. К этой задаче он и старался подготовиться всеми возможными способами.

Тем временем он не прекращал молитвы, часто возводя очи свои к горам вечным (ср. Пс. 120:1), откуда ждал большего света и помощи, чтобы в полноте ответить Божественной воле.

В эту пору, когда ему было двадцать лет, помимо постов, он ради той же цели тайно предавался и другим суровым подвигам. Добрая мать, опасаясь за его здоровье, зорко следила, стараясь обнаружить, каким образом сын терзает свое тело. И действительно, ей несколько раз удавалось застать его спящим на голых досках вместо того, чтобы покоиться в постели. Уязвленная горем при виде того, как сын столь жестоко истязает свое невинное тело, она принималась его бранить и упрекать за сие.

Бенедикт же всегда отвечал со смирением и радостью, что, мол, поскольку Бог призывает его к жизни суровой и подвижнической, он начинает таким образом готовиться, дабы последовать Божественным замыслам.

Эти прения между сострадательной матерью и сыном, суровым к самому себе, были почти непрерывными.

Мать, движимая добрыми намерениями, старалась отвратить его от благочестивого замысла столь суровой жизни, о которой он помышлял, и говорила ему, что никогда не даст согласия на его уход; ибо, оставив отчий дом, он не найдет средств к пропитанию. Бенедикт же отвечал ей: «Отпустите меня, матушка. Я буду жить кореньями, как анахореты! С помощью благодати Божией можно жить так же, как и они».

Шум этого столь горячего и долгого препирательства, которое Господь попустил ему, дабы он одержал славную победу, не мог оставаться в стенах дома. Слышно о том стало по всей округе; и едва ли нашелся бы человек, родственник или друг, который не ввязался в спор со слугою Божиим, стараясь отвратить его от этого замысла.

Блаженный приводил доводы, весьма веские по своей очевидности, и для опровержения их требовалось духовных сил не меньше, чем те, коими обладал Бенедикт. К этим доводам присоединялся еще и авторитет [Писаний и Церковного учения], что придавала им большую силу.

О. Тере, достойнейший священник и кюре в Бюрбусе, бывший тогда викарием в Аметте, свидетельствует, что в то время он восхищался великим терпением Бенедикта, сносившего резкие и колкие слова, которые ему говорили родные, равно как и о. Тере (тогдашний викарий в Аметте) — все с добрым намерением и полагая, что поступают правильно, расстраивая его благочестивые замыслы, которые тревожили, огорчали и приводили в смятение всю семью, а паче всего мать. Несмотря на все эти противодействия, Бенедикт оставался веселым, добродушным, послушным и покорным своим родителям, покуда не получил от них дозволения отправиться в картезианский монастырь в Монтрёе.

Великое постоянство Слуги Божия, соединенное с глубокой покорностью, смирением и кротостью, не могло быть побеждено плотью и кровью, а потому вполне закономерно, что начальствующие ему уступили: после столь долгого испытания и стольких доказательств, не

оставлявших места для сомнений в том, что юноша действует по духу Господню, они наконец согласились на его просьбу.

Итак, Бенедикт начал готовиться к вступлению в новый картезианский монастырь в Монтрёе, где, как говорилось выше, его обещали принять при условии, что он изучит диалектику и пение.

С этой целью он отправился под наставничество о. Дю-Фура, который в то время был викарием в Линьи, а ныне является кюре в Анши-о-Буа.

ГЛАВА X. Он приступает к изучению диалектики и пения. Его жизнь в Линьи у о. Дю-Фура.

Божественное Писание, повествуя о путях, коими Господь ведет Своих слуг, то именует их дивными (*mirabiles*) (ср. Откр. 15:3; Пс. 118:129), то — в ином месте — называет суровыми (*duras*) (ср. Иер. 4:18; Мф. 7:14).

Всякий, кто обратит взор на описанную нами часть пути, по которой ведом был слуга Божий Бенедикт Иосиф Лабр, без труда усмотрит, что она воистину дивна и сурова. И тем паче, что предел ее доселе остается сокрытым от самого Слуги Божия, невзирая на то, что он непрестанно ощущает мощные порывы шествовать по ней и на деле шествует, подобно тем таинственным животным, коих созерцал Пророк Иезекииль: "...и куда дух хотел идти, туда шли и они" (ср. Иез. 1:12, 1:20).

Но еще более дивным и суровым является тот весьма долгий отрезок пути, который нам предстоит обозреть.

И вот, он приступил к изучению диалектики, сиречь логики, а равно и пения.

Всякий мог бы подумать, что он с равным рвением предастся обеим наукам, принимая во внимание его великое стремление облачиться в одеяние св. Бруно¹ в новой обители в Монтрёе. Однако сколь сильное влечение он питал к изучению пения, чтению благочестивых книг (к чему имел огромную охоту) и прислуживанию за мессой, столь же великое отвращение испытывал к диалектике. И сколько бы он ни понуждал себя, ему не удавалось преодолеть сию неприязнь; то же, что он все-таки постиг эту науку, было плодом скорее его блестящего дарования, нежели прилежания.

Его наставник, плененный прекрасными качествами такого духа, прилагал все старания, чтобы помочь ему. Впрочем, в этом он предоставлял ему свободу поступать так, как тот считал лучшим, будучи уверен благодаря безупречному поведению юноши, что все, что бы тот ни сделал, заслуживает одобрения.

Бенедикт Иосиф прожил в той обители три месяца, кои провел в непрестанном чтении благочестивых книг, в особенности [сочинений] Слепца, коими не мог насытиться, а также в непрерывной молитве и иных упражнениях христианского благочестия.

Но паче всего он тайно распинал плоть свою, нося в теле мертвость Иисуса Христа (ср. 2 Кор. 4:10), дабы приучить себя к еще большей суровости, о которой непрестанно размышлял и вздыхал, жаждая во всем и повсюду сообразоваться со своим Распятым Господом, Которого всегда имел перед очами и в сердце.

То отвращение, которое он с самого младенчества выказывал к невинным удовольствиям и любим, пусть даже дозволенным, развлечениям, ныне, в этом возрасте, когда он мог уже сам собою распоряжаться, укоренилось в нем глубочайше.

Никогда не удавалось склонить его к участию в обычных забавах, коим, по обычаю тех мест, предаются в сельских приходах в воскресные и праздничные дни по окончании церковных служб. Один из его соучеников задался целью увлечь его туда хотя бы единожды и предпринимал к тому различные попытки, побуждая его самым настойчивым образом.

Но тщетны были все его усилия, и никогда не довелось ему натешиться зрелищем того, как добрый юноша хоть сколько-нибудь смягчит свою привычную суровость и предастся какому-либо развлечению.

Не премину здесь заметить, что сколь сурово Бенедикт изнурял внешне свою плоть и чувства уединением, молчанием, постом и иными подобными строгостями, столь же мучительно был он распинаем в духе своем.

В нем все еще длилась та ночь очищения, о которой мы говорили выше, и иные ощутимые следствия коей мы увидим в дальнейшем. Она сгустилась именно тогда, когда, казалось бы, должна была воцариться ясность и когда он чаял обрести тишину и покой.

И в самом деле, Слуга Божий жаждал возможности однажды воспеть вместе с Царственным Пророком: «*Ecce elongavi fugiens & mansi in solitudine ad eum, qui salvum me fecit a pusillanimitate Spiritus, & tempestate*» (Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне, [ожидаю] Того, Кто спас меня от малодушия и бури; ср. Пс. 54:8–9).

Ему мнилось, что мир ему принесет новая картезианская обитель в Монтрёе, которая неудержимо влекла его к себе.

Посему, не в силах более ждать, Бенедикт, как только ему показалось, что он достаточно обучился логике и пению, поспешил в ту обитель, дабы принять иноческое облачение, обещанное ему ранее на тех условиях, которые он теперь исполнил.

¹ *Т.е. картезианский хабит.*

ГЛАВА XI. Он принят в новый картезианский монастырь в Монтрёе. Его пребывание в сем монастыре и его уход оттуда.

По завершении курса изучения диалектики и пения в августе 1769 года Бенедикт Иосиф отправился в Монтрёй.

Прибыв в новую картезианскую обитель, он предстал перед настоятелем того монастыря. Сей последний, усмотрев в нем все необходимые качества, без каких-либо затруднений согласился его принять; и действительно, он был принят в новициат в праздник Успения Марии или в один из дней его октавы.

Всякий может вообразить, как утешенила его возможность затвориться в том скиту. Пылкому послушнику казалось, что здесь он достиг, наконец, тихой пристани — предела своих устремлений; и с невероятной радостью принялся тщательно и скрупулезно соблюдать строгий устав сего ордена и творить все подвиги воздержания, кои там совершаются.

Но радость сия была мимолетной. Ибо, испытав все на деле, он нашел, что сей устав (который своей строгостью может легко утратить даже самые крепкие души, жаждущие христианского подвижничества) для него слишком мягок — так ненасытна была его жажда страданий ради Иисуса Христа.

Хотя, по правде говоря, не только это не давало покоя его сердцу. Тот живой свет и тот живой огонь, что мы описали выше, коими Бог очищает и испытывает наиболее любимые души, дабы они умерли для самих себя и теснее соединились с Ним, усилились в нем паче прежнего.

Господь те только являл ему Верховное Благо, достойное бесконечной любви, и побуждал его к этой любви, но и открывал ему и собственную его низость, представляя ее достойной всякого презрения, а также требующей искушения суровейшим покаянием.

И подобно тому, как у взорающего пристально на солнце от избытка света ослепляется взор, и он видит светило лишь смутно, так и при этом Божественном Свете, в великом избытке изливавшемся в сию прекрасную душу, блаженный уже не видел, или, лучше сказать, полагал, что более не видит самого Бога. И со стоном повторял он со св. Иовом: *Cur faciem tuam abscondis, & arbitraris me inimicum tuum?* («Зачем скрываешь лице Твое и считаешь меня врагом Твоим?»; Иов 13:24). И казалось ему, что рука Божия удаляет его оттуда, куда прежде призвал Его голос.

Сия внутренняя скорбь, это борение его духа были так велики, что он не мог их утаить, и вскоре они стали явны. Его муки вызвали сострадание у добрых иноков. Они, взвесив все, почли состояние Бенедикта явным знаком того, что Господь не желает видеть его в сем ордене и что Он хочет от него только одной жертвы — собственной воли. Посему они пришли к решению отпустить его, что и сделали, продержав его у себя шесть недель; случилось же это 2 октября того же 1769 года.

Покинув картезианскую обитель в Монтрёе, он в тот же день написал письмо своим родителям, давая им отчет о том, что с ним приключилось, и вместе с тем извещая о нынешних намерениях.

Письмо это поистине назидательно во всех своих частях и как нельзя лучше послужит тому, чтобы дать нам представление о его благонравной душе, о его устремлениях и о его рвении, а также позволяет узнать, до какой степени уже дошел героизм его добродетелей. Посему я счел правильным поместить оригинал его в Приложении с документами, а здесь привести его в переводе с французского языка для утешения и назидания благочестивого читателя¹.

Монтрёй, 2 октября 1769 года

Дражайшие батюшка и матушка,

Сообщаю вам, что, поскольку картезианцы не сочли меня пригодным для их образа жизни, я покинул их обитель во второй день октября. Я рассматриваю это как повеление Божественного Провидения, которое призывает меня к состоянию более совершенному. Они сами сказали, что это рука Божия выводит меня от них.

Посему я направляюсь в Ла-Трапп, в ту обитель, которой я так жаждал и так давно желал.

Прошу у вас прощения за все непослушания и за все огорчения, которые я вам причинил. Прошу вас обоих дать мне ваше благословение, дабы Господь сопровождал меня. Я буду молить Доброго Бога за вас во все дни жизни моей.

Главное, нисколько не беспокойтесь обо мне. Даже если бы я захотел там остаться, меня бы не оставили. Потому я весьма радуюсь тому, что Всемогущий ведет меня.

Позаботьтесь прежде всего о наставлении моих братьев и сестер, и особенно моего крестника. С помощью благодати Божией я больше никогда ничего вам не буду стоить и не причиню вам никакого беспокойства. Я веряю себя вашим молитвам; я здоров и на слуг не тратился. Вышел только после того, как приступил к Таинствам.

Будем всегда верно служить Доброму Богу, и Он нас не оставит. Заботьтесь о своем спасении; читайте и практикуйте то, чему учит Слепец. Его книга указывает путь на Небо, и, не исполняя того, что он говорит, нельзя надеяться на спасение. Размышляйте об ужасных муках ада, которые претерпевают целую вечность за один только смертный грех, совершить который ох как легко. Старайтесь быть в числе избранных.

Благодарю вас за всю доброту, что вы ко мне проявили, и за все услуги, что вы мне оказали; Добрый Бог воздаст вам за это. Обеспечьте моим братьям и сестрам то же воспитание, что вы дали мне; это средство сделать их счастливыми на Небесах. Без наставления невозможно спастись.

Уверяю вас, что вы освобождены от забот обо мне; я дорого вам обошелся, но будьте уверены, что с помощью благодати Божией я воспользуюсь всем тем, что вы для меня сделали. Не печальтесь о том, что я покинул картезианцев; вам не подобает противиться воле Бога, Который так распорядился ради моего большего блага и ради моего спасения.

Прошу передать мои наилучшие пожелания братьям и сестрам. Даруйте мне ваши благословения. Я больше не причиню вам никаких хлопот. Добрый Бог, Которого я принял перед уходом, поможет мне и поведет меня в том предприятии, которое Он Сам мне внушил. Я всегда буду иметь страх Божий перед глазами и Его любовь в сердце.

Твердо надеюсь быть принятым в Ла-Трапп; в любом случае, меня уверяют, что в орден Сет-Фон², поскольку она не столь сурова, принимают и в более молодом возрасте; но я буду принят в Ла-Трапп.

Ваш покорнейший слуга Бенедикт Иосиф Лабр

¹ Пер. с фр. ориг. письма из Приложения.

² В письме Бенедикт Иосиф Лабр упоминает «Орден Сет-Фон» (Sept-Fons). На самом деле, это не отдельный церковный орден, а конкретное и очень известное аббатство Нотр-Дам де Сет-Фон (Abbaye de Sept-Fons). Это монастырь цистерцианцев (которые живут по Уставу св. Бенедикта, но с акцентом на аскезу и ручной труд). Исторически и Сен-Фон, и Ла-Трапп стали центрами реформы, которая привела к появлению траппистов (Цистерцианцев строгого соблюдения). В Ла-Трапп (куда так стремился святой) реформу проводил аббат де Рансе — она отличалась крайней суровостью, полным молчанием и тяжелыми аскетическими подвигами. В Сет-Фон реформу проводил аббат Эстаи де Бофор. Хотя жизнь там тоже была очень строгой и аскетичной, требования к здоровью или возрасту послушников (новициев) были чуть менее категоричными, чем в самом Ла-Трапп, поэтому св. Бенедикту Иосифу советовали попробовать поступить туда, если в Ла-Трапп откажут. Сегодня Сен-Фон – действующее траппистское аббатство во Франции (департамент Алье), известное своей строгой монашеской жизнью, а также джемами и пищевыми добавками,

производимыми там монахами. В контексте письма фраза «орден Сет-Фон» означает просто «общину Сет-Фон» или «устав, принятый в Сет-Фон».

ГЛАВА XII. Блаженный направляется в Ла-Трапп, а затем в аббатство, именуемое Святой Обителью Богоматери Семи Источников (Sept-Fons), где его принимают. Жизнь Бенедикта Иосифа там и уход из сей обители.

Из приведенного выше письма ясно следует, что наш Слуга Божий по-прежнему твердо держался своего первоначального намерения: облачиться в монашеские ризы в том ордене, который он почитал самым суровым, а именно в Ла-Траппе. Туда он уже ходил однажды, как мы видели выше, в более юном возрасте, по причине которого и не был тогда принят.

Итак, он вновь предпринимает это весьма долгое и трудное путешествие в самую суровую пору года. Но и теперь, во второй раз, он не был принят. Так распорядился Господь, Который, хотя Бенедикт того и не ведал, желал удовлетворить его стремление к той цели, к которой он стремился, то есть к вступлению в наисуровейший орден, но иным образом, о чем я сейчас поведаю.

Итак, с надеждой, о которой мы видели упоминание в его письме, он направил стопы свои к аббатству, именуемому Святой Обителью Богоматери Семи Источников (Notre-Dame des Sept-Fons).

Монастырь Сет-Фон (Sept-Fons) расположен в епархии Отён, в приходе Сен-Сирик-де-Дион. Он был основан Гишаром и Гийомом де Бурбон в 1132 году и принадлежит к Цистерцианскому ордену. Изначально он назывался Святой Обителью (Lieu-Saint), что как нельзя лучше приличествует святости обитающих там Реформированных Цистерцианцев. Эсташ де Бофор, парижанин, начал реформу в 1663 году и скончался в 1709 году в возрасте семидесяти трех лет, управляя сим монастырем в общей сложности пятьдесят три года, а с начала Реформы — сорок шесть лет. (3) Там соблюдается Устав св. Бенедикта буквально (*ad litteram*). Сия обитель не имеет ничего общего с Ла-Траппом, кроме принадлежности к ордену, происхождения от цистерцианцев и устава, который соблюдается в монастыре.

Устав же Семи Источников значительно суровее. Здесь Божественный официий (служба) всегда поется полностью. Монахи неизменно встают в полночь, за исключением воскресений и других обязательных праздников, когда подъем немного позже. Трапеза у них бывает не раньше чем за три четверти часа до полудня, а то и позже. В дни поста они вкушают пищу лишь в часу девятом, то есть около двух или трех часов пополудни. Их вечерняя трапеза (колляция) состоит лишь из одного стакана вина без хлеба, что зовется «питием». В Великий же пост они приходят в трапезную лишь единожды, спустя четыре часа и четверть пополудни. К тому же, никогда не допускается превышать меру вина в 10 унций, назначенную каждому монаху.

Существует также множество иных особенностей, коими устав Семи Источников отличается от устава Ла-Трапп и кои, без сомнения, делают его более суровым. Но сего достаточно, чтобы развеять заблуждение многих, что путают монастырь Сет-Фон с Ла-Трапп, а также чтобы дать представление о суровости жизни, которую вел там наш Слуга Божий.

Итак, в этой обители Бенедикта Иосифа приняли в качестве хорового послушника. Он принял имя Урбан и облачился в монашеские ризы 28 октября 1769 года, будучи тогда в возрасте двадцати одного года.

Он уже полагал, что достиг места, предназначенного ему Богом до конца его дней, однако и здесь, как и в иных местах, довелось ему сильнее, нежели прежде, ощутить прикосновение

милосердной руки Возлюбленного, Который, ведя его суровыми путями и все теснее привязывая к Себе, заставлял его изнемогать от любви (ср. Песн. 2:5).

Та ночь, о которой мы говорили выше, сгущая здесь свой мрак более, чем когда-либо, понуждала эту душу искать своего Жениха; и казалось ему, что он непрестанно слышит глас: *Ubi est Dominus tuus?* («Где Бог твой?»); Пс. 41:4).

Мнилось ему, что Бог удаляется от него тем дальше, чем ближе Он находится. Так познавал он любовь Его, подобно тому, как любящая мать испытывает привязанность своего малого дитяти, скрываясь и побуждая его искать себя.

Пребывая в столь мучительном состоянии, он не оставлял тщательного соблюдения устава и обычаев Святой Обители, поучался в Законе Божиим и ревностно хранил Его заповеди. И тем не менее, ему казалось, что все он делает недостаточно хорошо и что он исполнен пороков.

Таково уж свойство благой души, как отмечает великий понтифик св. Григорий: страшиться вины даже там, где ее нет (*Bonæ mentis est, ibi peccatum metuere, ubi peccatum non est*; ср. S. Greg. M., Epist. XI, 64).

Эта любовная мука жестока, как смерть, а жажда все большего очищения в любви люта, как преисподняя (ср. Песн. 8:6).

Но наконец Бог, призывавший Своего Слугу к новому роду подвижничества в миру и к жизни еще более суровой, сокровенным и дивным промыслом распорядился так, что из опасений за его здоровье он был отпущен из обители. Случилось это 2 июля 1770 года.

Сие ясно явствует из свидетельства, найденного мною при нем после его смерти; свидетельство это можно прочесть в Приложении с документами. В нем с благочестивой простотой, чуждой притворства и льстивых речей, утверждается, что он жил в обители достойно.

Это дополнительно подтверждается письмом преподобнейшего отца аббата Сет-Фон, написанным преподобнейшему отцу аббату Казамари 15 июня сего 1783 года. В нем он утверждает, что книга, в которой записан его уход из новициата, гласит: он был благочестив, послушен, трудолюбив и весьма скорбел, покидая монастырь.

Насколько скорбным было для него расставание с сей обителью, ясно видно из самого письма; но еще понятнее это станет, если вспомнить о том рвении, о тех странствиях и усилиях, что предпринял он, дабы наконец вкусить, как некое наслаждение, суровость монастырского устава, соблюдаемого здесь со всей строгостью.

Ныне же он увидел, что всякий доступ сюда ему прегражден. Он в полной мере постиг, что Господь желает от него лишь жертвы воли, подобной жертве Авраамовой, но не желает совершения ее на деле, то есть прохождения жизненного поприща в монастырских стенах.

Но непонятно ему, куда направить стопы. Помышляя же о речении Спасителя нашего: «*Nemo mittens manum suam ad aratrum, & respiciens retro aptus est regno Dei*» (Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия; Лк. 9:62), он почитает недостойным возвращаться к обладанию тем, что оставил ради любви к Иисусу Христу.

Итак, там он видит затворенным путь в иночество; здесь же сам добровольно затворяет для себя двери отчего дома. Что же остается ему в таком положении?

Однако он не теряет мужества и, преисполненный упования, с пламенной молитвой прибегает к Богу, дабы Тот Сам стал его спутником и вождем.

И упование сие не было тщетным. Ибо в дух его нисходит свет, указующий ту стезю, которую нам предстоит увидеть далее; и этою стезею Отец светов (ср. Иак. 1:17) привел его к свершению того подвига, который Сам ему и внушил.

ГЛАВА XIII. Черда его паломничеств.

Если дивен был путь, коим доселе ведом был Слуга Божий Бенедикт Иосиф, то еще более дивен тот, что предстоит нам увидеть.

Слуга Божий, освободившись в одночасье и от уз мира, и от монастырских обязанностей, не утратил никаких трудностей в служении Богу. Будучи готов к величайшим свершениям, подобно Аврааму-страннику, который по повелению Божию вышел из Ура Халдейского, отечества своего, и оставил родство свое (ср. Быт. 12:1), он также двинулся в путь, дабы следовать Духу Господню, куда бы Тот его ни повел.

Понимая, что Рим есть средоточие Католической веры, счастливый Сион, избранный Богом для особого Своего пребывания (ср. Пс. 131:13), место триумфа и упокоения славных Первоверховных апостолов, а также множества служителей и героев, кои кровью и добродетелями прославили Церковь Иисуса Христа, и зная, что там, как говаривал св. Иоанн Кантий, благодаря сокровищнице индульгенций всегда отверст путь к прощению грехов, он почувствовал сильное влечение к этому Святому Граду, где Бог ожидал его ради Своих высочайших тайных замыслов, о которых я не считаю нужным или уместным здесь рассуждать.

Посему, не медля ни мгновения, он направил первые шаги своего паломничества к Риму.

Прибыв в Кьери в Пьемонте, он написал оттуда письмо родителям, помеченное 31 августа 1770 года, как для того, чтобы известить их о своем уходе из монастыря Сет-Фон, так и для того, чтобы передать им свое последнее «прости», после которого они не имели о нем никаких вестей вплоть до самой его смерти. Оригинал этого письма хранится у г-на аббата Венсана, кюре в Эф (Oeuf) близ Сен-Поля, который обещает прислать копию, но она доселе не доставлена в Рим.

В этом своем паломничестве блаженный не упускал случая посетить каждое святилище, которое находил в землях, через кои проходил, и о которых выказывал полную осведомленность.

Из Пьемонта он продолжил свой путь в Лорето, куда прибыл лишь в начале ноября того же года. Это заняло столько времени не только потому, что он неизменно держал путь свой пешком, но и потому, что задерживался в святилищах, которые встречал по дороге или ради которых отклонялся от прямого пути.

Прибыв в Лорето, он впервые поклонился той прославленной святыне, которая впоследствии стала его излюбленной, как мы увидим далее; он сохранил к ней невыразимое благоговение и получил там изобильнейшие милости.

Насытив в Лорето свое благочестие, он продолжил паломничество в Ассизи, дабы почтить память Серафического отца св. Франциска, к которому питал особую любовь, и прибыл туда до 20 ноября того же года.

Движимый уважением и благоговейной любовью, он помыслил вступить там в Братство вервия (Confraternita del Cordone) помянутого святого. К этому свершению он подготовился, прежде приступив к Святым Таинствам. И действительно, он был записан в это Братство 20 ноября вышеуказанного года.

Вероятно, с этого времени он возымел обычай носить на голом теле тонкий шнурок (cordicella), который был обнаружен на нем при снятии одежд после его смерти. С той поры он стал выказывать еще более явные знаки почитания сего Ссвятого, являя особое почтение к тем церквям, где чтили память об этом святом основателе.

Из Ассизи он продолжил свой путь в Рим, куда прибыл впервые в начале декабря. Там он был принят в странноприимном доме святого Людовика Французского (San Luigi dei Francesi). Имя его обретається записанным в хранящейся там книге паломников под 3-м, 4-м и 5-м числами декабря 1770 года.

Однако пребывание его в Риме не ограничилось лишь этими тремя днями. Он не покинул города, пока вполне не насытил свое благочестие и не совершил благоговейного обхода всех святынь сего благодатного Града; и с той поры он завел обыкновение проводить в этих церквях целые дни напролет.

Нелегко описать, сколь нежные чувства испытывал сей благочестивый паломник, особенно при посещении драгоценных святынь, связанных с нашим Распятым Искупителем, что хранятся и почитаются в этом Святом Граде. Пред ними он истаивал от умиления, исполненный одновременно сострадания и сердечного сокрушения.

Особую же привязанность выказывал он всегда к великой Матери Божией, почитая Ее изображения, в особенности самые прославленные, от которых, казалось, не в силах был оторваться. После Марии первое место в его благочестивом сердце занимали среди святых апостолы Петр и Павел, к гробницам которых влекло его, словно магнитом.

Так, прожив там весь остаток последнего месяца 1770 года и добрую часть нового, 1771 года, он отправился в обратный путь, совершив благочестивое паломничество в Лорето, куда чувствовал внутреннюю тягу.

Итак, он вышел из Рима в Лорето, где оказался во второй раз около середины сентября 1771 года.

Во время сего путешествия, в месяце июне, еще до прибытия в Лорето, Слуга Божий посетил Фабриано (Fabriano), дабы воздать почести св. Ромуальду, основателю ордена отшельников и монахов-камальдолийцев, прославленному своими выдающимися добродетелями и особенно строгим подвигом.

В этом городе он был принят в приюте св. Иакова Старшего, где задержался на несколько дней.

Там не смогла укрыться его добродетель, отчего народ начал величать его святым. Он же, всегда старавшийся быть в сокрытии и, по глубочайшему своему смирению, не в силах вынести, чтобы ему оказывали какое-либо почтение, тотчас удалился, едва лишь заметил сие.

Обо всем этом мы узнали из письма г-на кюре Паджетти, который во все время пребывания блаженного в Фабриано был его духовным наставником. Он также добавляет, что Бенедикт Иосиф, уходя, сказал ему, что вознаградит этот приют за оказанное милосердие. Эти слова упомянутый г-н кюре воспринял как своего рода пророчество, говоря, что оно исполнилось,

когда впоследствии некая дама, проживавшая в Лорето, оставила сему богоугодному заведению завещательный дар в размере 100 скудо.

В тот раз, пробыв в Фабриано около 15 дней, он вновь принес свою генеральную исповедь упомянутому господину кюре Паджетти. Сей священник дает следующее свидетельство об этом поступке, как и о поведении блаженного в целом:

«На следующий день я вернулся в церковь, чтобы служить мессу, и нашел его там же. Он вошел следом за мною в ризницу и, приблизившись, сказал, что имеет великое желание принести мне генеральную исповедь. Я обещал удовлетворить его желание.

Действительно, через два или три дня, вернувшись в ту же церковь и найдя его на обычном месте, я подошел к нему и спросил, готов ли он к генеральной исповеди. Он ответил утвердительно.

Введя его в ризницу, я выслушал его генеральную исповедь, охватывавшую жизнь его с самого нежного возраста и до того дня. При этом я не мог не дивиться действиям благодати в том, кто умеет на нее откликнуться, и тому, как он сообразовывался с нею до сего времени, невзирая на козни и искушения дьявола. В особенности же [поразило меня] одно принятое им решение (которое он мне не открыл полностью): служить Господу с вящим совершенством, если Господь то попустит. Однако Господь, следуя Своим праведнейшим замыслам, дозволил этому продлиться лишь краткое время. Через болезнь Он дал ему уразуметь, что желает видеть его на том пути, на который он уже вступил, и произошло это совсем недавно.

Милости, которые блаженный получал свыше, он называл "снами". Он поведал мне, что имеет намерение и чувствует вдохновение совершить паломничество в Компостелу, дабы поклониться мощам св. Иакова, к которому питал глубокое благоговение.

Он питал глубокое почтение к Святейшему Человечеству Господа нашего и к Пресвятой Марии; горячо и сострадательно молился за души в чистилище; и выказывал великое презрение к самому себе, называя свое тело не иначе как *мерзкой плотью (corpaccio)*.

Также он являл великую любовь к ближнему, как духовную, так и телесную: духовную — вознося пламенные молитвы к Богу за все творения в мире; телесную — раздавая нищим все, что сам получал как милостыню, и оставляя себе лишь малую толику для весьма скудного пропитания на текущий день.

Такова была жизнь, которую он вел в Фабриано и которой придерживался с тех пор, как Бог призвал его к сему образу жития».

В том же 1771 году он предпринял паломничество в Неаполитанское королевство, дабы посетить там самые прославленные святые, среди которых знамениты: [базилика] св. Николая, епископа Мирликийского, в Бари; [собор] св. Януария в Неаполе; [святилище] св. Михаила на горе Гаргано и немало других.

Итак, наш Слуга Божий прибыл в Бари 31 октября 1771 года, где прожил в странноприимном доме три дня подряд согласно обычаю того места. Имя его обретается записанным в книге паломников под 31 октября, 1 и 2 ноября (1).

Насытив с привычным своим рвением благоговение к достохвальному святителю Николаю, Слуга Божий продолжил свое паломничество в город Неаполь, где, как установлено, он находился 13 февраля 1772 года.

Быть может, в промежуток времени между отбытием из Бари и прибытием в Неаполь он посетил гору Гаргано или иное святилище, но о том мы не имеем никакой достоверности.

В Неаполе же, дабы насытить свое благоговение к славному епископу и мученику св. Януарию, а также к иным святым, почитаемым в том городе, он задержался не менее чем на месяц. Ибо из Неаполя в обратный путь к Риму он отправился не ранее 17 марта 1772 года, как определенно явствует из паспорта, выданного в Казерте для следования в Рим.

Вернувшись в Рим, он задержался в этом Святом Граде на некоторое время, пока, по обыкновению, не насытил своего благочестия. Но там он опять почувствовал влечение к Святому Дому в Лорето и вновь направил стезю своего паломничества к этому святилищу. В Лорето он оказался в начале июня сего 1772 года, где и оставался некоторое время.

Благоговение, которое Слуга Божий питал к Серафическому отцу св. Франциску, привело его в следующем, 1773 году, в Тоскану, где он намеревался посетить знаменитое святилище на горе Альверния (La Verna).

Об этом мы не смогли найти никакого документального свидетельства, так как часть его бумаг, а именно паспорт, была утеряна; известно доподлинно, что он был похищен воровской рукой, и, возможно, из него можно было бы почерпнуть какие-либо сведения. Впрочем, я живо помню, как Слуга Божий рассказывал мне, что был в Тоскане и там снова принес генеральную исповедь, которая стала для него предпоследней. Хотя он и не уточнял, сколь долго пребывал в тех краях, тем не менее, зная его обыкновение, мы можем полагать, что он посетил и другие святыни Тосканы, и, следовательно, этот круг его паломничества не был краток.

В 1774 году он снова вернулся к святыням сего Царствующего Града [Рима], куда прибыл в начале апреля. Он вновь был принят в странноприимном доме Св. Людовика Французского. Имя его записано в книге паломников под 7, 8 и 9 апреля 1774 года.

Но здесь ему не суждено было задержаться надолго, ибо, как обнаружилось, он вернулся во Францию, однако не в родные места, куда он не заглядывал более никогда с тех пор, как покинул их ради Монтрёя и впоследствии Сет-Фон, как мы видели выше.

Эта его поездка во Францию подтверждается подлинным паспортом из Мэш (Maïche) в Бургундском графстве, выданным 10 декабря того же 1774 года.

Из Франции, ничуть не уstraшившись ни зимней поры, ни дождей, ни снегов, ни льдов, ни дальности пути, полный рвения, он предпринимает путешествие в Швейцарию, желая посетить прославленное святилище Пресвятой Марии Айнзидельнской¹, что на нашем языке означает «Пустынь».

Место сие отстоит примерно на пять часов пути от Швица (Schwyz), главного города того кантона швейцарцев, и находится в епархии Констанца (Konstanz).

Там расположен монастырь отцов-бенедиктинцев с главным аббатством. К сему монастырю прилегал весьма богатая и великолепная церковь. При входе в нее, в средний неф, тотчас взору открывается святилище, бывшее некогда простым жилищем бедного отшельника, коим был св. Мейнрад, пустынный и мученик. Оно представляет собой часовню, посвященную великой Деве Матери Божией.

Над алтарем виднеется небольшая статуя Богородицы, увенчанная короной, окруженная облаками и лучами в виде сверкающих золотых молний. Статуя эта подобна той, что

почитаются в Святом Доме в Лорето, но несколько темнее ликом по причине пожаров, случившихся там в разные времена.

В летописях повествуется о различных чудесах, сотворенных Богом в этом месте. Римские понтифики Николай IV, Урбан VI, Иоанн XXIII, Мартин V, Евгений IV, Николай V, Пий II, Юлий II, Лев X, Пий IV, Григорий XIII, Климент VIII, Урбан VIII и другие обогатили это святилище индульгенциями и украсили многими привилегиями.

Ныне место сие весьма чтимо, и стекаются туда паломники из разных частей света. Посему стало оно одним из самых любимых святилищ нашего Бенедикта Иосифа, как то станет явным из продолжения сего повествования.

Сюда прибыл он из Франции в первый раз в месяце феврале 1775 года, когда праздновался Вселенский Юбилей. 13 февраля он был уже в Констанце.

В тот раз он завернул также в Германию и находился в Вальдсхуте (Waldshut) 21 апреля; также он обошел другие селения, в частности Хеггеншвилль (Häggenschwil), где был 13 мая, Ваттвилль (Wattwil), где был 22 числа того же месяца, и Люцерн, где находился 23 июня того же года.

Из Швейцарии он снова двинулся в путь с намерением вернуться к посещению святынь Франции. Но затем отказался от сего замысла, и особое благоговение перед святилищем Пресв. Марии Айнзидельнской заставило его повернуть обратно к нему.

Так он и сделал, снова отправившись туда. Воздав свои обычные почести великой Матери Божией, он покинул обитель около 1 июля того же года, дабы вернуться в Рим ради получения Юбилейной индульгенции.

В сей Царствующий Град он прибыл в начале сентября и оставался здесь до окончания Святого Года. По завершении его он вновь предпринял паломничество в Лорето, а из Лорето снова продолжил путь в Швейцарию, к своему возлюбленному святилищу.

12 февраля 1776 года он уже был в Лорето, и из подлинных записей, хранящихся там, явствует, что то был уже пятый раз, когда он приходил утолить свою нежную сыновнюю любовь к Божественной Матери в том Святом Доме.

Из Лорето он продолжил паломничество через Швейцарию к Пресв. Марии Айнзидельнской, как я упомянул чуть выше. И это второе путешествие должно было оказаться для него не менее тяжким, чем первое, не только по причине дальности пути, но и потому, что совершалось оно зимой, которая в тех краях бывает весьма суровой из-за обильных снегопадов.

Прибыв в Айнзидельн, он удовлетворил свое рвение этим третьим и последним посещением сего святилища по своему обыкновению и покинул его не ранее 9 июля того же 1776 года.

В этот раз он как обычно посетил по пути различные другие святилища. Будучи вынужден проходить в Швейцарии через земли еретиков, он чувствовал, как душа его наполняется ужасом, и старался либо избегать их, либо миновать поспешно, словно беглец.

Он снова завернул в Германию и прошел через Вальдсхут, австрийский город на Рейне, с намерением вернуться в Рим.

Вернувшись в Святой Град, который он предпочитал всем прочим местам единственно по причине своего благочестия, блаженный более не покидал его, насколько нам известно, разве что для ежегодного паломничества в Святой Дом в Лорето. С 1776 по 1782 год он совершил это

путешествие шесть раз, так что в общей сложности насчитывается одиннадцать его паломничеств в Лорето.

По этому поводу не премину сообщить здесь некоторые примечательные сведения, дошедшие до меня от людей, в высшей степени достойных доверия.

Однажды, когда Бенедикту Иосифу предложили денег на дорогу, он учтиво поблагодарил благотворителя, добавив, что для этого ему довольно одного джулио, который у него уже имеется.

Подобным же образом, когда Франческо Дзаккарелли пожелал снабдить блаженного парой обуви, тот поначалу выказал нежелание принять ее, хотя ему хотели купить поношенные башмаки. В конце концов, когда ему показали три пары, также поношенные, которые нашлись в доме у благодетеля, он согласился и выбрал из них самую ветхую.

Затем Франческо так же настойчиво упрашивал его принять старую шляпу, так как у него была лишь соломенная, совсем истрепавшаяся. Слуга Божий упорствовал в отказе, хотя ему и заметили, что в случае дождя он сильно пострадает. Наконец, он склонился к тому, чтобы принять ее, и, надев на голову, с улыбкой произнес: «Гляньте-ка, ну и не фронт (Galantuomo) ли из меня теперь?»

Кроме того, с каким внутренним расположением и с каким молитвенным духом Слуга Божий посещал святые места, можно ясно усмотреть из сведений, переданных мне письменно г-ном Паоло Манчини, управляющим Евангелического общества помощи бедным (Opera Evangelica de' Poveri). Хотелось бы привести здесь его собственные слова:

«Так как Слуга Божий, ежегодно отправляясь из Рима в святилище Лорето, перед уходом всегда испрашивал позволения у управляющего Евангелического общества, которое предоставляло ему ночлег, то сей управляющий решил оказать ему любезность, предложив в спутники другого нищего, весьма порядочного, который шел той же дорогой. Но Слуга Божий отказался, сказав, что желает идти один, ибо компания мешает ему творить молитву».

Из этого случая ясно видно, что он «не расслаблял духа, непреодолимого в молитве» (*oratione Spiritum non relaxabat invictum*; Sulp. Sev., *Vita S. Martini*, 26), даже в самых тяжких трудах и среди обстоятельств, наиболее способствующих рассеянию, каковыми являются путешествия.

Прежде чем завершить эту главу, приведу здесь одно размышление о тех непрерывных и долгих паломничествах, которые мы здесь перечислили.

Он неизменно свершал их пешком, лишенный необходимого, в жалком одеянии, не ища никакой защиты от непогоды в разные времена года, всегда неутомимый и всегда влекомый чистой любовью к Богу и к Его великой Матери.

Даже если бы об этом человеке не было известно ничего иного, кроме того, что он совершил путь во столько тысяч миль таким образом, разве одного этого не было бы достаточно, чтобы исполнить всех изумлением и внушить мысль о нем как о святом муже?

И все же не менее дивна и исполнена добродетели его сокровенная жизнь (к описанию которой я теперь перехожу), которую он вел посреди Рима. Там он умел держать себя так, что почитал уединение за наслаждение и в городском шуме жил, точно в монашеской пустыни: *Ita Se semper moderate habuit, ut solitudinem putaret esse delicias, & in Urbe turbida inveniret eremum Monachorum* («Он всегда держал себя с такой умеренностью, что почитал уединение

наслаждением и в мятежном Граде находил монашескую пустынь»; как писал св. Иероним о другом лице, *Epist.* 58).

¹ Пресвятая Мария Айнзидельнская (или Эйнзидельнская) — это прославленный образ Богородицы, почитаемый в одноименном бенедиктинском аббатстве в Швейцарии (кантон Швиц). Главная святыня обители — статуя «Черной Мадонны» (XV век), выполненная из липового дерева. Свой характерный темный цвет она приобрела со временем от копоти свечей и лампад, горевших перед ней столетиями. Это один из самых почитаемых образов в Европе. Слово *Einsiedeln* происходит от немецкого *Einsiedelei* («пустынь», «скит», «жилище отшельника»), История места восходит к келье святого отшельника Мейнрада (ум. 861), который жил здесь в уединении. После его мученической смерти на месте его скита возник монастырь. Согласно преданию, часовня, где находится статуя, была чудесным образом освящена самим Иисусом Христом в присутствии ангелов в 948 году. Это событие, известное как «Ангельское освящение», сделало монастырь важнейшим центром паломничества. Айнзидельн веками служил важным этапом на пути Святого Иакова (путь в Сантьяго-де-Компостела), куда также стремился св. Бенедикт Иосиф Лабр.

ГЛАВА XIV. О жизни, которую он вел в Риме.

С 1777 года, утвердившись в сем Граде, он более не покидал его, насколько нам известно, кроме как ради ежегодного паломничества в Лорето, о чем мы уже упоминали.

С того времени он избрал себе жилищем нишу или, вернее, пещеру в развалинах, находящихся близ стояний Крестного Пути в Амфитеатре Флавиев, именуемом в просторечии Колизеем, — месте, освященном кровью стольких мучеников. Туда он удалялся на ночь, дабы дать краткий отдых своим усталым членам, проведя весь день в церквях — то на коленях, то стоя, но всегда неподвижно — и ежедневно посещая раздачу милостыни Евангелического общества помощи бедным в упомянутом Колизее.

Вскоре, однако, столь суровая жизнь и непрестанное пребывание на коленях привели к сильному отеку нижней половины его тела.

К 1780 году его состояние было таково, что грозило скоро смертью. Но Господь промыслил так, что другой нищий по имени Теодозιο (который также скончался, оставив по себе славу великой добродетели), движимый состраданием, отвёл его для попечения к уже упомянутому г-ну аббату Паоло Манчини, управляющему сим благочестивым Обществом, как тот сам мне и поведал.

Сей последний, с той любовью, которая хорошо известна всему Риму, принял его на попечение и поместил в свой приют, вмещавший на ночлег дюжину нищих, что близ обители филиппинок (*Filippine*)¹, под покоем кавалера Сантарелли.

Применив действенное средство, он занялся его лечением, каковое и увенчалось счастливым успехом; также он кормил его в богадельне Св. Пантелеимона-на-Горах (*San Pantaleo a' Monti*), где сей управляющий обычно ежедневно раздавал пищу нищим.

Восстановив полностью здоровье, наш Бенедикт Иосиф однажды явился к своему благодетелю и сказал:

— Вы видите, что я совершенно исцелен; посему ту милость, что вы оказывали мне, вы можете оказать какому-нибудь иному бедняку, ибо я теперь могу ходить за похлебкой к дверям какого-

нибудь монастыря. Но как мне отблагодарить вас? Ведь я понимаю, что наверняка был бы уже мертв из-за того отека, и лишь благодаря вам остался жив.

На что г-н Манчини тотчас ответил:

— Благодарите не меня, а Господа, Который вас исцелил. Если же вы окажете мне любезность поминать меня в молитвах к Богу, я буду признателен.

— Век буду молиться, — отозвался Бенедикт.

Сей случай оказался весьма назидателен для г-на Манчини. И хотя Слуга Божий не входил в число тех неимущих, коих постоянно опекал сей благотворитель, тем не менее, вопреки своему обыкновению, блаженный продолжал вплоть до 15 апреля 1783 года — то есть до дня, предшествовавшего его смерти — приходить на ночлег в этот приют вместе с другими нищими.

Это было следствием того глубокого уважения, которое питал к нему Манчини; уважения, которое он с той поры, как сам мне сказывал, не упускал случая выказывать при всякой встрече. Встречая Слугу Божия, он имел обыкновение говорить всем: «Вот святой».

Более того, касательно его паломничеств в Лорето, он поведал мне два случая, достойных упоминания, которые показывают как уважение, которое к нему питали, так и нрав и силу духа Бенедикта. Вот они.

Г-н Манчини состоял в переписке с одной благочестивой монахиней из монастыря св. Клары в Монтелупоне, в епархии Лорето. Однажды, когда Бенедикт по своему обыкновению отправлялся в то святилище, он вручил ему письмо для нее, содержание коего было таково: *«Посылаю вам святого, который проводит всю свою жизнь в молитве»*.

Он исправно доставил письмо монахине, с которой имел краткую беседу, и они взаимно обещали друг другу в будущем всегда быть едины в молитвах к Господу. Но когда письмо было прочитано ею и передано другим монахиням, все они сбежались, чтобы поручить себя молитвам Бенедикта.

Слуга Божий пришел в смущение и постарался тотчас удалиться из той обители; и, не забываясь об ответе, который должен был получить, никогда более к ней не приближался.

Вернувшись в Рим, он сказал г-ну Манчини:

— Я отнес письмо монахине, но не пошел за ответом.

— Почему же? — спросил тот.

И он ответил:

— Ну а как иначе? Те монахини возомнили обо мне нечто доброе, чего за мною не водится, и я не захотел больше приближаться к ним.

Сей ответ глубоко изумил Манчини и послужил ему к назиданию, ибо он узрел в нем смирение весьма осмотрительное и чуткое.

В следующем году тот же благодетель снова поручил ему доставить письмо одной монахине из монастыря св. Клары в Монтеккьо (Montecchio). В нем он писал то же самое, но при этом

предупредил как ее, так и других сестер, чтобы они остерегались выказывать Слуге Божию хоть малейшие знаки почтения.

Бенедикт исправно доставил и это второе письмо. Когда монахиня прочла его и сообщила содержание другим, те задумали пойти поговорить с ним, но по очереди, одна за другой. Дабы сделать это удобнее, они задержали его, предложив поесть, и это им удалось.

Впрочем, все они воздержались от малейшего проявления почтения, и он с учтивостью отвечал каждой из них.

В итоге все прошло благополучно. Но когда они захотели дать ему с собой еще какой-то еды на дорогу, он вежливо поблагодарил, сказав, что доволен тем, что съел, и ни в чем ином не нуждается. Впрочем, он взял маленький сверток, чтобы передать его г-ну аббату Манчини, что и исполнил, как обещал, по возвращении в Рим.

Это произвело на аббата еще более глубокое впечатление. Однако впоследствии, будучи осаждаем письменными просьбами от монахинь, которые настойчиво просили его передать Слуге Божию, чтобы тот причастился за них², он с некоторой неохотой передал эту просьбу.

Но что же? Заметив, что и эти монахини, подобно прежним, возымели о нем высокое мнение, Бенедикт ответил:

— Я не хочу иметь дела с монахинями; мои причастия им ни к чему не послужат.

Так мало он ценил себя самого и свои молитвы.

Однако каким духом молитвы он обладал, ясно видно из образа жизни, который он вел все время пребывания в приюте. Отчет об этом передан мне на письме самим г-ном Манчини, и я привожу его здесь, не меняя ни слова:

«Слуга Божий спешил вернуться в приют, где имел ночлег, и по большей части приходил еще засветло (до 24 часов). И так как смотритель приюта порой запаздывал отпереть дверь, то Слуга Божий, вместо того чтобы оставаться перед дверью и беседовать с другими нищими, уходил и преклонял колени за небольшой колонной, стоящей перед воротами дома г-на кавалера Сантарелли, что по соседству. Там он пребывал в молитве до тех пор, пока не слышал, как смотритель поворачивает ключ, отпирая дверь.

Тогда он входил внутрь, в первую комнату, где находилась предназначенная ему постель. И в то время как другие бедняки оставались в большой комнате, где стояло десять коек, и вели беседы, пока все не улягутся, он оставался в одиночестве, молясь.

Когда же смотритель сзывал всех на совместную молитву, которая длится полчаса, он шел незамедлительно и, подавая замечательный пример прочим, совершал ее с глубочайшим благоговением и сосредоточенностью. Затем он возвращался к своей койке и там продолжал молиться; и даже когда гасили свет, он оставался там же, так что никто никогда не видел, чтобы он раздевался, отходя ко сну.

Ночью, пробуждаясь от сна, он предавался молитве, часто произнося краткие воззвания и молитвы сокрушения перед своим Творцом, что слышали другие бедняки, и в особенности добрый Теодозιο, смотритель приюта. Каждую ночь он многократно повторял: *Domine, miserere mei, miserere mei* («Господи, помилуй меня, помилуй меня»).

Бенедикт с удовольствием ночевал в этом приюте, ибо нищим, там призреваемым, не дозволялось вести дурные разговоры, злословить, спорить или ссориться между собой под страхом немедленного изгнания.

Поутру, по первому знаку смотрителя, он возобновлял молитвы вместе с другими нищими, пока те одевались, а затем продолжал молиться на коленях вместе с остальными, обычно в течение четверти часа.

Покидая врата приюта, он всегда уходил один, творя молитву на ходу, и направлялся в какую-нибудь церковь, где пребывал на коленях почти до полудня — чаще всего у алтаря [где находился] Святейшее Таинство. Иногда он проводил половину утра в одной церкви, а затем до полудня — в другой.

Затем он шел получить какую-нибудь похлебку, после чего отправлялся туда, где Святые Дары были выставлены для сорокачасового поклонения (*Quarant'ore*), и оставался там по большей части до вечера.

Даже когда он ел, он казался погруженным в Бога. Много раз, когда он вкушал похлебку и хлеб в богадельне св. Пантелеимона-на-Горах, администратор упомянутого Евангелического общества замечал, что Бенедикт, прежде чем начать есть, обеими руками возносил тарелку, словно принося эту пищу в дар Богу, и в таком положении молился, почти впадая в экстаз, в течение пяти или шести минут, тогда как другие нищие уже ели.

Посему можно с полным правом утверждать, что жизнь его была непрестанной молитвой, которая состояла в чтении breviария (ибо он ежедневно вычитывал Божественный Оффиций) или иных благочестивых книг, и в особенности в размышлении о Страстях Божественного Искупителя, а также в иных устных и кратких молитвах».

Из всего рассказанного ясно явствует, что жизнь его была посвящена непрестанной молитве, к которой мы вернемся, чтобы поговорить о ней подробнее в свое время.

Ибо теперь настала пора мне рассказать о том, что происходило между мною и им с того первого мгновения, когда Господь по бесконечной Своей благодати позволил мне руководить этой благословенной душой, что случилось как раз в последний год его пребывания на сей земле.

¹ Речь идет о женской монашеской конгрегации Учительниц благочестия Филиппини (итал. *Maestre Pie Filippini*), которых в Италии кратко называют «филиппинки» (*Filippine*). Конгрегация была основана в Италии в 1692 году св. Люцией Филиппини и кардиналом Маркантонио Барбариго. Их главной целью было христианское воспитание и образование девочек и молодых женщин, особенно из бедных слоев населения. Они открывали школы и занимались катехизацией. В XVIII веке эта конгрегация уже прочно утвердилась в Риме, где у них был свой монастырь и школа.

² Т.е. молился за них во время причастия.

ГЛАВА XV. О последнем годе его земной жизни.

Жизнь, которую доселе вел Слуга Божий Бенедикт Иосиф Лабр, сокрытая со Иисусом Христом в Боге (ср. Кол. 3:3), хотя и протекала посреди столицы христианского мира, по дивному устройению Неба оставалась тайной.

Этому способствовало его ненарушимое молчание: ибо сколь много он беседовал с Богом, столь же мало говорил с людьми, не произнося ни слова, кроме необходимого, так что едва ли можно было насчитать несколько слов за месяц.

Способствовало тому и его постоянное уединение, которое он устраивал себе в самых глухих углах святилищ и которое, глубокое и нерушимое, хранил в своем сердце даже посреди шума, где бы он ни шел, — там, где сия прекрасная душа наедине наслаждалась общением со своим Небесным Женихом.

Способствовало тому и его непрерывное отчуждение от человеческого общества и отречение от всего прочего; и то усердие, с которым он стремился скрыться, быть осмеянным, отверженным, дурно принятым и презренным, став безумным ради Иисуса Христа (ср. 1 Кор. 4:10); и то, что он сделался даже *omnium peripsema usque adhuc* («сором для мира донныне»; 1 Кор. 4:13), особенно из-за омерзительных и отталкивающих лохмотьев, что едва прикрывали его наготу. Из-за этого люди не только не заводили с ним никакого знакомства, но даже испытывали брезгливость, приближаясь к нему.

Все это, говорю я, чудесным образом помогало ему скрываться согласно его устремлениям и тайным замыслам Божиим, вплоть до последнего его вздоха. И все это было для того, чтобы тем слышнее и значительнее стал тот глас славы, который, едва он испустил дух, поднялся в Риме и ныне звучит по всей Европе.

И вот Бог, желавший возвысить его и устроивший так, чтобы добродетельные деяния блаженного воссияли после смерти ради славы Его и ради Его высочайших замыслов тем ярче, чем глубже они были погребены в непроницаемой тайне, — оный Бог распорядился и так, чтобы он, почти не осознавая того, открылся в собственных словах. Полагая, что открывает себя как человека презренного и лишённого всякой добродетели, он дал познать себя таким, каким был пред Богом.

Для сего Всевышний, намереваясь посрамить гордыню века сего через смиреннейшего Своего Слугу, привел его именно к человеку, более всех нуждающемуся в смирении, то есть ко мне, повергнув меня в спасительный стыд. Так что перехожу к рассказу о том, как это случилось.

В минувшем 1782 году, примерно в месяце июне, однажды утром, совершив благодарение после мессы, отслуженной мною в церкви св. Игнатия при Римской Коллегии (*Collegio Romano*), я увидел человека. Волосы и борода его были всклокочены и запущены; одет он был в совершенно изодраный и грязный плащ (*sappotto*) или, вернее, в ворох лохмотьев, подпоясанный веревкой или шнурком; ноги его были босы. Словом, он имел вид беднейшего нищего, какого только можно себе представить.

Подождав меня меж колонн, что находятся напротив алтаря Мадонны, он приблизился ко мне и с учтивостью сказал, что пришел, дабы поведать мне о всей своей жизни, и что он решил принести генеральную исповедь. Посему он просил меня помочь ему в этом и назначить для того день, какой мне будет удобен.

Я ответил, что охотно окажу ему всяческую помощь, и назначил день и час, когда смогу его выслушать.

К этому он добавил и другие слова, заверяя меня, что пришел не для того, чтобы обмануть меня. Слова эти оказались столь действенными, что изгнали из души моей всякое опасение. С той минуты и во все время, пока я имел счастье слушать его в исповедальне или вне ее, у меня никогда не возникало ни малейшей тени сомнения в его искренности и чистоте намерения, а им являлось исключительно освящение его души.

И в самом деле, Слуга Божий пришел в условленный нами день и начал обстоятельно повествовать мне о всей череде своей жизни, с первых лет отрочества вплоть до того, что должно было случиться после его смерти. Он ясно открыл мне нынешнее состояние своей души и, наконец, в различных беседах поведал о почестях, уготованных ему Богом, а также о других будущих событиях.

Ведаю, что Бог говорит нам в Писании: *Ante mortem ne laudes quemquam* («Прежде смерти не хвали никого»; Сир. 11:30). Однако сие не возбраняет хвалить добродетельных людей после их кончины, когда уже нет опасности, что хвалимый прельстится тщеславием, и когда похвалы не могут быть опровергнуты последующими деяниями, достойными порицания.

Напротив, та благодать, что тайно действует в сердце живущего человека и любит скрываться в сокровенных движениях духа, желает быть явленной в подобающее время, как уверяет нас Сам Бог: *Sacramentum Regis abscondere bonum est. Opera autem Dei revelare, & confiteri, honorificum est* («Тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально»; Тов. 12:7).

Посему, размышляя над этими словами, сказанными ангелом, которого Бог предназначил в наставники юному Товии по исполнении им своего служения, я также скажу о Слуге Божиим Бенедикте Иосифе Лабре то, что может послужить к назиданию верных, поспособствовать его славе и воздать Богу должную честь.

Более же всего удивила меня та дивная точность, с которой он выражал и исчислял все движения своего внутреннего устройства, которое он делал для меня словно зримым.

Размышляя о тех многотрудных путях, коими вел его Господь, я усматривал в этом содействие Его благодати и усердие Бенедикта в сообразовании с ней; [видел] глубочайшее смирение, поразительную чистоту, младенческую простоту, соединенную с редким благоразумием, и иные подобные прекрасные качества. Из всего этого я пришел к заключению, что душа эта — из числа тех, кои предварены благословениями Божественного Законодателя, о которых написано: *Ibunt de virtute in virtutem, videbitur Deus Deorum in Sion* («Приходят от силы в силу, являются пред Богом на Сионе»; Пс. 83:8), и что Господь предназначил его для чего-то великого.

Итак, будучи вполне осведомлен о всей его жизни с того времени, как он вошел в возраст разумения, и видя столь благое расположение его духа, я почувствовал внутреннее побуждение принять на себя все попечение об этой душе и неизменно руководить ею, каковое обязательство и исполнил на деле.

В то время как он продолжал давать мне отчет о своей душе, я все яснее видел благородство его сердца и утверждался в том мнении, которое составил о нем.

И после того, как я узнал от него самого о святой жизни, им ведомой, Сам Бог начал еще яснее являть мне сокровища Своих благодатных даров, коими обогатил Своего Слугу. Он открывал ему тайны моего сердца и устраивал так, что сам Бенедикт давал мне понять, что проник в них и узнал их.

То было дивное водительство Божие, коим Создатель желал возвысить святого в моих глазах и внушить доверие к различным предсказаниям, которые тот с удивительно ясной последовательностью впоследствии излагал мне вплоть до своей смерти.

Посему могу с полным основанием утверждать, что всякий раз, когда он приходил ко мне, он беседовал со мною о каком-либо Божественном действии, совершившемся в его духе и

направленном по большей части к тому, чтобы прославить его еще здесь, на земле, после завершения этой смертной жизни.

Но о дарах и милостях, именуемых *gratia gratis data* (благодать, даром данная), уместнее будет поговорить в ином месте.

Между тем, прежде чем завершить настоящую главу, я не могу не упомянуть еще о двух обстоятельствах.

Первое состоит в том, что я заметил: если эта душа с самого младенчества во все годы, предшествовавшие смерти, шествовала путем Божественных Заповедей, то в этот последний год он летел, подобно серафиму. Рвение его возросло безмерно, так что он таял, словно воск, мало-помалу превращаясь почти в скелет, обтянутый лишь кожей, не помышляя ни о чем ином, кроме как о том, чтобы любить Бога, а также умирять и поработать тело свое, по учению и примеру апостола св. Павла (ср. 1 Кор. 9:27).

Второе касается последней беседы, которую я имел с ним в Пятницу Страстей¹, посвященную памяти скорбей Пресвятой Марии, за пять дней до его драгоценной смерти; об этом я намерен рассказать здесь несколько подробнее.

Итак, когда Бенедикт Иосиф пришел ко мне в названный день, я нашел его на привычном месте, стоящим меж колонн пилястры напротив алтаря Мадонны.

Приступая к беседе с ним, я прежде всего оглядел его с головы до ног. Видя, что он, вопреки своему обыкновению, опирается на посох, истощен до крайности и похож на мертвеца, и хорошо понимая, что это следствие суровой жизни, которую он вел, я сказал в сердце своем: «Он умрет мучеником подвижничества. Вот до чего довела его строгость жития!»

Но я не решился спросить его о здоровье, и тем паче мне не пришло на ум посоветовать ему умерить подвиги или хотя бы позаботиться о себе, невзирая на ту особую любовь, которую я к нему питал и которая была ему хорошо известна по доказательствам, полученным от меня, о коих здесь нет нужды упоминать.

Более того, продолжая с ним беседу, я стал рассматривать его лохмотья и его изможденную плоть, устремив взор на его кисть и правую руку.

Я размышлял: как можно будет почитать дорогими эти столь грязные тряпки и относиться к ним с благоговением, как к святым реликвиям? Мне казалось, что для этого потребуется некая-нибудь, а весьма великая и сердечная набожность.

Именно это, одним словом, я и увидел после его смерти, когда люди — и не только из престолярства, но и высокого звания — с жаром искали именно этих лохмотьев.

Здесь также мне представляется случай заметить, что ни в тот раз, ни когда-либо прежде мне не приходила мысль увещевать его помыться, несмотря на то, что я был вполне осведомлен, что он страдает от своего нищенского состояния и что он мог бы со всей легкостью уменьшить [эти страдания].

Кроме того, в этот последний раз он выказал величайшее стремление к исповеди. Я же почувствовал великое, никогда прежде не испытанное мною отвращение к тому, чтобы сесть в исповедальню и выслушать его; вне же ее я никогда его не исповедовал из-за опасности, проистекавшей от его телесного убожества, о котором упоминалось выше.

Посему я начал размышлять, где бы мог выслушать его, не столько ради себя, сколько ради других, как того требовал долг. И я решил привести его в привратническую Римской Коллегии; сие я проделал с осторожностью, и мне удалось ввести его туда так, что никто того не заметил.

Там, преклонив колени, он начал плакать, и я увидел, как из глаз его льются два обильных потока слез, падающих тихо, без вздохов или рыданий.

Он сказал мне несколько слов, касающихся меня лично, которые уже повторял и прежде. Затем, не обнаружив, по обыкновению, никаких грехов, что стоило бы исповедовать, я увидел, что внутреннее состояние его совершенно мирно, ясно и покойно и с момента последней исповеди и до сего часа его не потревожило ни единое искушение. Сие указывало мне на то, что он достиг полудня того прекрасного света, о котором Святой Дух начертал, сообщая о душах праведников: *Justorum autem semita, quasi lux splendens procedit, & crescit usque ad perfectam diem* («Стезя праведных — как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня»; Притч. 4:18).

Но Богу, желавшему сокрыть его до последнего вздоха, не было угодно дать мне понять, что душа эта пришла приготовиться к великому полету к блаженному венцу.

Дан мне был и другой знак тому: когда я после исповеди, по обыкновению, предложил условиться о дне, в который он мог бы вернуться ко мне, он, совершенно вопреки своему обычаю, не позаботился о том, чтобы определить какое-либо время. Так что беседа наша осталась незавершенной, чего я даже не заметил.

Когда же я добавил, чтобы он пошел принять Святое Причастие там, где ему будет угодно (ибо он не всегда причащался в церкви св. Игнатия, но там, куда влекло его рвение), он, склонив голову и сложив руки, указал мне на прилегающую церковь и сказал, что причастится в ней.

Так, со сложенными руками и глубоким поклоном, сей смиренный Слуга Иисуса Христа простился со мною в последний раз.

После этого мне не суждено было более видеть его живым. Лишь когда я получил записку от г-на Паоло Манчини с известием о его переходе в блаженную вечность, я направился в церковь Пресвятой Марии на Горах (*Madonna Santissima de' Monti*). Там, следуя за народом, который непрерывно стекался туда, я нашел блаженного в отдельной молельне, прилегающей к ризнице. Он лежал на двух скамьях, окруженный множеством людей, и все они являли знаки уважения и благоговения к его останкам.

И я повторил в сердце своем то, что сказал при первом известии о его смерти: «Блажен подвиг его, который, без сомнения, вознес его прямо в блаженную славу».

Но о драгоценной смерти его мы поговорим во второй части сего повествования, после того как рассмотрим его добродетели, что будет здесь более уместно.

¹ Пятница на «Неделе Страстей» (то есть пятница перед Вербным воскресеньем) была посвящена воспоминанию Семи скорбей Пресвятой Богородицы (*Septem Dolorum B.M.V.*).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I. О живой вере Слуги Божия.

«Без веры, — глаголет апостол, — угодить Богу невозможно» (ср. Евр. 11:6). Нет сомнения, что здесь говорится о той вере, которую он же именует осуществлением ожидаемого или основанием того, на что мы должны уповать, и уверенностью в невидимом (*Sperandarum substantia rerum, argumentum non apparentium*; ср. Евр. 11:1). Она есть «начало человеческого спасения, основание и корень всякого оправдания», как определяет Священный Тридентский Собор (Sess. 6, cap. 8). Но вера, как снова утверждает апостол, не обретается иначе, как через Слово Божие (*Fides ex auditu, auditus autem per verbum Dei*; ср. Рим. 10:17), открывающее нам истины, явленные Богом. Столпом же и утверждением этих истин (5) (ср. 1 Тим. 3:15) является Церковь Бога Живого, каковая есть единственно Римская Католическая Церковь, вне которой нет спасения, подобно тому как во времена потопа не было спасения вне Ноева Ковчега.

Предпослав сие, прежде чем перейти к описанию прекрасных совершенств добродетели веры нашего Слуги Божия Бенедикта Иосифа Лабра, я полагаю уместным рассмотреть саму ее сущность, удостовериться в ее искренности и показать, что он имел в сердце, исповедовал устами и делами нашу святую Римскую Католическую веру. Ту веру, что была влита в него во святом крещении вместе с иными добродетелями Святым Духом, веру, облеченный знаменьями коей, он наконец перешел к вечному покою.

Услышав от него, что он бывал в землях еретиков (хотя, видя столь прекрасную и чистую душу, я не имел ни малейшего основания сомневаться в искренности его веры), я, тем не менее, предпринял тщательное исследование и устроил строгий экзамен. Я вопрошал его не только о католической вере вообще, но и об отдельных ее догматах, задавая вопросы общие и частные, а именно — о благодати и свободной воле. И могу с полным основанием заверить, что нашел его не только безупречно здравым в нашей святой вере, но и глубоко преданным всем ее догматам, Католической Церкви, нашей Матери, и видимому главе ее, то есть Римскому понтифику, к которому он питал уважение и благоговение, превосходящее всякое вероятие.

Более того, я познал в нем такое отвращение ко всяким новшествам в учении и ко всякой ереси, что, как я уже повествовал в первой части сего жития, он чувствовал, как душа его наполняется ужасом, когда ему доводилось проходить через места, зараженные ересью; он старался избегать их, насколько мог, а если это не удавалось, пробегал их поспешно, вверяя себя Богу.

Самого имени «еретик» было достаточно, чтобы привести его в содрогание, и он не произносил его иначе, как с ужасом, что я многократно замечал, когда он выговаривал слово “eretisti” (еретики).

К сим прекрасным доказательствам искренней веры Бенедикта Иосифа добавлю также свидетельство одной монахини, известной святостью жизни (имя которой я умалчиваю, дабы не оскорбить ее скромность и по иным важным причинам). Свидетельство это было прислано письменно г-ну аббату Манчини, который и сообщил его мне.

Среди прочего она упоминает, что слышала из уст самого Слуги Божия в одной из бесед с ним, как он сокрушался о нововведениях в вероучении, особенно распространившихся в последнее время, добавляя при этом: «Если бы в мире совершалось много чудес, за ними последовали бы и обращения». Оставляю благочестивому читателю самому поразмыслить над этими словами.

Я же, показав искренность его Веры по существу, перехожу к изложению ее качеств и совершенств.

Во-первых, апостол Иаков сравнивает веру с человеческим телом: «Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (ср. Иак. 2:26). Человеческое тело без пищи изнемогает и вскоре умирает; при наличии же ее оно сохраняется, растет и крепнет. И сие происходит тем успешнее, чем более подходит ему пища, коей оно питается. Так и вера требует своего пропитания, без которого она слабеет, истощается, становится бесплодной и, наконец, умирает.

Пища веры есть Слово Божие: *Fides ex auditu*, — глаголет апостол Павел, — *auditus autem per verbum Christi* («Вера от слышания, а слышание от слова Христова»; ср. Рим. 10:17). Оно рассеивает мрак неведения и вводит в душу свет и саму Божественную науку, которая, как замечает св. Фома (I, q. 1), через откровение передается и сообщается нам от Бесконечной Премудрости, ибо тварная мудрость своими силами достичь ее не может.

Сколь же жаден был до этой Божественной пищи наш Слуга Божий с самого младенчества, явствует из того, что свидетельствуют о нем его родители, учителя и все, кто был опрошен о его поведении.

Святой Дух, вознамерившись уготовить Себе в этой душе восхитительную обитель и любящий беседовать с простыми (*Cum simplicibus sermocinatio ejus*; ср. Притч. 3:32), с самого нежного возраста влил в его сердце необычайный жар и возбудил в нем ненасытный голод по Слову Божию, призывая его в уединение, дабы говорить к сердцу его (ср. Ос. 2:14) и наполнить его Своим Небесным светом.

Движением и действием сего Божественного Духа было, по всей вероятности, и то великое желание научиться читать, о котором мы говорили в другом месте, и, несомненно, то неустанное рвение к изучению начал нашего святого вероучения.

С той поры он никогда не пропускал наставлений, проповедей и поучений, что звучали в церкви; а по его внешней сосредоточенности и осанке легко можно было заметить его жажду внимать им на пользу себе.

Это влечение к наставлениям и проповедям сохранялось в нем неизменно до самой смерти. Мы уже видели в другом месте, как, живя в Контвиле у дяди, о. Венсана, и получив возможность слушать святые миссии, он был так пленен ими, что не мог более расстаться с теми священниками, служителями Слова Божия, следуя за ними из селения в селение на протяжении всего их пути, который, надо заметить, не был краток.

Здесь, в Риме, он – Бог мне свидетель! – не упустил ни единого случая послушать проповедь. Он неизменно и усердно посещал церковь Пресвятой Марии на Горах (*Madonna Santissima de' Monti*), внимая проповедям, которые произносятся там достойнейшими отцами несколько раз в неделю. Он слушал с таким вниманием, что проповедники не могли не отметить этого как нечто особенное. Посещал он и занятия катехизисом, который обычно проходит по субботам в церкви Святейшего Имени Марии (*Nome Santissimo di Maria*), о чем мне поведал сам священник, исполняющий это служение.

Однако особенное влечение питал он к Слову Божию, возвещаемому миссионерами. В течение всего времени своего пребывания в Риме он неизменно следовал за городским миссионером (*Missionario Urbano*) в его обычном обходе церковей сего Града.

Именно во время чрезвычайной миссии, проведенной мною три года назад в церкви св. Ильдефонса, он впервые узнал обо мне, что и побудило его в сей последний год жизни избрать меня своим духовным наставником.

Когда мне довелось в течение семи месяцев замещать ординарного городского миссионера в миссиях по разным церквям, я видел сего Слугу Божию, который всегда стоял у лестницы кафедры и слушал меня стоя.

Но Бенедикт Иосиф не довольствовался лишь слушанием Слова Божия; он также ежедневно читал его и размышлял над ним.

О чтении Слова Божия, которому он предавался с юности, нет нужды повторять то, что мы уже видели в первой части сего повествования. Добавлю лишь, что обычай размышлять над книгой в самой благопристойной и подобающей позе перед Святейшим Таинством он хранил неизменно до самой смерти.

Более того, в тот самый день, когда он испустил дух, в кармане у него были найден сборник сочинений о Людовика Гранадского, переведенный на французский язык. Он высоко ценил этот труд, читал его с наслаждением и в особенности прилежно вникал в содержащиеся там размышления о Святом Причастии.

Любил он также читать знаменитую книгу *De imitatione Christi* («О подражании Христу»), которую имел на латыни; ее я нашел у него после смерти, разыскав у г-на аббата Манчини.

Он читал духовные книги не из праздного любопытства, как, увы, нередко случается даже с людьми духовными или, по крайней мере, почитающими себя таковыми, но глубоко вникал в их смысл и подолгу размышлял даже над немногими словами.

Всякий, кто видел его в самых уединенных уголках церквей с книгой в руке, замечал, что он, держа ее открытой и опираясь правой рукой на левую, время от времени бросал на нее взгляд, а затем медленно возводил главу и закрывал очи, всецело погружаясь в свои помыслы, словно пребывал в экстазе, отрешившись от чувств. Но об этом уместнее будет поговорить подробнее там, где речь пойдет о его молитве.

Путнику, странствующему по месту неведомому и темному, недостаточно лишь подкрепиться пищей; ему нужен свет и проводник. Посему Апостол Петр сравнивает веру со светильником, сияющим в темном месте — каковым является пустыня сей жалкой жизни, где все мы странники, — доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах наших, знаменуя начало блаженной вечности (ср. 2 Пет. 1:19).

Так и наш Слуга Божий не довольствовался тем, чтобы лишь слушать, читать и размышлять над Словом Божиим; он всегда был верным последователем того обильного света, который оно, сопровождаемое изобильной благодатью Святого Духа, изливало в его душу.

Он всегда избирал своим верным вождем и путеводителем не предрассудки века сего (как поступают лжеименные христиане) и не собственные чувства, вкусы, суждения или воображение (коему, к несчастью, часто подвержены люди, желающие быть святыми, но не желающие идти трудными путями святости), а Божественное Евангелие. И он мог по праву сказать вместе с Царственным Пророком: *Lucerna pedibus meis verbum tuum, & lumen semitis meis* («Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей»; Пс. 118:105).

И в самом деле, с той простотой веры, которая, по слову св. Амвросия, превосходит все доводы человеческого разума (*Fidei simplicitas omnibus argumentis antecellit*), Бенедикт Иосиф с детства вознамерился исполнять Божественное Евангелие Иисуса Христа не только в том, что касается заповедей и правил, обязательных для любого христианина, но и в том, что касается советов.

Так, например, поскольку Евангелие гласит, что если кто ударит нас по щеке, мы, далекие от того, чтобы мстить, должны подставить ударяющему и другую (ср. Мф. 5:39), именно так у нас глазах и поступал Бенедикт. Особенно на площади Траяновой колонны, где он подставлял свое лицо под удары, когда на него набрасывалась толпа неразумных мальчишек.

Точно так же, ибо Евангелие велит нам молиться непрестанно и без перерыва (ср. Лк. 18:1; 1 Фес. 5:17), это свойство также замечали в нем; и свидетелем тому почти весь Рим, и мы своевременно это опишем получше.

Оставив же в стороне все прочее, [скажу о] бедности, которую советует Евангелие: можно ли соблюдать ее строже, чем вплоть до самой смерти соблюдал он ?

Одним словом, он стал совершенным Образом Иисуса Христа, согласно тем наставлениям, которые Господь оставил начертанными в Евангелии, исполнив их прежде Сам на деле примером Своим, а затем уже научив словами (ср. Деян. 1:1).

Немало удивления достойно в нашем Бенедикте Иосифе и то, что он был столь далек от пристрастия к собственному разумению и воображению, что даже не помышлял служить Богу ради духовных наслаждений и утешений, которые мог бы стяжать. Он никогда не ожидал экстазов, восхищений или откровений.

Будучи всецело предан служению Богу, он равно благословлял Его — подобно терпеливейшему Иову — и когда обретал утешения, и когда пребывал в сухости, в тесноте и безутешной скорби (а переносить ему доводилось немалые и нелегкие страдания).

По той же причине он не судил сам о Божественных действиях, которые ощущал внутри себя, но все смиренно и просто подчинял суждению тех, о ком написано: *Qui vos audit, me audit* («Слушающий вас Меня слушает»; Лк. 10:16).

Слова духовника он принимал как Слово Божие, и их было довольно, чтобы заставить его отбросить всякое сомнение и отвергнуть собственное суждение. Он не только никогда не противился мнению своего наставника, но даже не добавлял ни слова, делая лишь одно: склонял голову в знак благоговения, почтения и послушания.

Столь чужд он был любви к собственному суждению и собственным чувствам. Воистину прекрасна и исполнена дивного значения заповедь, ниспосланная Богом Аврааму, когда Он заключил с ним завет и дал Свои Божественные обетования: *Ambula coram me, & esto perfectus* («Ходи предо Мною и будь непорочен»; Быт. 17:1).

Хождение пред лицом Божиим есть непрестанное упражнение в вере, и посредством сего достигается совершенство. Именно так вел себя Бенедикт Иосиф: он непрестанно ходил пред лицом Бога, стремясь угодить Ему и всячески стараясь стать совершенным.

Сие ясно усматривалось из той позы, в которой он пребывал в святых местах, и из его походки: он шел по улице словно отрешенный от всего, всегда потупив взор, и не замечал проходящих мимо, если только его не окликали. Видно это было также из его поступков и речей.

Когда случалось ему делать кому-либо наставление, у него всегда были наготове примеры и изречения из Священного Писания, как мы увидим в своем месте. Столь живо присутствовали в нем Бог и словеса Его !

Из всего этого ясно видно, сколь живой, деятельной и плодоносной на святые дела была вера нашего Слуги Божия. Жизнь его всецело была основана на вере, движима и водима верою, ибо

таковой и надлежит быть вере мужа совершенного, согласно Божественному прорицанию: *Justus autem meus ex Fide vivit* («Праведный верою жив будет»; ср. Евр. 10:38; Авв. 2:4).

Сия-то вера и была тем [оружием], коим он победил мир, мужественно презрев все тленное и скоротечное и всегда прилежа сердцем к вечному. Таким образом он поведением своим подтвердил истинность того, чем хвалился апостол Иоанн: *Hæc est victoria, quæ vincit mundum, Fides nostra* («Сия есть победа, победившая мир, вера наша»; 1 Ин. 5:4).

Надлежит признать, что из того же источника происходила и та удивительная твердость его бесстрашного сердца, о которой мне остается добавить еще несколько слов.

Он был столь тверд в этой добродетели, что не только не стыдился из каких-либо человеческих соображений исповедовать Евангелие Иисуса Христа, ради соблюдения которого ему пришлось претерпеть множество насмешек, колкостей, оскорблений и даже побоев (когда он с любовью пытался кого-то вразумить, как будет видно, когда речь пойдет о его любви к ближнему), но был готов тысячу раз отдать собственную кровь и жизнь в защиту оногo.

О сохранении и распространении сей веры он непрестанно возносил молитвы своему Господу, Чью Кровь, пролитую ради искупления человечества, пламенно желал соединить со своею, которую также охотно пролил бы ради обращения еретиков и неверных.

Наконец, из этой столь живой и твердой веры происходил тот дивный дух благочестия, благодаря которому казалось, что он почти не помышляет ни о чем ином, кроме богопочитания.

Сей дух особенно проявлялся в том, как часто он приступал к Святым Таинствам, особенно к Евхаристии; в том, как внимал Святой Мессе; в поклонении Пресвятому Таинству алтаря, коему предавался почти непрерывно; в молитвам к Матери Божией Марии Пресвятой и к Святым. Обо всем этом мы поговорим подробнее в своем месте, равно как и о том величайшем почтении, которое он выказывал к святым местам и к посвященным Богу особам, каковыми в особенности являются священники.

Такова была вера, которою неизменно жил Бенедикт Иосиф Лабр вплоть до самой смерти.

ГЛАВА II. О его надежде на Бога.

От веры рождается надежда, называемая также упованием; ибо она основывается именно на живой вере в Божественные обетования, в верность, могущество и милосердие Божие.

Сие святое упование тогда является совершенным, когда оно всецело и соединено с полным недоверием к самим себе.

Что именно таковым — твердейшим — было упование Бенедикта Иосифа с самых ранних лет, явствует из того, что мы рассказали в первой части сего повествования.

Ради надежды на обещанное блаженство Царствия Небесного он сделался нищим из любви к Иисусу Христу. С самой юности он прилагал все возможные усилия, чтобы отказаться от земных благ, коими наделило его Верховное Провидение, и лишить себя всякой надежды на их получение в будущем, несмотря на то, что был сыном-первенцем.

Вооруженный сим святым упованием, он сумел победить все уговоры и отразить все нападения плоти и крови. Его мощным оружием были слова: «С благодатью Божией мы можем всё».

Освободившись однажды от мира и укрывшись в монастыре, он, хотя и не нашел там для себя постоянного пристанища, однако, *возложив руку на плуг, уже не озирался назад* (ср. Лк. 9:62).

Вняв голосу Возлюбленного, забыв *народ свой и дом отца своего* (ср. Пс. 44:11), он жил словно вне мира, хотя и находился в самом мире. Среди великого множества весьма различных невзгод, приключившихся с ним, он никогда не смущался и не терял мужества; более того, его упование не умалилось ни на йоту.

Особливо ясно сие открывается нам в письме, написанном им родителям при выходе из картезианской обители в Монтрёе. В нем содержатся прекрасные выражения, свидетельствующие о его Надежде:

«Я взираю на это как на повеление Божественного Провидения, призывающего меня к состоянию более совершенному... С благодатью Божией я никогда не буду вам в тягость и впредь не причиню вам никакого огорчения... Будем же всегда служить благу Богу, и Он никогда нас не оставит... Будьте уверены, что с благодатью Божией я употреблю на пользу все то, что вы для меня сделали... Благий Бог, Которого я принял [в сердце] перед уходом, поможет мне и поведет меня в исполнении замысла, который Сам мне и внушил».

И исход дела показал, сколь истинно Божественное обетование, что надежда никогда не посрамляет человека, уповающего на Бога: *Spes autem non confundit* («А надежда не постыжает»); Рим. 5:5).

Из этой его поистине героической надежды проистекали то мужество и та сверхчеловеческая крепость духа, с коими он устремлялся на дела столь трудные и тяжкие, каковыми являются его долгие и изнурительные странствия, совершаемые вопреки непогоде и ужасающей суровости времен года, — и все это лишь для того, чтобы насытить свое дивное благочестие и набожность.

Он не страшился опасностей, не ведал трудностей, ни во что не ставил неудобства и лишения, сколь бы велики они ни были; никогда не падал духом, никогда не смущался.

Вооруженный неодолимой крепостью, он всегда алкал скорбей. Тот, кто ради любви к Иисусу Христу совок с себя все, радовался, когда его принимали за вора и дурно с ним обращались (как то и случалось неоднократно).

Более того, по смирению своему и отрешенности от всего земного почитая себя недостойным принимать милостыню, он сиял от радости, когда его считали гордецом и сребролюбцем.

Всему Риму известен случай, происшедший с ним однажды. Когда ему подали милостыню в один байокко, он тотчас ради любви к Богу отдал его другому нищему. Сей акт милосердия был истолкован как проявление гордыни и алчности, за что тот самый благотворитель, который мгновением ранее дал ему монету, ударил его палкой, добавив горький упрек: «Уж не цехин ли ты ожидал от меня получить?»¹.

Наш Слуга Божий снес все с дивным терпением и удалился, радуясь в сердце своем, что удостоился претерпеть это бесчестие ради любви к добродетели.

Так хвалился он вместе с апостолом Павлом скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, а от опытности надежда (ср. Рим. 5:3-4).

Именно надежда заставляла его презирать самого себя и наслаждаться презрением, которое выказывали к его особе другие. Он прилагал все старания, чтобы внешне казаться самым

презренным человеком, какого только видели на земле, так что при взгляде на него можно было бы снова воскликнуть словами Назианзина: «О, убогая плоть и одеяние, цветущие одной лишь добродетелью!.. О, образ истощания Христова и рабский зрак, украшенный страданиями Его умерщвления!» (Св. Григорий Назианзин, *Orat. de S. Gorg.*).

Посему не приходится удивляться, что он презирал все настоящее ради надежды на будущее вечное блаженство; что он никогда ничего не просил и никогда ни на что не надеялся от людей земли сей, всецело вверившись дивному промыслу того Бога, Который одевает полевые лилии и питает птиц небесных (ср. Мф. 6:26-30).

В сердце его было навек запечатлено речение и обетование Искупителя: *Quærite primum Regnum Dei, et justitiam ejus, et hæc omnia adjicientur vobis* («Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»); Мф. 6:33).

Посему, отложив всякое попечение о земном, он внимал лишь небесному. Его не видели бродящим в поисках подаяния, подобно другим нищим; напротив, он всегда неотлучно пребывал в церквях и в непрестанной молитве.

По этому поводу не премину сообщить несколько достопамятных случаев, которые удивительным образом подтверждают его отрешенность и указывают на то, где именно было утверждено его сердце.

Однажды Бенедикт Иосиф пришел в церковь св. Игнатия весьма рано, дабы исповедаться у меня, как он обычно делал, и встал на привычном месте между колоннами близ ризницы, где всегда поджидал меня для беседы.

Вернувшись в ризницу от алтаря после совершения Святой Мессы, я увидел его. Помыслив, что в это утро у исповедальни соберется много народу, так как был праздничный день, и его могут прогнать из-за убожества, мною уже описанного, я поспешил предупредить его, чтобы он шел скорее и занял очередь первым в исповедальню, куда и я собирался прийти чуть погодя, дабы выслушать его прежде всех прочих.

Слуга Божий послушно пошел. Однако, хотя ему (как сообщила мне впоследствии одна моя духовная дочь) совсем не трудно было занять это место, он, опасаясь быть кому-либо из ближних в тягость, сам отошел в сторону и укрылся в углу часовни св. Иосифа.

Придя в свою исповедальню, я поискал его глазами, но увидел, что он стоит в отдалении. Я принялся исповедовать, надеясь, что, когда толпа поредеет, он приблизится. Но он не сдвинулся с места, пока не прозвонили полдень.

Когда я вышел из исповедальни, он направился мне навстречу. Я почувствовал сожаление и сочувствие к нему, но пребывал в нерешительности, следует ли вернуться назад, чтобы выслушать его.

Но он, исполненный кротости и сострадания ко мне, сказал:

— Отец мой, не утруждайте себя ради меня. Делайте все так, как вам удобно, и не ищите иного времени. Ибо мне всегда удобно прийти, даже после обеда и в любой час.

Г-н Антонио Паннелли поведал мне, что однажды вечером в минувшем 1782 году, после службы, которая обычно совершается в течение девяти дней перед праздником Непорочного Зачатия Девы Марии в церкви Святых Апостолов, он увидел Слугу Божия. Бенедикт стоял на коленях в молитве на том месте, рядом с которым проходил г-н герцог дон Систо Чезарини,

раздававший деньги обступившим его беднякам. Блаженный же не шелохнулся, не попросил и не принял милостыни.

Тот же свидетель заметил, что, проходя мимо вратарской монастыря при упомянутой церкви, где раздавали похлебку, Бенедикт никогда к ней не приближался.

Будучи преисполнен святого упования, наш Бенедикт не мог удерживать его внутри себя, но при случае изливал его и на других, утешая их и побуждая довериться Богу.

Достоин упоминания в связи с этим случай, рассказанный мне одной особой, которая имела счастье четырежды беседовать с Бенедиктом Иосифом.

Она пребывала в великой скорби духа и была полна ужасающих страхов из-за сильнейших искушений, которые непрестанно мучили ее днем и ночью. Встретившись со Слугой Божиим, она услышала, как он сам заговорил с ней такими словами:

«Вы, дочь моя, стеснены в духе вашем и мучимы искушениями, о которых вы знаете. Ваши страхи перед опасностью согласиться с ними напрасны и чрезмерны. Мужайтесь и не бойтесь, ибо Бог не оставляет уповающих на Него и не попускает пасть тому, кто на Него опирается».

Затем он добавил:

«Ступайте к такому-то исповеднику и увидите, что он непременно ободрит вас».

Особа эта была поражена тем, как Слуга Божий сумел так глубоко проникнуть в ее душу и увидеть все ее внутреннее состояние; вместе с тем она почувствовала утешение и укрепилась в святом уповании. Впоследствии, отправившись к указанному исповеднику, она вновь ощутила то же утешение и ободрение, как и предсказал ей Слуга Божий.

Наконец, оставив иные доказательства твердейшей надежды и живейшего упования, которые всегда были верными спутниками нашего Слуги Божия, достаточно помыслить о непрестанной молитве, в которой он упражнялся согласно наставлению апостола Павла: *Spe gaudentes, orationi instantes* («Утешайтесь надеждою; <...> в молитве будьте постоянны»; Рим. 12:12).

Отсюда ясно видно, что он упражнялся в этой прекрасной добродетели непрерывно. И она [надежда] простерлась столь же далеко, сколь и его молитва, вплоть до того, что он, согласно Божественным обетованиям, *поднял крылья, как орлы*, дабы беструдно течь путями Господними, *пойти и не утомиться* (1) (ср. Ис. 40:31), стремясь к блаженным объятиям (как мы можем полагать) дорогого Предмета своего упования, Которого он непрестанно искал: *Laeva ejus sub capite meo, & dextera illius amplexabitur me* («Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня»; Песн. 2:6).

¹ Впоследствии раскаявшийся обидчик принес палку, которою был побит Слуга Божий, в церковь Пресвятой Марии на Горах и оставил ее там. – прим. авт.

ГЛАВА III. О его любви к Богу.

Добродетель любви, как учит апостол, есть не только царица всех добродетелей, но вместе с тем — жизнь их и душа. Так что если бы кто и обладал всеми прочими [добродетелями] и был украшен редчайшими небесными дарами, но не имел бы сей златой одежды любви, он мог бы повторить то, что от лица такового говорит тот же апостол: *Я — ничто* (ср. 1 Кор. 13:1-3).

Посему великий учитель св. Августин без колебаний утверждал, что мерой сверхъестественной праведности служит одна лишь любовь. Ибо, являются ли праведность и любовь одним и тем же или же различаются меж собой, как полагают некоторые (1), все же при нынешнем порядке вещей, установленном Промыслом, они идут рука об руку (2): обе в равной мере приобретаются, возрастают, умаляются или утрачиваются.

Любовь же Бенедикта Иосифа достигла всех тех степеней совершенства, коих только можно пожелать.

И, во-первых: если Любовь есть *исполнение закона* (ср. Рим. 13:10) и познается по соблюдению сего закона, то любовь Бенедикта Иосифа была настолько совершенна, насколько совершенным было его соблюдение Закона. Именно в этом состоит та любовь, которую богословы именуют *действенной*.

Дабы уразуметь, сколь совершенно он соблюдал заповеди, довольно оживить в памяти то, что мы уже поведали о нем, и помыслить о его безупречном поведении с младенчества до самой смерти.

Я не хочу утомлять моего читателя долгими повторениями. Однако особого внимания заслуживает — ибо сие есть ярчайшее доказательство его превосходнейшей любви — то, как он исполнял также и евангельские советы. Он жил по ним со всей точностью, как мы уже заметили в другом месте, и [заслуживает внимания] то, что он совершал и претерпевал, дабы во всех своих поступках следовать Божественному благоволению.

Едва он познал, что Господь призывает его к жизни подвижнической, суровой и совершенной, как тотчас преисполнился святой заботы о том, чтобы, избрав сей путь, верно следовать ему.

Он дважды ходит в Ла-Трапш, место, отстоящее примерно на триста миль от отчего дома; четырежды посещает картезианские обители в Лонгенессе и Монтрёе; идет в Сет-Фон.

Повсюду Бог испытывает его и показывает, что желает от него жертвы воли, но все еще скрывает от него тот предел, где хочет его утвердить и укрепить.

И вот, почти до самой смерти, он отправлялся в дорогу либо оставался на месте по указанию Верховной Воли Божией, подобно страннику Аврааму, который то путешествует, то останавливается по мановению Господа, и подобно израильтянам, которые сорок лет блуждали бездомно в пустыне, подчиняясь озаменованной воли Бога, Что вел их чудесным облаком и столпом (ср. Исх. 13:21).

Множества лишений, бедствий, трудов и опасностей, сопровождающих бесприютные странствия, не только не устрашают его, не смущают и не охлаждают, но воспаляют, и он охотно принимает их ради Распятого Иисуса. Его он всегда держит пред мысленным взором и в сердце своем, от Него не могли отлучить его ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни сила, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь (ср. Рим. 8:38-39).

Так была испытана и измерена его любовь мерою Креста той Любви, Которая умерла на нем, пригвожденная ради нас; и было найдено, что длина и широта равны (ср. Откр. 21:16).

Вернейшим испытанием любви является терпение в обстоятельствах, противных и враждебных нашей воле, о чем говорит ап. Иаков: *Patientia opus perfectum habet* («Терпение же должно иметь совершенное действие»; Иак. 1:4). Таковым является то терпение, в котором не находит пищи наше самолюбие, пытающееся проникнуть даже в самые святые и совершенные дела.

И сие испытание тем вернее и ценнее испытания делами, что свидетельствует о более крепкой любви в душе. Ибо когда душа действует, она соизмеряет и приспособливает дело к своим силам; когда же она терпеливо страдает, она являет готовность к любому мучению без собственного выбора, предпочтения или меры.

Постоянные испытания, среди которых жил наш Слуга Божий, были всякого рода. Но он принимал их все без исключения и без изъятия, с полной покорностью Богу, с неизменным терпением и кротостью к ближнему и с совершенным самоотречением.

Весьма достойно внимания наблюдение прославленного наставника в духовной жизни, бл. Иоанна Авильского, что многие души живут в самообмане, полагая, будто любят Бога, из-за тех нежных восторгов, что они ощущают, пока Он всячески являет им ласковость и мягкость и пока не противится их воле.

Но если Бог с любовью бьет их жезлом скорби, и Воля Божественная встает наперекор их воле, требуя чего-то противного их порочным склонностям, тогда они раздражаются жалобами, приходят в смятение и поворачивают вспять с начатого пути.

Воистину, такая любовь есть скорее самолюбие, коим мы любим то, что угодно нашему вкусу и чувству, а не Любовь Божественная. Ибо истинная любовь состоит в том, чтобы любить и исполнять Божественную волю и Его закон, сколь бы суровым и противным нашей воле, нашим страстям и нашим желаниям он нам ни казался.

Именно такой закалки была любовь Бенедикта Иосифа: в величайших стеснениях, в безутешности и сухости он всегда стремился исполнить волю Божию во всем, даже в самом трудном, и никогда — свою собственную. Посему он мог по праву сказать Господу: *Propter verba labiorum tuorum custodivi vias duras* («По слову уст Твоих я держался путей жестких» Вульг. Пс. 16:4).

Эта любовь, столь неизменная по отношению к Богу, была одновременно терпеливой и кроткой к ближнему.

Сие ясно подтверждается свидетельствами его родителей, учителей и всех тех, кого опрашивали во Франции о его поступках, и нет нужды повторять это здесь. Можно было бы привести множество фактов в подтверждение этого, замеченных свидетелями, достойными доверия; но ради краткости я удовольствуюсь тем, что приведу лишь некоторые из них.

Г-н Антонио Паннелли из Мачераты, хорошо узнавший Слугу Божия за три года общения, поведал об одном поистине удивительном случае, которое наблюдал воочию.

Однажды, когда Слуга Божий вышел из церкви Свв. Апостолов и проходил мимо ворот дворца светлейшего коннетабля Колонны, случилось так, что несколько праздных уличных мальчишек, развлекавшихся швырянием камней, попали в него.

А так как он ходил с обнаженными голеньями, то был ранен в левую ногу, повыше щиколотки, да так сильно, что хлынула кровь.

Несмотря на это, он ничуть не смутился, не изменил своей обычной походки, ничуть не выказал боли и продолжил свой путь, даже не обернувшись, чтобы посмотреть, откуда прилетел столь жестокий удар.

Подобным образом однажды, когда он стоял под портиком той же церкви Свв. Апостолов, его ранило в ногу камнем, с силой брошенным с соседней площади каким-то скверным юнцом. И

все же он не выразил ни малейшего чувства или обиды, ведя себя так, словно его вовсе не задели. Об этом свидетельствует с. Мария Кьяра Донати, терциарка из Венеции, видевшая это своими глазами.

Еще более значителен следующий случай. Однажды Слуга Божий проходил через площадь Траяновой колонны и столкнулся с толпой распутных юношей. Они окружили его и начали всячески оскорблять: кто бил его кулаками, кто насмеялся, кто швырял его шляпу на землю, а кто дергал за бороду.

Сохраняя невозмутимость посреди стольких издевательств, он не жаловался и даже не размыкал уст, с величайшим терпением позволяя им измываться над собою вдоволь.

С. Мария Кьяра, оказавшаяся свидетельницей этого зрелища, была так поражена, что не смогла сдержаться и принялась бранить их за дерзость и жестокость, говоря:

— Оставьте его! Что вам нужно от него? Разве он сделал вам что-то худое? За что вы обращаетесь с ним так, как поступали с Господом нашим Иисусом Христом?

На что они возразили:

— Вы его не знаете: это безумец!

И с этими словами повалили его на землю.

Он же, претерпев столь ужасное бесчестие и это новое оскорбление, не выказал никакой обиды, но радовался, что его почли безумным ради Иисуса Христа, подобно ап. Павлу, который хвалился, говоря: *Nos stulti propter Christum* («Мы безумны Христа ради»; 1 Кор. 4:10).

Вот какой степени непобедимого терпения и самоуничужения достиг Бенедикт Иосиф, и сколь мощна была Божественная любовь, пылавшая в его сердце.

Доселе мы видели любовь нашего Слуги Божия в его внешних делах; теперь же надлежит нам проникнуть взором внутрь его души, откуда и заимствуют свою ценность дела внешние, согласно тому, что написано о Невесте в псалмах: *Omnis decor ejus ab intus* («Вся краса ее внутри»; ср. Вульг. Пс. 44:14).

И, во-первых, поскольку, как глаголет наш Божественный Учитель, *ex abundantia cordis os loquitur* («от избытка сердца говорят уста»; Мф. 12:34), то, следовательно, слова суть явные признаки любви, пылающей в сердце.

Хотя Бенедикт Иосиф был столь скуп на слова, что само это непрерывное молчание ясно свидетельствовало о его внутренней любовной беседе с Господом, и его можно было назвать *Sermo silens & silentium loquens* («Молчащая речь и говорящее молчание»; ср. св. Иероним, *Epist.* 3), тем не менее, немногие речи его всегда исходили от Божественной Любви и воспламенялись ею. Даже те, что вырывались у него во сне.

Посему мы с полным правом можем отнести к этой душе похвалу Невесты из Песни Песней: *Ego dormio, & cor meum vigilat* («Я сплю, а сердце мое бодрствует»; Песн. 5:2).

Свидетелями тому являются те самые люди, что ночевали в упомянутом приюте г-на аббата Манчини. Среди них некий Валентино Бониоли, венецианец, который на протяжении девяти месяцев спал в той же комнате, где и наш Слуга Божий, и свидетельствует, что слышал, как тот глубокой ночью издавал пламенные восклицания и вел сладостные беседы с Богом.

Из этого легко заключить, каковы были его речи, когда он бодрствовал. Можно было бы привести множество фактов в подтверждение сего, но ради краткости ограничимся лишь одним.

Антонино Бартолотти из епархии Милето, один из нищих, призываемых в упомянутом приюте, рассказывает, что однажды вечером, когда он направлялся к этому дому около четверти первого ночи, он увидел Бенедикта Иосифа, который шел немного впереди него той же дорогой.

Он заметил, что Бенедикт на ходу внимательно созерцал сияющую луну. Время от времени он вытягивал шею, словно влекомый к небу, а затем вдруг склонял голову и произносил исполненные любви слова, воздавая хвалу Творцу.

Заметив это, упомянутый Антонино ускорил шаг и постарался незаметно приблизиться к нему так, дабы расслышать, что именно он говорит. Но так как Бенедикт говорил по-французски, он не смог понять смысла сказанного, не будучи сведущ в этом языке. Однако по тону и по тому жару, с каким он произносил слова, Антонино понял, что тот, восхищенный чудесами Божиими, изливал свою любовь.

Преподобнейший отец Агостино Арбусти, брат меньший конвентуальный, профессор догматического богословия в Римской Коллегии, часто уединялся после полудня в церкви св. Игнатия перед началом занятий, в тот час, когда там обычно почти никого не бывает. В это время он многократно слышал нежные беседы, которые Слуга Божий, полагая, что никто его не слышит, вел с Господом нашим, изображенным на картине главного алтаря — с крестом на плечах и беседующим со св. Игнатием. Среди прочих речей, которые, как утверждает сей отец, он слышал от Слуги Божия, были такие: «Ах, Господи! Не подобает Тебе держать сей крест на плечах Твоих; возложи его на мои: это мне, как грешнику, надлежит нести его».

Приветствием блаженного были лишь слова: «Да будут восхвалены Иисус и Мария». И никогда не исходило из уст его ни единого слова праздного или малоназидательного. Слова его были сколь скупы, столь же и взвешены, всегда благочестивы и уместны.

Нищие, его товарищи по приюту, свидетельствуют, что когда они расстилали постели перед сном, каждый говорил какие-нибудь дозволенные и безразличные слова, кроме Бенедикта, который всегда пребывал в молитве, уединившись в сторонке. Но стоило ему услышать, что говорят о Боге, как он тотчас же поспешно подбегал и присоединялся к ним, словно оказывался в своей родной стихии.

У него всегда были наготове подобающие случаю отрывки из Писания, и он изъяснял их своим неученым товарищам, которые оставались в изумлении от его познаний и назидались его речами.

Душа, возлюбившая Бога, соразмерно своей любви к Нему жаждет и ищет славы Его, обретает в ней усладу и ненавидит всё, что Ему противится, то есть всякий грех.

Несказанно радовался Бенедикт в сердце своем, когда видел, что Господа чтут и хвалят, особенно в святых местах (где и сам он старался подавать пример назидания), и неисчислимы молитвы, кои он непрестанно возносил, дабы все познавали, чтили и прославляли Имя Божие, как Ему подобает.

Но столь же глубоко, до самой глубины сердца, уязвляло его зрелище наносимых Богу оскорблений, особенно в церквях и святых местах! В этом он сам признавался, изливая свою скорбь.

Становясь свидетелем какого-либо греховного деяния или слыша недозволенные речи, такие как проклятия, богохульства и тому подобное, он проникался крайним ужасом и готов был никогда более не возвращаться на то место, где, как он помнил, однажды был оскорблен Богом.

И в самом деле, я знаю, что по этой причине он воздерживался от хождения за похлебкой к воротам некоторых монастырей, ибо слышал там, как нищие в нетерпении произносят греховные слова.

Этот ужас перед оскорблением Бога был в нем так велик, что, дабы не стать свидетелем оного (насколько это было возможно предусмотреть), он с невыразимым неудобством для себя избегал подобных случаев и сторонился таковых мест.

Оттого-то во всех своих странствиях он никогда не переступал порога постоянных дворов и всегда выбирал самые глухие дороги, хотя бы путь по ним оказывался дольше и труднее.

Если же несмотря на это ему порой случалось увидеть или услышать нечто противное святому Закону Божию, он зримо трепетал с головы до ног от ужаса. Если же он имел хоть какую-то надежду поспособствовать исправлению согрешающих вразумлением, он, полный ревности, старался сделать это самым подобающим и действенным образом.

Но об этой его ревности мы поговорим в более подходящем месте, в следующей главе.

Между тем, прежде чем завершить настоящую главу, хотелось бы добавить еще одно доказательство того, сколь совершенна была его любовь к Богу, Которого он любил всем сердцем своим, всею душою своею, всеми силами своими (ср. Втор. 6:5; Лк. 10:27); любил Его Единого, превыше всего.

Речь идет о том сокровенном единении с Богом, которого он достиг благодаря житию, столь подвижническому, что он совершенно умер для самого себя (ср. Св. Фома, II-II, гл. 24, а. 8), а также благодаря непрестанной молитве. Я говорю о единении, благодаря которому он стал *одним духом* с Богом (ср. 1 Кор. 6:17), о единении, которое в итоге *преобразило* его в Бога (ср. 2 Кор. 3:18).

Сие явствует из его экстазов и восхищений, бывших почти непрерывными, и из тех тайн, что поверял ему Возлюбленный Жених, как мы увидим в своем месте.

ГЛАВА IV. О его любви к ближнему.

С любовью к Богу всегда соединена любовь к ближнему. Более того, это одна и та же любовь, коей исполняется весь закон, как учит нас ап. Павел (ср. Гал. 5:14). Ибо она любит Бога в ближнем, видя в нем образ и подобие Божие; видя в нем достояние Божие, творение Его всемогущих рук, создание, способное любить Его; и видя, наконец, что Сам Бог любит его и желает, чтобы и мы вместе с Ним любили его.

Оттого и любовь к ближнему пламенеет ровно в той мере, в какой горит любовь к Богу.

Следовательно, чтобы уразуметь, какова была любовь Бенедикта Иосифа к ближнему, достаточно было бы того, что мы доселе сказали о его любви к Богу. Тем не менее, дабы достоинство и подвиг христианского совершенства, коим всегда была украшена жизнь сего бедняка Христова, воссияли с подобающей яркостью, я полагаю нужным рассказать об этой его любви несколько подробнее. Ибо сия добродетель в Слуге Божиим достойна удивления не менее прочих, хотя на первый взгляд это может показаться неочевидным.

Конечно, если судить по внешности и по обычаю мира сего, могло показаться, что поведение Бенедикта Иосифа свойственно человеку, живущему лишь для себя самого; человеку, который никогда не заботится о себе подобных, бесполезен для человеческого общества и даже служит ему бременем и тягостью.

И тем не менее можно утверждать, что вся его жизнь была посвящена благу ближнего, как временному, так и духовному.

Он был бесконечно далек от того, чтобы причинить кому-либо вред или беспокойство. В первой части сего повествования мы видели, сколь дивно он держал себя с самого детства: не только терпеливо сносил тех, кто досаждал ему, но и являл к ним совершенную кротость и доброту с той неизменной ровностью духа, которую св. Франциск Сальский почитал столь редкой и столь трудной для исполнения, что не колебался ставить ее выше самой добродетели целомудрия.

Никогда с языка его не срывалось ни единого слова, которое могло бы хоть малость оскорбить любовь к ближнему, пусть даже отдаленно; никогда он не подавал ни малейшего повода к соблазну.

Поистине достойна восхищения была его чуткость в этом отношении. Мне хотелось бы подтвердить это лишь одним примером, который стоит тысячи других; свидетелем сего поступка является г-н Пьетро Джансанини, друг и благодетель нашего Бенедикта Иосифа.

Однажды, видя, что святой облачен в жалкое рубище и имеет нужду в одежде, сей господин, движимый состраданием, сам вызвался оказать ему милость. Собрав узел со старым платьем, он пригласил его к воротам монастыря Свв. Апостолов, дабы тот пришел и забрал этот сверток.

Слуга Божий принял предложение, но с учтивостью заметил, что не считает правильным брать это здесь. Причиной же было то, что там находились другие нищие, и он опасался подать им повод к зависти, тем паче, что им могло показаться, будто он отнял у них эту милостыню. Посему он кротко просил благодетеля передать ему эти вещи в таком месте и в такое время, где не было бы подобной опасности.

Столь осмотрителен и осторожен был он в том, чтобы не подать ближнему своему ни малейшей тени соблазна!

Кроме того, он весьма остерегался принимать милостыню, если возникало малейшее подозрение, что благотворители отнимают ее у других бедняков.

И по этой причине он не только обычно не просил подаяния, но и не принимал его сверх того, чего требовала крайняя нужда. Когда же ему подавали деньги, он, прежде чем принять, внимательно смотрел, мелкая ли это монета; ибо в противном случае он обыкновенно отказывался или брал лишь малую часть, возвращая излишек.

При этом он неизменно говорил благочестивому дарителю, чтобы тот отдал остальное кому-нибудь, кто беднее его (как это замечали в Лорето), либо сам раздавал это другим нищим.

Что же касается отказов Слуги Божия от милостыни, которую ему добровольно предлагали, то подробное описание всех этих случаев потребовало бы слишком пространного изложения. Их было великое множество, и предложения были весьма значительны, ибо разные лица неоднократно и щедро вызывались ему помочь: одни просили его поселиться в их доме, другие — прибегать к ним во всякой нужде. Но он смиренно благодарил всех, говоря, что ни в чем не нуждается, и просил, чтобы они позаботились о других бедняках.

Много раз он отказывался от милостыни, предлагаемой ему людьми бедными, говоря: «Вы и сами бедны, не лишайте же себя этих денег». Более того, порой он сам подавал таким людям милостыню. Так случилось с с. Марией Кьярой Донати, венецианкой, как она сама о том свидетельствует. Когда она захотела подать ему милостыню, Слуга Божий отказался, сказав ей: «Вы и сами бедная». В другой же раз он сам дал ей *байокко*, и она приняла его.

Синьора Мария Червозимо, жена позолотчика, жившая на площади Венеции, имела обыкновение в разные дни недели давать Слуге Божию, когда он проходил в тех краях, кусок хлеба, и Бенедикт принимал его.

Однажды, размышляя о бедности сего Слуги Божия и сочтя его более нуждающимся, нежели другой нищий, которому она также подавала особую милостыню, она решила впредь отдавать ее Бенедикту Иосифу. Она поверила этот свой замысел служанке.

Но что же? Слуга Божий пришел к ее дому, и в тот самый миг, когда ему хотели вручить эту милостыню, он поблагодарил благодетельницу, сказав:

— Я не возьму сие, ибо знаю: чтобы дать мне, вы отнимаете у другого бедняка.

Сказав это, он удалился и никогда более не появлялся в том месте, даже чтобы получить обычную милостыню, которую прежде принимал от синьоры Червозимо.

Наш Слуга Божий отличался невероятной тонкостью в своей любви к ближнему, слава о чем распространилась по всему Риму, а примеры того чересчур многочисленны, чтобы их все тут приводить.

Однако не будет лишним отметить, как деликатен он был в стремлении не причинить никакого неудобства или тягости ближнему своим присутствием, учитывая, что был покрыт омерзительными лохмотьями и кишел докучливыми насекомыми.

В этом он был осторожен до крайности, со всяким вниманием стараясь никогда не приближаться к кому-либо так, чтобы вызвать тошноту или отвращение. Он жил обособленно даже от других нищих и никогда к ним не подходил. В церквях он всегда становился в уединенном и отдаленном месте; если же кто-то случайно приближался к нему, он тотчас отходил прочь, преклоняя колени в другом месте, как это неоднократно замечали.

Если же при виде такой его осмотрительности, человеколюбие побуждало кого-либо подать блаженному знак остаться на месте, он, несмотря на это, удалялся.

Так случилось однажды вечером во вторник в церкви Мадонны деи Форнари, именуемой Лоретской. Пока Слуга Божий стоял на коленях на ступени балюстрады главного алтаря, к нему приблизился вышепомянутый г-н Пьетро Джансанини, дабы преклонить колени рядом.

Сей последний так свидетельствует об этом:

«Едва я приблизился, он поднялся со ступеньки и опустился на колени прямо на пол, чтобы уступить мне место. Я же, не желая злоупотреблять его учтивостью, поскольку места хватало для обоих, ласково взял его за руку и просил остаться на своем месте. Но он предпочел во что бы то ни стало оставаться коленапреклоненным на голом полу, пока не прозвучало благословение».

Сам Джансанини получил от сего поступка Слуги Божия столь глубокое назидание, что это побудило его искать дружбы с праведником в надежде облагодетельствовать его, что ему впоследствии и удалось вполне.

Впрочем, немногого стоило бы милосердие Бенедикта Иосифа, если бы оно ограничивалось лишь тем, чтобы не причинять ближнему никакого огорчения, и не простиралось бы деятельно ко благу его, как временному, так и духовному.

Он же с полным правом мог повторить слова святого Иова: *...со мною... росло милосердие* (ср. Иов 31:18). И оно действительно возрастало в нем с годами.

Мы уже видели, как он с юных лет отнимал у себя кусок хлеба, дабы напитать нищих, и как ради облегчения участи несчастных крестьян, страдавших от поветрия, решился даже взять на себя заботу об их скоте.

Сия щедрость милосердия сопровождала его во всех обстоятельствах жизни, даже в состоянии крайней нищеты, до которого он дошел и в котором скончался.

Он имел неизменное обыкновение оставлять себе лишь самое необходимое, дабы не умереть от голода и истощения, все же остальное раздавал неимущим. Тому есть множество свидетелей, которые видели, как он творит милостыню, или сами получали ее, будучи неимущи.

Среди многих случаев особого упоминания заслуживает тот, что произошел с одной нищенкой, стоявшей у дверей церкви и просившей на пропитание.

Увидев, как Бенедикт, столь оборванный и убогий, входит в церковь, она помыслила: «Отчего же сей бедняк не просит подаяния?»

Но что же? Когда он выходил из церкви, она увидела, как он протянул руку и подал ей ради Христа несколько кусочков хлеба. Всякий может вообразить, каково было ее изумление.

Милосердие Бенедикта Иосифа Лабра не ограничивалось, однако, лишь той милостыней, которую он подавал; хотя и она имела пред Богом великую цену по причине великой любви, с которою он, ради облегчения участи других, лишал себя того скуднейшего пропитания, что получал от людей в своей крайней нужде.

Более того, при всяком случае он делался *всем для всех*, стараясь помочь ближнему советом в сомнениях и утешением в скорбях. Это ясно явствует из одного случая, который я намерен здесь описать и который заслуживает особого внимания.

Известно, что он многократно посещал больных, ради которых, как мы видели в первой части сего повествования, никогда не щадил себя, если того требовали обстоятельства.

Весьма достойно упоминания, как он посетил в Фабриано синьору Винченцу Фьорди, которая в то время уже около девяти лет пребывала в болезни. Она является дочерью г-на Доменико, чиновника казначейства Марки, о котором мы также упоминали в ином месте.

Не повторяя здесь того, о чем уже было сказано, я дословно перепису некоторые подробности, которые содержатся в сообщении, переданном мне о. Паджетти.

«Третьим лицом, которое долго общалось со Слугой Божиим — то есть на протяжении пяти часов кряду, — была некая девица по имени Винченца Фьорди, к тому времени уже девять лет страдавшая от недуга.

К этой болящей его пригласила некая Винченца, дочь покойного Джованни делла Нера, который задолго до того, будучи по профессии каменщиком, упал с высокой крыши и разбился насмерть.

Эта Винченца, увидев, как Слуга Божий проходит в дождливую погоду мимо ее дома, стоявшего напротив жилища болящей, позвала его укрыться в прихожей своего дома. Он с готовностью принял приглашение, сел на стул и пробыл там два часа.

Он настолько утешил эту женщину в ее скорбях, что она просила его позволить увидеться с ним снова перед его уходом. Слуга Божий сказал ей:

— Мы увидимся завтра.

А это был праздник св. Иоанна Крестителя, главного покровителя Фабриано (24 июня).

Распростившись с ней в канун праздника сего святого, он точно в срок, около 15 часов праздничного дня (по итальянскому исчислению времени)¹, вернулся к этой женщине. Она спросила его, не желает ли он навестить болящую, добавив, что раз он так утешил ее саму, то утешил бы и ту в ее долгом недуге.

Она оставила его в комнате упомянутой болящей в обществе нескольких ее сестер и других людей, сбежавшихся туда, а сама тем временем постаралась приготовить для него что-нибудь к обеду в доме больной.

Войдя в комнату страждущей, Слуга Божий сел на стул подле ее кровати. Выразив радость по поводу ее недуга (как средства спасения), он показал ей, сколь приятно Богу согласие с Божественными предначертаниями и сколь выгодно для души добровольное страдание, сладчайшими словами побудив ее охотно терпеть телесные немощи, столь полезные для блага души.

Болящая слушала это и в то же время говорила сама в себе: «Или это Иисус Христос, или какой-то святой».

Чем дальше углублялся он в рассуждения, особенно о страданиях Иисуса Христа, тем больше мужества чувствовала в себе больная, желая исполнить всё, что внушал ей этот Слуга Господень.

Когда пробило полдень и все вышли из дома, он открыл болящей некую тайну, касавшуюся бывшего у нее внутреннего озарения (*lume interno*), о котором она не сообщала даже своему тогдашнему духовнику. Больная призналась ему, что это истинная правда, и еще более утвердилась в мысли, что этот нищий есть Иисус Христос или же святой.

Когда его попросили принять пищу, присланную упомянутой Винченцой, он вкусил ее весьма умеренно в комнате больной, непрестанно благословляя Господа.

Болящая, видя, с каким рвением он, подкрепив силы, беседует о Боге, попросила его поведать ей, как надлежит любить Господа.

И он ответил, что для сего потребно иметь три сердца, соединенных в одном:

Первое — всецело исполненное любви к Богу, дабы непрестанно помышлять о Боге, говорить о Боге и трудиться ради Бога.

Второе — всецело милосердное и благостное к ближнему.

Третье — сердце, суровое к самому себе, всегда действующее наперекор собственной воле.

Это учение, изложенное несколько подробнее, было передано мне также в другом письме, написанном братом сей болящей. Прибыв в Рим, он подтвердил мне это устно слово в слово; и для вящей ясности и пользы я прилагаю его здесь.

Итак, говоря о первом сердце, он добавил: «сносить с терпением недуг, который Ему угодно будет посылать вам во все время вашей жизни».

О втором, которое, по его словам, должно быть всецело чистосердечным и милосердным, он добавил: «и молиться за грешников, дабы Господь просветил их и обратил к покаянию; и молить Иисуса и Марию, дабы Они соизволили даровать покой душам в Чистилище».

Наконец, о третьем добавил: «питать отвращение ко всякого рода удовольствиям; и чем более вы будете гнушаться этим вашим телом, тем большую награду даст вам Господь в жизни будущей».

После сего он добавил, обращаясь к упомянутой болящей: «О дочь моя, Иисус весьма любит вас. Велик удел, который вы имеете в этом мире. Многие святые, мужи и жены, желали вашего недуга и не могли его получить; ибо здоровье есть такой же дар Божий, как и болезнь. Будьте готовы сносить то, что Богу угодно будет послать вам; ибо Господь желает от вас великих свершений».

Эти последние слова были восприняты как предсказание, ибо с того времени сия болящая претерпевала величайшие мучения, каковые длятся и поныне. Ее брат, хирург по профессии, уверяет меня, что она сносила их все с великой радостью духа; и что для избавления ее от приступов, доводящих ее чуть не до смерти, ему приходится весьма часто отворять ей кровь, а она держится так, словно нет у нее никакой болезни.

Что же касается еды, то говорят, будто Слуга Божий повторял, словно в экстазе: «О великий Господь, велика благость Твоя, дарующая силу сим яствам для нашего пропитания!» — и иные подобные слова, исполненные любви и благочестия.

В том же письме утверждается также, что сестры болящей просили сего Слугу Божия поесть, а он отвечал: «Довольно сего; ибо всё сверх того, что мы усваиваем, служит лишь к тому, чтобы сделать нас пищей червей».

Сия болящая, обретя от Слуги Божия великое утешение и составив о нем высокое понятие, стала просить его наставить ее в том, как надлежит достойно исповедоваться.

Он ответил ей, что многие души сходят в ад из-за недостойных исповедей. В подтверждение сего он поведал ей о своем мысленном образе трех шестивий, который мы уже описывали в первой части этого повествования. Затем он так изъяснил ей образ доброй исповеди, что, как свидетельствует сама болящая, она никогда ни от кого не слышала столь подробного наставления.

Сколь усерден был наш Слуга Божий в утешении скорбящих душ и в наставлении нуждающихся, когда к тому представлялся случай, столь же ревностен был он и в исправлении согрешающих, творя сие с любовью и в подобающее время.

Эту обязанность христианского милосердия он исполнял в совершенстве при всякой встрече с самых юных лет, как явствует из показаний свидетелей, собранных во Франции.

Некоторые случаи, произошедшие среди нищих в приюте г-на Манчини, показывают не только то, что он неусыпно прилежал сему делу, но и то, сколь прекрасным способом он пользовался для исправления и вразумления провинившихся.

Я упомяну лишь некоторые из них, заметив предварительно, что он имел обыкновение творить сие милосердное вразумление с кротостью, приводя при этом изречения и примеры из Божественного Писания, которые у него всегда были наготове для таких случаев.

Однажды вечером, когда один из упомянутых нищих в порыве гнева проклял дьявола, Слуга Божий заметил ему, что такое проклятие не подобает произносить, ибо дьявол есть творение Божие. И добавил, что в Божественном Писании сказано: Святой архангел Михаил, споря с ним, не осмелился проклясть его, но сказал просто: *«Да запретит тебе Господь»* (ср. Иуд. 1:9; в итал. тексте: *«Бог да судит тебя»*).

Подобным же образом в другой вечер, когда разговор меж упомянутыми нищими зашел о лжи, нашелся среди них один, кто заявил, что не стоит придавать значения таким пустякам. Исполнившись ревности, Бенедикт Иосиф возразил:

— Никогда не следует говорить никакой лжи ни за что на свете, ибо она всегда есть оскорбление Бога.

Один из нищих, вернувшись домой вечером в летнюю пору, раздевался, не соблюдая должной скромности. Слуга Божий предостерег его, сказав, что это нехорошо, и приведя в пример Ноя, который проклял сына своего Хама за то, что тот смеялся над его наготой (ср. Быт. 9:20-27).

В другой раз среди тех же нищих зашла речь о винопийцах. Один из них выдвинул такое суждение: «Лучше добрая попойка, чем болезнь». Объятый святой ревностью, Слуга Божий принялся корить его, говоря:

— Что за вздор? Разве вы не знаете, что пьянство есть смертный грех?

Когда Бенедикт находился в Лорето, произошел такой случай. Однажды вечером, в сумерках, возвращаясь в дом своих благодетелей, у входа в лавку он встретил священника (впрочем, человека богобоязненного), который только что произнес там речь, осуждая некоторых людей, прогуливавшихся по городу в обществе женщин. Он обратился к Бенедикту с вопросом:

— А вы что об этом думаете?

Слуга Божий смутился и смиренно ответил:

— Ради святой любви! Я на такие прогулки не хожу.

Затем он удалился в дом, оставив сего обличителя пристыженным.

Наконец, оставив в стороне другие подобные предостережения и своевременные укоры, упомяну следующее. Когда в последнее время те же нищие обсуждали бедственное землетрясение, один из них выказал отсутствие страха, заявив, что в Риме они находятся в безопасности. На это Слуга Божий ответил:

— И мы, хоть и в Риме, тоже не в безопасности.

Любовь не является истинно совершенной, если она не печется о ближнем в отношении спасения души, как того желает Сам Бог, всеми теми средствами, что подобают каждому: *Unicuique mandavit Deus de proximo suo* («И заповедал Бог каждому о ближнем своем»); Вульг. Сир. 17:12).

Посему наш Слуга Божий неустанно радел о спасении душ. Он действовал не только увещанием, но и непрестанными молитвами и воздыханиями, которые воссылал к престолу Божественного Милосердия, испрашивая обильной благодати всем грешникам, еретикам и неверным, дабы они обратились к Богу.

Кроме того, он стремился непрерывно творить проповедь собственным примером, который воистину действеннее всяких слов.

Мир полагал, что Бенедикт Иосиф Лабр хранил молчание; однако даже немногими словами он сказал весьма много и явил себя истинным апостолом.

Будучи осиян светом свыше и даром прозрения сердец, он прекрасно умел употреблять сей небесный дар на пользу душ — хотя и сокровеннейшим образом — предостерегая встреченных им на пути грешников об их плачевном внутреннем состоянии. Я знаю это доподлинно и не посмею лишить благочестивого читателя, справедливо желающего узнать о том, хотя бы одного примера.

Однажды, повстречав распутного и беспечного юношу, Бенедикт приблизился к нему и, исполненный смирения, кротости и приветливости, молвил:

— Сын мой, ты пребываешь в немилости у нашего Бога. Пойди и принеси добрую исповедь, ибо смерть уже близка к тебе.

Юноша посмеялся над этим предостережением и выставил бедняка дураком. Но что же вышло? Вскоре несчастный умер, как и предсказал ему Слуга Божий, — и умер без покаяния.

Иное же действие возымело другое предостережение, сделанное ревностнейшим Слугой Божиим другому лицу. Встретившись однажды с неким человеком (имя которого приличие велит мне умолчать) и учтиво приблизившись к нему, он сказал:

— Брат мой, гони от себя эту мысль; это диавольское искушение .

От сего неожиданного удара человек тот застыл в изумлении и смущении, хорошо зная свой преступный замысел, сокрытый в сердце, а именно намерение оставить собственную жену.

Он воспользовался предостережением во благо и с той поры проникся к Слуге Божию почтением, которое сохранил навсегда, выказывая ему знаки благодарности при встречах на улице.

Изложенного доселе, полагаю, довольно, чтобы получить достаточное представление о любви Бенедикта Иосифа к ближнему. Всякий, кто поразмыслит над этим хотя бы немного, увидит, сколь справедливо я заметил в начале сей главы, что эта добродетель в нем не менее удивительна, чем прочие, хотя на первый взгляд это и не кажется очевидным.

Более того, поведение его, далекое от того, чтобы быть бесполезным для общества, оказалось для оного в высшей степени благотворным.

Ибо если, по слову св. Августина, «*тот совершеннее в любви к Богу, кто воспламеняет к любви к Нему больше душ*» (*Ille in charitate Dei perfectior est, qui ad ejus amorem plures accendit*; S. Aug., *in cap. 3 Johan.*), — то надо признать, что наш Слуга Божий именно так и поступал.

Он служил любви и вещественной милостыней, которая, будучи подаваема его руками (руками нищего!), не могла не потрясать даже самые черствые сердца; и непрестанными молитвами как за живых (верных и неверных), так и за усопших; и словами, чрезвычайно действенными, ибо исходили они из сердца, пламенеющего любовью, и имели вес благодаря безупречности его жизни.

Наконец, он прибегал к любым иным способам [благотворения ближним], какие только могла измыслить самая деятельная любовь.

Посему мы можем с должным соотношением приложить к нему похвалу, воздаваемую апостолу св. Иоанном Златоустом: *Sicut ferrum missum in ignem, totus ignis efficitur; sic Paulus charitate succensus totus factus est charitas* («Как железо, ввергнутое в огонь, целиком становится огнем, так Павел, воспламененный любовью, весь сделался любовью»; Св. Иоанн Златоуст, *Hom. 3 de laud. S. Pauli*).

¹ Примерно 11:00 — 11:30 утра. По «итальянскому исчислению» (*ora italica*), которое использовалось в Папской области и других частях Италии до вторжения Наполеона, сутки начинались через полчаса после заката (с ударом колокола к вечерней молитве «*Ave Maria*»). В конце июня (праздник св. Иоанна Крестителя, близко к летнему солнцестоянию) солнце садится поздно, около 20:00. Следовательно, начало суток (24-й час) приходилось примерно на 20:30–21:00. Если отсчитать 15 часов от этого момента: 20:30 + 15 часов = 11:30 утра следующего дня.

ГЛАВА V. О благоразумии Слуги Божия.

Мудрейшие описатели житий слуг Божиих обычно избегают говорить отдельно о кардинальных добродетелях, ими явленных, и поступают так по здравому рассуждению.

Ибо все добродетели связаны меж собой дивными узами и действуют в прекрасной гармонии; посему легко усмотреть деяния одной добродетели в деяниях другой и, как следствие, возвести их все к главнейшим, о коих мы говорили доселе, — то есть к добродетелям богословским.

Сие справедливо и в отношении самих кардинальных добродетелей. Хотя они и служат «петлями» (*cardini*) и началами всех прочих, их проявления легко усматриваются в упражнении первых сиречь богословских, подобно тому, как по самому зданию легко угадывается фундамент добротной постройки, по высоте дерева — глубина его корней, а по изобилию вод — полноводность источника.

И хотя кажется, что подобная краткость уместна прежде всего в сжатом повествовании, все же важность предмета не позволяет мне уклониться от того, чтобы хотя бы вкратце сказать о каждой из кардинальных добродетелей, ибо они украшали прекрасную душу Бенедикта Иосифа Лабра не менее богословских..

Следуя порядку, назовем первой меж ними добродетель благоразумия, ибо она управляет всеми прочими. Посему учителя именуют ее *auriga virtutum* («возничим добродетелей»), держащим кормило правления над всеми, как глаголет св. Лаврентий Юстиниани. Кассиан же

не усомнился назвать ее родительницей, хранительницей и управительницей всех добродетелей.

Добродетель эта всегда ярчайшим образом сияла в нашем Слуге Божиим, и мы можем сказать, что Господь исполнил его духа благоразумия с самого младенчества. Ибо уже с ранних лет в нем вызывали восхищение рассудительность и зрелость, превосходившие его возраст, так как уже с той поры он устремил помыслы к последней цели и так упорядочил все течение жизни, что во все дни бытия своего старался угодить Господу.

Бегство от опасностей, презрение к бранным вещам мира сего, отчуждение от всяких развлечений и великое радение о собственном освящении, чем он восхитительно отличался с самого нежного возраста, суть веские доказательства его совершенного и сверхчеловеческого благоразумия.

Ибо, как глаголет св. Григорий Назианзин, повествуя о великом Василии:

“Благоразумие поучает нас сохранять неизменное расположение духа как в благополучии, так и в несчастях, подобно тому как рука остается все той же, будь она простерта с раскрытой ладонью или сжата в кулак, как говорит один великий наставник”.

Именно таким всегда видели нашего Бенедикта Иосифа; и в этом отношении он явил собой пример сколь славный, столь и редкий в мире.

Рим изумляется тому, как столь великое сокровище могло оставаться в нем почти сокрытым. Сие не могло быть ничем иным, как плодом совершенно необычайной осмотрительности. Благодаря ей он умел так управлять всеми своими действиями, чтобы они не бросались в глаза людям, дабы избежать любой опасности тщеславия или самолюбия, которое, по слову св. Августина, первым рождается в нас и последним умирает.

И все же, сколько бы я ни испытывал эту душу за все то время, что ей угодно было находиться под моим руководством, я не заметил в ней ни малейшего начала сего зловредного духа. Напротив, я узнал, что он использовал против него в качестве действенного противоядия непроницаемую скрытность.

С самых первых дней, как он начал открывать мне свой внутренний мир, я с вниманием принялся исследовать его необычайное поведение и сей род жизни, столь выходящий за рамки обычного, дабы разобраться, от какого духа он происходит и заслуживает ли одобрения.

С этою целью расспрашивала наедине самого [Бенедикта] и предавался собственным размышлениям; и по завершении исследования с очевидностью убедился, что им руководил Бог и что поведение его достойно одобрения во всех своих частях.

И поелику, как глаголет Дух Святой: *Qui sapiens est audit consilia* («Кто мудр, слушает совета»; Вулг. Притч. 12:15), Слуга Божий, далекий от того, чтобы полагаться на собственное суждение, и ничего о себе не мня, искал совета у другого — у того, кто был для него вместо Бога.

Могу с истиною засвидетельствовать, что эта благословенная душа излагала тайны своей совести с величайшей простотой, никогда не выказывая склонности к одному решению более, чем к другому. В этом он был полной противоположностью тем людям, которые вопрошают совета лишь для того, чтобы вернее поступить по-своему, и приводят доводы в пользу желаемого ими с гораздо большей живостью, нежели когда говорят о возможностях чего-либо их воле противного.

Более того, наш Бенедикт в этой прекрасной добродетели пошел еще дальше. Из-за великого уважения, которое я к нему питал, я многократно спрашивал его, каково его собственное суждение о тех предметах, о коих шла речь и о коих он ожидал моего решения. Он же всегда отвечал мне так, что давал ясно понять: он не желает быть судьей самому себе, полагая, что сие надлежит мне, и приговаривал еще: «Что могу я знать?»

Смею также заверить, что Бенедикт Иосиф сочетал голубиную простоту со змеиной мудростью, согласно наставлению, которое дает нам Божественный Учитель (1) (ср. Мф. 10:16).

С самого детства, как мы видели, он жил уединенно и никогда не общался с миром. Оттого он сохранил ту же невинность и простоту, какую имел в пятилетнем возрасте. Но чтобы составить об этом верное и полное понятие, нужно было бы слышать весь отчет о его жизни, который он сам мне дал. Столь трудно постичь, как прекрасна была его простота! Когда я размышляю о ней, я не могу не прийти в восхищение.

И тем не менее, его благоразумие не уступало его простоте. Он был человеком, способным не только прекрасно управлять самим собою; по моему мнению, он мог бы править и руководить даже великим множеством людей. Советы его, предостережения и речи были исполнены величайшего благоразумия и рассудительности.

Из всего сказанного доселе мы можем заключить, что благоразумие его было столь же велико, сколь славно сияло его совершенство. Ибо он сумел направить жизнь свою по стезе столь праведной и добродетельной, что она возвела его на вершину высочайших заслуг, что сделало его ныне предметом всеобщего восхищения. И мы можем сказать о нем: *In omnibus viis suis prudenter agebat, & Dominus erat cum eo* («Во всех путях своих он действовал благоразумно, и Господь был с ним»; 1 Цар. 18:14).

ГЛАВА VI. О его справедливости.

Справедливость в широком смысле [т.е. праведность] включает в себе все добродетели, как глаголет величайший учитель св. Иероним: *Omnes virtutis species uno Justitiæ nomine continentur* («Все виды добродетели охватываются одним именем справедливости»; ср. Св. Иероним, *ad Demetr.*). Таким образом, стоит только найти ее, за нею обнаружатся и все прочие добродетели.

Однако, говоря о справедливости в частном смысле, которая разделяется на распределительную и обменную, надлежит принимать во внимание состояние и звание каждого лица, как мудро замечает Бенедикт XIV незабвенной памяти, ибо не все имеют одинаковые возможности упражняться в ней.

Что касается первой [т.е. распределительной] справедливости, состоящей в награждении или наказании по заслугам, то у нашего Слуги Божия не было иного случая проявить ее, кроме как в то время, когда он, будучи еще отроком, назначался учителем замещать его и надзирать за соучениками. Как он вел себя в этой должности, мы уже показали в другом месте, посему нет нужды добавлять здесь лишних слов.

Что же касается второй справедливости, именуемой обменною, о которой говорит ап. Павел в послании к Римлянам: *Reddite ergo omnibus debita, cui tributum tributum, cui vectigal, vectigal, cui timorem timorem, cui honorem, honorem. Nemini quidquam debeatis* («Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничем»; Рим. 13:7-8), — то она осуществлялась нашим Слугой Божиим в высшей степени.

Исполненный благочестия, он всегда воздавал Богу то, что принадлежит Богу, как мы увидим в своем месте; исполненный же любви к ближнему, он не только никогда не наносил ему никакого ущерба ни в благах временных, ни в духовных, но, напротив, старался, как мы видели, помогать ему всяким образом.

Не стану здесь повторять о том крайнем отвращении, которое он питал к тому, чтобы, будучи ребенком, поднять с земли какой-либо плод в саду своего дяди (вопреки обычаю сверстников). Не буду говорить и о том внимании, с каким он следил, дабы получение им милостыни от благодетелей не нанесло — пусть и без его вины — малейшего ущерба другим нищим.

Уже известно, как он становился на последнее место среди них при раздаче похлебки у монастырских ворот, отчего порой оставался ни с чем; или же уделял из своей миски тем, кому досталось меньше, нежели ему.

Я перейду лишь к рассказу о некоторых частных случаях, не столь известных, но весьма достойных упоминания и способных показать, до какой степени доходило его радение о сей добродетели, а также открыть, как далеко простиралась его щепетильность.

Синьора Феличе Ваини, пожилая девица, особа весьма благоразумная и достойная доверия, поведала мне, что однажды, подавая милостыню Слуге Божию, которого хорошо знала, она по ошибке вручила ему монету в два *паоли* вместо половины *байокко*. Едва заметив это и заподозрив ошибку, он тотчас обратился к благодетельнице, указал на оплошность и немедленно вернул монету.

Подобным же образом синьора Мария Антония Ригетти, вдова, выходя из базилики св. Лаврентия в Дамасо, увидела сего бедняка и подала ему полпиастра, полагая, что дает *байокко*. Но Слуга Божий, едва увидев монету, тотчас вернул ее женщине со словами:

— Возьмите, вы, должно быть, ошиблись.

Ради краткости я опущу иные подобные случаи и добавлю лишь те, которые, как я говорил, ясно показывают глубокую деликатность Слуги Божия в такого рода вопросах.

Первейшее значение имеет случай, переданный мне на письме о. Джамбаттистой де Ладзари, достойнейшим священником; я перепишу его здесь его собственными словами.

«В канун Рождества минувшего 1782 года, находясь у портика церкви Свв. Апостолов около 23 часа [по итальянскому счету], я увидел Бенедикта, выходящего из храма. Поприветствовав его, я дал ему мелкую монету, сказав, чтобы он употребил ее на то, чтобы побрить бороду перед праздниками; ибо в торжественные дни даже самые ревностные подвижники являли внешние знаки радости.

На это он ответил, что до Рождества не сделает этого, а после — подстрижет ее ножницами. Опасаясь, что он не хочет принять монету из-за поставленного условия, я, заметив смущение, в которое вверг его, сказал, чтобы он принял ее и употребил так, как сочтет наиболее правильным.

В это самое время подошел о. Джакомо Даниэли, клирик церкви Свв. Апостолов, и также предложил отвести его к своему цирюльнику, чтобы побрить бороду. Не слышав предыдущего разговора, он получил решительный отказ: Бенедикт не захотел принять ни предложения, ни мелкой монеты, которую тот хотел дать как милостыню. Как я полагаю, причина была в сомнении, не дается ли она с условием побриться.

Третьим подошел г-н Пьетро Джансанини. Он также сказал ему, что следует побрить бороду ради великого праздника Рождества, и предложил на это мелкую монету. Но Бенедикт ни за что не соглашался принять ее с таким условием, пока жертвователю не предоставил ему полную свободу поступить с ней, как ему будет угодно».

Ко всему этому добавлю то, что почерпнул из бесед, кои я вел со Слугой Божиим. Он часто отказывался от милостыни только потому, что был убежден, будто не может должным образом воздать благодетелям, уповавшим на его молитвы, кои сам он почитал слабыми и хладными. Отсюда проистекало и то, что ему была столь тягостна просьба: *«Помолитесь обо мне Богу»*.

Сдается мне, что всего сказанного более чем достаточно, дабы дать понять, сколь велика была любовь Бенедикта Иосифа к добродетели справедливости.

Еще лучше уразумеет это благочестивый читатель, если хоть немного поразмыслит о его великой отрешенности от всех земных вещей, которая отчетливо проявлялась во всем течении его жизни.

Ибо, как пишет св. Лаврентий Джустиниани: *«Душа добровольного бедняка сияет, как светлый жемчуг, цветет, как роза, благоухает, как лилия. Она свободна от страха перед молью, ворами, ржавчиной, что истребляет, и от забот о делах житейских; но пребывает на земле, подобно ангелу небесному»*.

Богословы вместе со св. Фомой относят к справедливости послушание, как ее потенциальную часть. Добродетель сия, по слову св. Бернарда, есть *«та единственная, которая насаждает в душе прочие добродетели и, насадив, охраняет их»*.

Сколь возвысился в ней Слуга Божий, ясно показывают свидетельства его родителей, приходских священников и учителей, которые нет нужды повторять здесь. Из них явствует, что он, отвергнув собственную волю, всегда старался повиноваться быстро, точно и охотно.

Пока он жил в приюте для бедных, он безупречно исполнял правило, обязующее возвращаться вечером в предписанный час и в точности соблюдать порядок и правила сего богоугодного места, как о том свидетельствуют смотритель и нищие, его товарищи.

Не стану я повторять и [свидетельства] о его совершенном подчинении и послушании духовнику; довольно вспомнить то, что мы говорили в другом месте, и особенно в предыдущей главе.

Лишь один пример, который я здесь приведу как мерило этой его добродетели, чудесным образом послужит к вящему ее прославлению.

Из-за удивительной любви к святому подвижничеству Бенедикт Иосиф питал крайнее отвращение к любым изыскам в еде и питье; посему никогда не случалось, чтобы он позволил себе отведать мясной пищи или хотя бы капли вина.

И все же одна только сила послушания смогла победить в нем силу этой любви [к воздержанию], ибо он знал, что *послушание лучшие жертвы* (ср. 1 Цар. 15:22).

Однажды, находясь в Лорето, он был приведен о. Гаспаре Валери в сельский дом, дабы подыскать ему какое-нибудь убежище на ночь — в хлеву или хотя бы в пекарне. Добрый крестьянин принес вина, чтобы напоить их обоих, но Слуга Божий учтиво отказался.

Тогда упомянутый о. Валери, обернувшись к нему, сказал:

— Ну же, Бенедикт, выпейте сие ради послушания.

И тотчас Слуга Божий выпил, не выказав ни малейшего отвращения.

Сей священник добавляет в своем свидетельстве, что не было иного случая, когда Бенедикт, побуждаемый воздержанием и умерщвлением плоти, согласился бы вкушать вина или в чем-то ином отступить от своей обычной строгости, кроме как ради послушания.

Истинные ценители добродетели найдут в этом поведении предмет для восхищения, а многие возвышенные души — повод к исправлению, убедившись, что добродетель послушания, которая ради Бога пренебрегает собственной волей, более достойна хвалы, нежели прочие нравственные добродетели, кои пренебрегают ради Него лишь некоторыми иными благами, как учит Аквинат (Св. Фома, II-II, q. 104, a. 3).

ГЛАВА VII. О его крепости.

Добродетель крепости, которая, согласно Ангельскому доктору Аквинату, проявляется в том, чтобы предпринимать дела трудные и претерпевать обстоятельства суровые (S. Theol. 2.2. q. 128, a. 1), состоит из различных неотъемлемых частей, как отмечает бессмертной памяти Бенедикт XIV в своем золотом труде о канонизации святых (Lib. 3, cap. 24, N. 30.)

А части ее суть: упование, коим дух обретает готовность приступить к делам трудным и сносить суровые; величие души, относящееся к точному исполнению того, что предпринято с упованием; терпение, благодаря которому дух не бывает побежден печалью и не утрачивает своего величия; и, наконец, постоянство, то есть продолжение дела до его завершения и конца.

Сказанного доселе было бы довольно, дабы подтвердить, каким героем добродетели крепости во всех ее проявлениях неизменно являлся Бенедикт Иосиф Лабр. Но поскольку добродетель сия может воссиять еще ярче, если рассмотреть ее подробно в каждой из названных ее частей, я опишу здесь их проявления по порядку с возможной краткостью и точностью, сопроводив некоторыми частными размышлениями.

Итак, что касается первой части, то есть упования и духовной решимости, Слуга Божий с самого детства поставил себе высокую цель: достигнуть высшей степени самоотречения, то есть ежедневно нести любой крест, какой угодно будет возложить на него Господу, и следовать за Ним постоянно до самой смерти, согласно призыву, возглашенному Им в Святом Евангелии: *Qui vult venire post me, abneget semetipsum, tollat Crucem suam quotidie, & sequatur me* («Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и берет крест свой каждый день, и следуй за Мною»; Вулг. Лк. 9:23).

За сим самоотречением, которое нашему самолюбию представляется делом невероятной трудности, следует подражание Христу. Оно являет тем большее совершенство, чем более наша хрупкая человеческая природа склонна устрашаться, в особенности когда к сему прибавляются бесчисленные великие препятствия и противодействия всякого рода: от ада, от мира, от плоти и крови.

И тем не менее он, преисполненный упования, не падал духом, но выказывал готовность предпринять все [необходимые усилия] и вытерпеть что угодно ради любви к Иисусу.

Дабы не пускаться в бесполезные повторения, достаточно лишь мысленно окинуть единым взором всё вышесказанное, чтобы уразуметь, какое упование и мужество духа для сего

требовались. Тогда станет ясно, что к нашему Слуге Божию вполне приложима похвала, возданная Святым Духом мужу праведному: *Justus quasi Leo confidens absque terrore erit* («Праведник, как лев дерзновенный, будет без страха; ср. Вульг. Притч. 28:1).

Что же касается величия души, являемого в свершении предпринятого, то наш Слуга Божий довел свои многотрудные замыслы до конца с совершенной точностью и без малейшего изъяна. Он помышлял вести жизнь суровую, уничтоженную и бедную в самом строгом монастыре. Многократно пытался он исполнить сей замысел, но врата обители, к вящему его благу, оказались для него затворены.

И тем не менее он совершил то, что задумал, причем еще совершеннее. Нет в мире монастыря, где жили бы в такой суровости, в таком уничтожении и в такой нищете, как жил он.

О. аббат обители Сет-Фон, сопоставляя, с одной стороны, строгость Устава, соблюдаемого у них (о котором он дает точный отчет в своем письме, доказывая, что он суровее устава Ла-Трапп), а с другой — жизнь, которую вел в Риме Слуга Божий, говорит так:

«Судя по внешним проявлениям, он жил в Риме суровее, чем живут у нас».

И это очевидно во всех отношениях, будь то пища и одежда, будь то жилище, будь то подвиги покаяния, которые обычно практикуются в любом ордене.

Терпение — часть крепости, отнюдь не уступающая прочим в превосходстве, о которой написано: *«имеет совершенное действие»* (Иак. 1:4), и которая даже превышает знамений и чудес, как писал св. Григорий Великий (*Dial.*, lib. 1, cap. 2) (посему Святой Дух ставит терпеливого выше любого храброго завоевателя городов (ср. Притч. 16:32), — было в нашем Слуге Божиим поистине чудесным.

Жизнь его была непрерывной чередой страданий всякого рода: голод, жажда, нагота, холод, зной; насекомые, что пожирали его заживо; поругания, насмешки, издевательства, поношения, недуги, побои...

Одним словом, непрерывная череда невзгод, будь то кратковременных или долгих, малых или великих, никогда не изменяла его духа, и никто никогда не видел его лицо омраченным.

Но посреди стольких мучительных испытаний он оставался всегда ровным, всегда веселым и радостным и мог сказать вместе с Апостолом: *Repletus sum consolatione, superabundo gaudio in omni tribulatione nostra* («Я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей»; 2 Кор. 7:4).

Рим стал свидетелем множества таких испытаний, которые он непрестанно и радостно переносил; есть много очевидцев, видевших его униженным, осмеянным и битым. Но никому не довелось заметить в нем ни малейшего проявления нетерпения. Напротив, всякий, кто знал его и общался с ним, не мог не восхищаться тем, сколь довольным он казался в своих лохмотьях, посреди множества невзгод и поношений.

В особенности же достойно восхищения то, как сей мужественный человек выставлял щит терпения стрелам слов: внимая им, он воспринимал их так, словно они были сказаны не против него. *Vir fortis patientiae sensum verborum telis opposuit, & ea perinde ac si nihil audiens, non audivit* («Муж твердый противопоставил чувство терпения стрелам слов и, словно ничего не слыша, не внимал им»; св. Петр Дамиан, *Serm. 4 de S. Severo*).

Что до меня, то я всегда, с первого дня нашего знакомства и до самого конца, видел на его челе ту же радость, хотя лик его стал походить более на лик мертвеца, нежели живого человека.

Более того, никогда прежде я не находил его столь преисполненным внутренней радости, как в тот последний раз, когда от изнеможения он едва мог стоять на ногах. Так подражал он ап. Павлу, который говорил: *Placeo mihi in infirmitatibus meis... pro Christo* («Благодушествую в немощах моих... за Христа»; 2 Кор. 12:10). Ибо немощи его служили лишь к тому, чтобы сделать его крепче: *Cum infirmior potens sum* («Когда я немощен, тогда силен»; там же).

Так подтвердилось на нем изречение св. Бернарда: *In infirmis infirmitas robur spiritui auget, & subministrat vires* («В немощных немощь приумножает крепость духа и доставляет силы»; *Serm. 29 super Cantic.*).

И все же, подобно тому как внутренние муки Господа нашего превзошли телесные муки креста, на коем Он был распят, так и скорби сего верного Слуги (которого Бог предопределил быть подобным образу Сына Своего) превосходили внешние мучения. Причем настолько, что приковывали к себе все мое внимание, так что я мало или вовсе не помышлял о его внешнем виде, который у всех прочих вызывал сострадание и изумление.

Так что мы можем заключить о нашем Бенедикте Иосифе то же, что св. Петр Дамиан заключил о св. Анастасии: *Quid in his omnibus, nisi majestas invicta patientiae claruit?* («Что во всем этом просияло, если не непобедимое величие терпения?»; *Serm. 3 de S. Anast.*).

Но нет более убедительного доказательства добродетели крепости, нежели героическое постоянство в упражнении во всех добродетелях. Именно оно венчает все прочие; ибо, как глаголет превосходный наставник: «Добродетель доброго делания есть постоянство: ей одной воздается венец правды. Ибо что пользы быть добрым, быть мудрым, быть сильным, если не пребудешь таковым до конца?» (Auctor serm. de Passione Domini cap. 14. apud S. Bernardum; S. Thom. 2. 2. q. 137. art. 2.).

Неутомимый дух Бенедикта Иосифа не только никогда не ослабевал в начатом делании, но с годами становился все тверже, крепче и пламеннее. Те самые добродетели, которые он начал взращивать еще отроком, он непрестанно являл на деле, невзирая на множество трудностей, встречавшихся ему на каждом шагу.

Умалчивая о прочих доказательствах, укажу лишь на то, что в последний год, уже будучи немощен и падая с ног, он не давал своему телу ни малейшего послабления. Он постился и соблюдал ограничения Четырехдесятницы со всей строгостью, довольствуясь лишь малым количеством похлебки, которую к тому же принимал не каждый день, и не вкушая ничего иного; пребывал неподвижным в молитве — одним словом, он не только не умалял суровости своей жизни, но даже увеличивал ее. И по мере того, как возрастала немощь плоти, многократно возрастала крепость его духа.

Полагаю, что даже если бы за все время своей жизни он не совершил и не выстрадал ради Иисуса Христа ничего иного, кроме того, что претерпел и совершил в этот последний год своего смертного бытия, одного этого (чему я сам был свидетелем) было бы достаточно для доказательства, что он — великий герой и истинное чудо добродетели.

Столь далек он был от того, чтобы замедлить шаг на пути добродетели, избранном еще в детстве, что упал наконец, истощенный и истаявший от мучений, которые от самого отчего дома и до последних мгновений жизни держали его пригвожденным ко Кресту Иисуса Христа. И он не покинул сего поприща, покуда не был уведен под руки чужими людьми при приближении смертной агонии. Так что ему оставалось лишь произнести вместе с

Апостолом: *Bonum certamen certavi, cursum consummavi, Fidem servavi. De reliquo reposita est mihi corona justitiae* («Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды»; 2 Тим. 4:7-8).

ГЛАВА VIII. О его умеренности.

Добродетель умеренности, которую Ангельский учитель Аквинат (II-II, q. 141, a. 7) почитает одной из главных среди кардинальных добродетелей как по ее необходимости, так и по достоинству, пользуется добродетелью крепости (о коей мы говорили доселе) как средством для подавления страстей (Св. Лаврентий Юстиниани, *de Casto Connub.*, с. 13), ибо добродетель сия, как глаголет св. Августин, состоит в твердом и упорядоченном господстве разума над ними (*Lib. 83 quaest.*). Части ее суть: воздержание, трезвение, целомудрие и смирение. Здесь мы будем говорить о двух первых, а о прочих — в двух отдельных главах.

Что касается воздержания, обуздывающего услаждение яствами, и трезвения, коим сдерживается услаждение питием, то эти две части христианской умеренности достигли в нашем Слуге Божиим высшего предела.

Блаженный с самого нежного возраста, он никогда ни в чем малом не погрешил против них, что на практике весьма трудно, ибо даже великий отец св. Августин, описывая затруднения, которые сам испытывал при этом, вопиял к Господу: *Quis est Domine, qui non rapiatur aliquantulum extra metas necessitatis?* («Кто есть, Господи, кто не увлекался бы хоть немного за пределы необходимого? Кто бы он ни был, велик он; да возвеличит он имя Твое»; Испов. 10:31) Мало того, он всегда держался дивного правила: принимать пищи и питья лишь столько, сколько довольно, чтобы удержать себя от смерти, но отнюдь не от голода. Посему к нему вполне можно отнести то, что св. Иероним писал о деве Аселле: *Jejunium pro ludo habuit, inediam pro refectioe* («Пост был для нее утехой, а голод — подкреплением»; Писм. 24).

Не стану повторять здесь, какую умеренность он хранил во Франции, ибо сие нам еще не вполне известно. Остановимся на Риме.

Самая роскошная трапеза его ограничивалась одной лишь похлебкой и куском хлеба, а питием служила вода, которую он черпал из ближайшего фонтана. Но и касательно этого его столь скудного пропитания нам надлежит сделать значительную оговорку и уточнить многое.

И, во-первых, надлежит знать, что Слуга Божий вкушал не всякую похлебку и принимал ее не от каждого. Вплоть до минувшего года он налагал на себя и соблюдал различные обеты, отказываясь то от одного, то от другого вида похлебки (принимая, вероятно, лишь самые неприглядные из тех, что подают нищим), и не позволял себе никакой иной пищи, за исключением случаев болезни.

Эти обеты он умножил настолько, что я уж и не знаю, какая похлебка оставалась для него разрешенной; несомненно, таковая попадалась весьма редко.

Посему я почел за благо обязать его есть пищу любого рода; и он, будучи столь же послушен, сколь воздержан и аскетичен, повиновался все время, пока находился под моим руководством.

Упаси Боже, чтобы он когда-либо подошел за похлебкой, имея хоть малейшее подозрение, что она полностью или отчасти скоромная в те дни, когда Святая Церковь запрещает подобную пищу. Если кто из знакомых и побуждал его пойти за нею, он отказывался, говоря, что похлебка, которую подают в таком-то месте, возможно, содержит примесь жира. Ибо он, как нищий добровольный, рассуждал так: если сие и дозволительно другим нуждающимся, то ему — нет; и потому никогда на это не соглашался.

Не стану говорить о канунах и постах, установленных Святой Церковью. В сем он поставил себе образцом древних христиан, которые довольствовались лишь одной трапезой. И это правило он соблюдал вплоть до последней своей Четырехдесятницы, хотя и дошел к тому от болезни до крайнего истощения, как мы яснее увидим в свое время.

Я был поражен до глубины души, когда мне довелось подержать в руках ту самую миску, в которую ему наливали похлебку. Разбитая, лишенная доброй трети края — ее невозможно было наполнить. Более того, расколота надвое и кое-как сшитая железной проволокой, она стала вовсе непригодной для удержания бульона или какой-либо иной жидкости. Из этого всякий может увидеть, сколь мала была мера и количество того скудного подкрепления, которое он принимал.

К сему добавьте, что он становился последним, пропуская вперед всех прочих нищих, чтобы получить упомянутую похлебку. Оттого случалось порой, что, пока ее раздавали другим, для него уже ничего не оставалось.

Однажды, однако, случилось так, что мирянин, приставленный к раздаче этой милостыни, движимый состраданием к столь смиренному и скромному бедняку, видя, что раздавать больше нечего, принес ему похлебку особо. Слуга Божий принял ее, исполненный смущения. Но с того дня он никогда более не появлялся в том месте, избегая подобного утешения.

Более того, он принимал похлебку отнюдь не каждый день недели, соблюдая более строгий пост в определенные дни, такие как среда, пятница, суббота и в кануны. В эти дни, насколько стало известно, он шел к какому-нибудь фонтану и там подкреплялся в поздний час малой толикой хлеба, размоченного в воде.

Даже если Слуге Божию случалось находиться в пути или, уступая чьей-либо настойчивости, принимать пищу в чьем-то доме, он никогда не преступал границ — не говорю уж благопристойности, но даже того воздержания и трезвения, которые сам себе предписал.

За многие годы, истекшие с тех пор, как он пришел из Франции в нашу Италию, он чрезвычайно редко (и то побуждаемый чужим милосердием) решался пригубить вина; насколько мне удалось узнать, такое случалось едва ли хоть раз в год.

Мы уже упоминали в другом месте о том, что произошло в Фабриано. Здесь же добавлю, что пишет в своем отчете о. Марио Паджетти, настоятель кафедрального собора того города:

«Пятнадцать ночей провел он в сем странноприимном доме, однако, как поведал мне ризничий, под чьим присмотром он находился, ни разу не возлег на постель. Отказался он принять от нас также пищу и питье, невзирая на мои старания. Ризничему он сказал, что беднякам должно выпрашивать лишь то, что необходимо для поддержания сей убогой плоти (*corpaccio*), и что он довольствуется уже тем милосердием, что ему дали кров».

В бытность свою в Лорето (вплоть до 1780 года), блаженный, проводя целые дни в молитве во храме, вечером довольствовался лишь листьями салата, капусты и тому подобными остатками, выброшенными из окон — он подбирал их на улице. Сие явствует из достоверных сведений, собранных в том городе по приказу монсеньора епископа. Но об этом уместнее будет поговорить в другом месте.

Если же в последние годы он ради послушания и разнообразил пищу в том Святом Граде, то принимал лишь жалкие остатки; из чего ясно видно, в какой степени Слуга Божий обладал добродетелями воздержания и трезвения.

Однако он не довольствовался даже столь низкой, жалкой и скудной пищей. Он умерщвлял свою гортань и вкус таким образом, что это поистине внушает ужас.

Я опущу рассказ о других способах, коими он вызывал отвращение у своего нёба, и опишу лишь один случай, из которого можно заключить, сколь суров и жесток он был к самому себе в этом отношении.

Однажды Слуга Божий вошел во двор палатцо, где обитает монсеньор делла Порта. Повар выбросил из кухни в кучу отбросов остатки похлебки — оскребки со дна котла.

Бенедикт сперва хорошенько осмотрелся вокруг, чтобы увериться, что никто его не видит, а затем, преклонив колени, принялся есть эти объедки. Повар и буфетчик, которые скрытно наблюдали за ним из окна, застыли в изумлении от такого поступка.

Вот до каких пределов простерлась умеренность человека, рожденного в достойной семье, воспитанного во всяком благоприличии и чистоте и щедро наделенного Богом земными благами, каковым был Бенедикт Иосиф Лабр.

И не заслуживает ли он посему похвалы, которую великий Назианзин воздал великому Василию?

Quis unquam tanta inedia fuit, pene etiam dixerim, quis tam carnis expers? («Кто когда-либо ел так мало, чтобы не сказать: кто был столь бесплотен?»); *Orat. 20*).

ГЛАВА IX. О его незапятнанном целомудрии.

Целомудрие есть та добродетель, благодаря которой человек, хотя и состоящий из тленной плоти, становится подобен ангелам (ср. Мф. 22:30), а по мнению Златоуста, в некотором отношении даже превосходящим их.

Согласно наблюдению Назианзина, целомудрие ведет происхождение от Пресвятой Троицы (*Carm. de Virginit.*), являющейся ее первообразом; от Нее оно низошло в Деву, в чьем лоне образовалось то *vinum germinans Virgines* («вино, рождающее дев»; ср. Вульг. Зах. 9:17).

Наш Слуга Божий, ревностный почитатель Иисуса и Девы, Матери Его, столь тщательно оберегал сию добродетель и с такой осторожностью хранил ее незапятнанной, что, казалось, превзойти его в этом невозможно.

Сей прекрасный крин расцвел в нем с самого нежного младенчества, и уже тогда было видно, что Дух Господень бодрствует, охраняя чистоту и непорочность его членов.

Родители его свидетельствуют, что никогда не могли усмотреть в сем благословенном сыне ни малейшего признака неблагочиния или непристойности.

Он был столь осмотрителен даже в том возрасте, которому свойственно безрассудство, что никогда не допускал — даже в детских играх — ни единого дурашливого слова или нескромного жеста.

С годами сей дивный цвет распускался в нем все пышнее, как явствует из свидетельств наставников и соучеников, знавших его вплоть до двадцати одного года, когда он навсегда покинул отечество, дабы в монастырской обители всецело — и духом, и телом — посвятить себя Богу.

И хотя сей благочестивый замысел не увенчался успехом, это ничуть не умалило в нем той несравненной любви, с которой он возрастал в добродетели целомудрия; напротив, он еще более утвердился в святом намерении хранить девство до самой смерти, что ему и удалось исполнить.

Не описать словами, какой ужас он неизменно чувствовал ко всему, что могло бы запятнать эту прекрасную добродетель. С самых ранних лет он весьма дичился женщин и хранил это чувство всегда, тщательно избегая всякого общения и сближения с ними; до такой степени, что, как я доподлинно знаю, за всю свою жизнь он редко даже заговорил с женщиной и никогда не склонялся к беседам с особами противоположного пола, если только его не принуждала к тому крайняя необходимость или чувство милосердия.

В подтверждение сего мы имеем более чем достаточное доказательство в показаниях о. Дю Фура, кюре в Анши-о-Буа, бывшего учителем Слуги Божия, в которых читаем следующее:

«В Бенедикте Иосифе замечали такую отчужденность от женского пола, доходившую до щепетильности, что это было хорошо известно его соученикам. Ибо когда сей господин кюре вошел однажды к нему, то увидел, как товарищи силой понуждают его пошутить с одной пожилой девицей, служившей у кюре. Но видел он также, как Бенедикт Иосиф, воспротивившись им изо всех сил, почти в тот же миг бросился прочь».

Не меньшей была его сдержанность и в общении с мужчинами, особенно с юношами. Об этом мы также имеем верное свидетельство в отчете о жизни Слуги Божия в Эрене, составленном нынешним кюре после опроса многих свидетелей. Среди прочего, что там говорится в похвалу Слуге Божию, касательно нашего предмета утверждается следующее:

«Все ответили и с полной уверенностью заверили меня, что всегда видели в нем образец величайшего благоразумия и примерного поведения; и что он сурово порицал их, стоило ему заметить в их поступках или речах нечто неблагочинное, противное приличию или заповедям Божиим».

Прекрасный пример для подражания юношам, которые, к несчастью, позволяют товарищам совратить себя из-за низкого человекоугодия!

Неизменным оставалось его житие как во все время пребывания в Риме, так и в паломничествах. Он любил уединяться и ходить в одиночестве, насколько это было возможно, именно для того, чтобы не слышать слов, оскорбляющих святую скромность и чистоту.

Его правилом было никогда не принимать приюта там, где он усматривал малейшую тень опасности для этой прекрасной добродетели.

Посему в Лорето он предпочитал ночевать, возлегши на твердом мраморе под открытым небом близ церковных врат, нежели искать крова в чужих домах в окрестных селениях, как это обычно делают другие нищие.

И в самом деле, о. Гаспаре Валери, указав ему на пример других, дабы побудить его поступить так же, и на опасность, которой он подвергается, почивая на камне, сам вызвался подыскать ему какой-нибудь кров в крестьянском доме. Но Слуга Божий согласился лишь при условии, что там не будет женщин и посторонних, как рассказывает упомянутый священник.

По той же причине в последние годы жизни он охотно укрывался в уже упоминавшемся приюте, как свидетельствует г-н Паоло Манчини, ибо там строго следят, дабы нищие не произносили неподобающих слов под страхом изгнания.

Если же ему случалось услышать подобные речи на улице, он приходил в крайний ужас, о чем я сам многократно слышал от него.

Так, Франческо Дзаккарелли, бывший тому очевидцем, утверждает, что однажды, идя по улице, Слуга Божий услышал, как некая девица поет мирскую и непристойную песню. Он пришел в величайшее смятение и не удержался от того, чтобы сделать ей строгое внушение, после чего кротко постарался убедить ее читать *Pater noster* («Отче наш») вместо пения подобных песен.

Нелегко пересказать те святые ухищрения и предосторожности, к коим он всегда прибегал, дабы сохранить нетронутым прекрасный крин своего целомудрия.

Во-первых, он всегда держался подальше от любой опасности, сколь бы неопределенной она ни была, и неизменно предпочитал уединение, будучи твердо убежден в истинности слов Святого Духа, что в такого рода битве, которую мы ведем с нашей плотью, победы не стоит ждать никому, кроме беглеца: *Salvabuntur, qui fugerint ex eis: & erunt in montibus quasi columbae convallium omnes trepidi* («Спасутся те из них, которые убегут, и будут на горах, как голуби долин, все они будут трепетать»); ср. Вульг. Иез. 7:16).

Посему он никогда не полагался на свои силы, но, подобно робкой голубке, всегда страшился какой-либо беды. И не только удалялся [от опасности] сколько мог, но и углублялся в свое смирение, когда опасался какого-либо нападения, пусть даже издали, памятуя, что сей цветок любит расти в глубоких долинах, отчего и зовется *lilium convallium* («лилия долин»); ср. Песн. 2:1).

И поскольку этот самый цветок не растет и не сохраняется иначе, как среди терний, почему и сказано также: *Lilium inter spinas* («Лилия между тернами»); ср. Песн. 2:2), он всегда заботился о том, чтобы наказывать и умерщвлять свое тело, подобно ап. Павлу, и поработать его: *In multa patientia, in tribulationibus, in angustiis, in plagis, in vigiliis* и т.д. («В великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в ранах, в бдениях»; 2 Кор. 6:4-5), как будет подробнее показано в своем месте.

Не довольствуясь всем этим, Слуга Божий, хорошо зная, что сему прекрасному цветку грозят истреблением скоты полевые, всегда был неусыпным стражем чувств своих, исполняя то, что столь часто внушается нам в Божественном Писании.

Оно говорит нам, что *смерть души входит через окна* (ср. Иер. 9:21), и потому дает совет: *Oculi tui recta videant, & palpebrae tuae praecedant gressus tuos* («Глаза твои пусть смотрят прямо, и ресницы твои упреждают шаги твои»; Вульг. Притч. 4:25). Оно повелевает нам оградить уши свои терновою изгородию: *Sepi aures tuas spinis* («Огороди уши твои терновником»; Сир. 28:28). Оно повторяет нам держать двери уст своих запертыми на многие запоры: *Ori tuo facito ostia & seras* («Сделай дверям уст твоих запоры и замки»; ср. Сир. 28:29).

Посему он всегда был бдительнейшим исполнителем этих наставлений. Храня почти непрерывное молчание, он отверзал уста лишь для слов святых и назидательных, как единодушно утверждают свидетели, имевшие счастье беседовать с ним. Истинность сего столь общеизвестна, что нет нужды добавлять к этому лишние слова.

Что же касается скромности взора, то в ней он достиг совершенства, превзойти которое невозможно. В церквях, где он проводил большую часть жизни, глаза его обыкновенно были полузакрыты, словно в экстазе, или же вовсе сомкнуты.

По улицам он всегда ходил с опущенным взором, так что не замечал даже тех, кто шел ему навстречу или желал с ним заговорить. Чтобы он заметил присутствие человека, желавшего к нему обратиться, нужно было приблизиться и тронуть его, как это случилось с о. Джанбаттистой де Ладзари, его доброжелателем.

Наконец, в подтверждение той осторожности, с какой он относился к хранению своего тела, следует знать, что Бенедикт Иосиф терпел невыносимую муку от бесчисленного множества кусачих насекомых, которые непрестанно терзали его день и ночь. Терпел же он это единственно ради соблюдения благопристойности, дабы никогда не обнажать и не рассматривать своего тела, а также не оскорблять взора тех, кто мог бы его увидеть. Все это я узнал от него самого.

Следствием той же сдержанности была его привычка держать руки закрытыми: он либо скрещивал их на груди, пряча под мышки, либо прятал в рукавах плаща (*cappotto*). Плащ этот, хоть и изодранный до крайности, полностью покрывал его почти до самых ступней.

Посему неудивительно, что все, кому выпадала удача видеть его хотя бы единожды, согласно повторяют, что тотчас проникались к нему уважением и составляли о нем понятие как о святом муже.

Столь велико было его благочиние и скромность, что даже во внешнем облике проступала красота этой чистой души. Мы с полным правом можем приложить к нему то, что св. Бернارد написал об одном святом: «*Нрав его и жизнь его достаточно указывали на чистоту внутреннего человека*».

Он всегда умел держать себя с таким неизменным благочинием и скромностью, что во всем его поведении не обнаруживалось решительно ничего, способного оскорбить взор.

Впрочем, никакого человеческого тщания недостаточно для того, кто носит столь драгоценное сокровище в скудельном сосуде; ибо написано: *Nisi Dominus custodierit civitatem, frustra vigilat qui custodit eam* («Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует стерегущий его»; Вульг. Пс. 126:1).

Если небесная роса не орошает сей прекрасный крин, он быстро увядает и иссыхает. Посему для стяжания сей благодати потребна непрестанная молитва, о чем глаголет Соломон: *Ut scivi quoniam aliter non possem esse continens, nisi Deus det... adii Dominum, & deprecatus sum illum* («Познав же, что не могу быть воздержным иначе, как если Бог даст... я обратился к Господу и молился Ему»; ср. Вульг. Прем. 8:21).

Посему наш Бенедикт Иосиф просиял в добродетели целомудрия столь же ярко, сколь и в подвиге непрестанной молитвы, ибо в ней обретал он необходимое средство для сохранения чистоты.

Из чего мы можем заключить, что он жил, подобно святому ангелу во плоти смертной, никогда не прикасаясь к чувственным наслаждениям, но всецело погрузившись в сладостную беседу с тем Богом, Который *пасет между лилиями* (ср. Песн. 2:16).

ГЛАВА X. О его глубоком смирении.

Чистосердечно признаюсь, что испытываю немалое смущение, берясь за перо, дабы набросать очерк — пусть грубый и несовершенный — смирения Бенедикта Иосифа Лабра. Оно было у него столь глубоким, что нет меры, коею можно было бы его измерить.

Я вижу, что предмет сей превышает мои силы, и ясно сознаю, что не смогу изобразить сию добродетель столь же ясно, как я созерцал ее в этой великой душе, предназначенной Богом для посрамления гордыни века сего. Тем не менее, чтобы дать о том хоть какое-то понятие, я начну рассказ с внутреннего устройства нашего святого, где эта добродетель пустила свои глубокие корни.

Как мы уже говорили в другом месте, Бенедикт Иосиф поставил себе целью стать образом нашего Божественного Учителя, Который смирил Себя даже до позорной смерти крестной (ср. Флп. 2:8), заповедав каждому из Своих последователей: *Discite a me quia mitis sum, & humilis corde* («Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»; Мф. 11:29).

Посему, следуя наставлению св. Августина, он помыслил утвердить основание смирения настолько глубоко, насколько высоко намеревался воздвигнуть громаду здания своего совершенства.

Начал он с разума, ибо смирение ума состоит в двух вещах: в скромности или сдержанности [суждений], и в низком понятии, которое человек составляет о самом себе. Вещь эта весьма трудная и противная нашей горделивой природе, хотя человек есть лишь пепел и прах.

Посему Слуга Божий прежде всего выказал себя в высшей степени покорным разумом, согласно учению Святого Духа: *Ne innitaris prudentiae tuae* («Не полагайся на разум твой»; Притч. 3:5).

Все, кому выпала удача общаться с Бенедиктом Иосифом, были поражены его величайшей покорностью и никогда не замечали в нем ни малейшей привязанности к собственному суждению и мнению.

Что до меня, то могу по праву засвидетельствовать, что я получил от него величайшие доказательства этого прекрасного качества, каких только можно пожелать от совершенной души.

Он так мало ценил свои помыслы и чувства, что никогда не высказывал их; если же когда-либо, движимый добродетелью (особенно послушанием), он их и открывал, то говорил о них так, словно они достойны порицания, или, по крайней мере, показывая, что ни во что их не ставит.

Достаточно было одного слова того, кто был для него вместо Бога, чтобы заставить его тотчас переменить чувство и мнение. Он никогда не ставил себя судьей ни себе самому, ни своим делам, но просто излагал все и подчинял суждению духовника.

Кроме того, прося духовного наставления и совета, он был в высшей степени осторожен, дабы сохранять состояние *безразличия* (т.е. святого равнодушия к своей воле), никогда не склоняясь к одному решению более, чем к другому.

Так он избегал того подводного камня, о который нередко разбиваются даже души, стремящиеся к совершенству, и о котором нас предостерегает св. Бернард, говоря:

«Всякий, кто явно или тайно домогается того, чтобы духовный отец предписал ему то, чего желает его собственная воля, — тот обольщает сам себя, если льстит себе мыслью, будто он послушен. Ибо в сем случае не он повинуется наставнику, но, скорее, наставник повинуется ему» (*Serm. de tribus ordinib. eccl.*)

Второе же, что составляет смирение ума, есть уничижительное понятие о себе и полное отсутствие всякого к себе почтения; и сие не менее трудно, нежели первое (о чем мы говорили), а, быть может, и еще тяжелее.

Сие уничижительное мнение о себе обретается не иначе, как через ясное познание Высшего Существа — Бога, Верховного Блага, от Которого исходит всякое бытие и всякое совершенство, — и через совершенное познание самого себя: своего ничтожества, низости, убожества и немощи.

Отсюда происходит то, что человек, истинно смиренный сердцем, воздает Богу, что принадлежит Богу (то есть всякое благо, которое в нас обретается), а себе приписывает то, что есть его собственное (то есть всякое зло, которое в нас находится).

И сие зло никогда не отсутствует, даже в самых совершенных душах (более или менее, соразмерно их совершенству), ибо написано: *«Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас»* (ср. 1 Ин. 1:8).

Посему таковые души в отношении блага почитают себя обремененными долгом неблагодарности, который надлежит возместить Богу верным сообразованием благодати, к чему они чувствуют себя неспособными по собственным силам. Сверх того, в самом добре они усматривают несовершенства, примешанные к нему от своего «я».

Что же касается зла, то даже из-за одного легкого греха они почитают себя способными совершить любой другой, а потому видят себя грешниками, недостойными даже стоять пред лицом Бога, Который *и в ангелах Своих усматривает недостатки* (ср. Иов 4:18).

У Бенедикта Иосифа сие познание Бога и самого себя достигло величайшей ясности, ибо он стяжал его непрестанным размышлением о величии и совершенстве Творца и о собственной низости. Оттого он питал высочайшее благоговение к Богу, о себе же был мнения самого низкого.

Поистине изумительно: за всю жизнь его ни разу не посетила даже тень мысли о том, что есть в нем нечто доброе. Он неизменно верил и исповедовал, что является величайшим грешником и — как сам он выражался — чудовищем неблагодарности пред Богом.

На всем протяжении жизни Слуги Божия мы обретаем непрестанные свидетельства того глубочайшего смирения, которое он неизменно хранил в сердце. Ибо именно из сей добродетели проистекало то стремление скрыться, которое было ему свойственно.

Отсюда же происходил тот ненасытный дух покаяния, который был присущ ему с детства; то рвение, которое побуждало его в течение многих лет искать затвора в одной из самых уединенных обителей; то суровое обращение с самим собою, коим он всегда старался унижить себя и в итоге дошел до того отталкивающего состояния, в каком мы видели его здесь, в Риме, вплоть до самой смерти.

Отсюда же — тот ужас, который заставлял его содрогаться, когда он слышал какое-либо слово похвалы или замечал какой-либо знак уважения к себе.

Наконец, отсюда проистекала та сокровенная и непроницаемая тайна, которой он умел покрывать все, что могло бы снискать ему добрую славу, и то старание, с которым он стремился прослыть бесполезным бродягой, лицемером, невеждой, безумцем и грешником.

Невозможно, ввиду их великого множества, привести здесь все частные случаи, подтверждающие низкое мнение, которое он имел о себе самом.

Многие из них уже были упомянуты в ходе сего повествования; здесь же я приведу лишь несколько других, единственно для того, чтобы пролить новый свет на уже сказанное. Они будут касаться скорее его слов, нежели поступков, ибо слова яснее открывают внутреннего человека.

Он порицал себя с такой строгостью, что всякий, кто не имел о нем иных сведений и не был просвещен особым светом от Бога, неизбежно принимал его за того, кем он сам себя считал и кем всерьез старался казаться.

И в самом деле, когда он впервые предстал передо мною, прося выслушать его генеральную исповедь, он столь живыми красками и с таким искусством изобразил себя закоренелым грешником, что я, признаться, поначалу принял его за такового. Я даже начал опасаться, что потрачу на него время впустую, без какой-либо пользы. Хотя он и заметил это (как я уже говорил в другом месте), но сумел рассеять мои опасения, добавив всего несколько слов. Итак, полагая, что мне предстоит иметь дело с душой, нуждающейся в помощи и ревностно стремящейся к исправлению, я в назначенный день вошел в исповедальню, дабы выслушать его.

Но едва он перешел к частностям, как Господь тотчас дал мне уразуметь, что то был язык праведников: *Justus prior est accusator sui* («Праведник сам себя обвиняет первым»; Вульг. Притч. 18:17). Посему я сказал ему, что он не имеет ни малейшей нужды в генеральной исповеди, и попытался прервать ее. Я позволил ему продолжать лишь потому, что видел великое желание, которое он выказывал; потому что он меня об этом просил; и, наконец, потому что слушать его не доставляло мне тягости, сколько бы долго он ни говорил.

Это происходило как по причине его точности (отчего не было ни малейшей нужды его расспрашивать), так и потому, что его незапятнанная совесть не требовала моего внимания, чтобы усмотреть, нет ли там какой путаницы, которую надлежит разобрать; ибо я был твердо уверен, что эта совесть не таит в себе ничего, внушающего опасения.

Я заметил, однако, что сие мое суждение, столь лестное для него, причинило ему некоторое огорчение. Посему он старался убедить меня, что он не таков, каким я его считаю, а таков, каким сам себя мнит. Добивался же он этого всегда без малейшей нарочитости: не употреблял тех формулировок, к которым обычно прибегают даже самые горделивые души (называя себя величайшими грешниками, злодеями и тому подобное), но говорил словами, исходящими воистину из сердца сокрушенного и смиренного.

Он не упускал ни единого удобного случая, чтобы явить то низкое мнение, которое имел о себе, и внушить его другим, дабы его презирали, как он того желал.

Полагаю, одного лишь случая довольно, чтобы доказать это с очевидностью, если принять во внимание обстоятельства, при которых он произошел. Поведал мне о том очевидец, заслуживающий полного доверия.

Случилось так, что однажды в римском Колизее собралась за игрой компания праздных бездельников. Слуга Божий приблизился к ним и начал кротко вразумлять их, говоря такие слова:

— Дети мои, не для того Бог сотворил вас и хранит на этой земле.

При этих словах вся ватага, взбесившись, ополчилась на Слугу Божия; они напали на него с камнями в руках и стали вслепую осыпать его ударами. Видя, как эти наглецы истязают Слугу Божия, некий человек, проходивший мимо, бросился на защиту Бенедикта против злонравных юнцов. Однако смиренный Слуга Христов с видом, исполненным кротости и благодати, удержал его, сказав дословно следующее:

— Оставьте их, пусть продолжают; ибо если бы вы знали, кто я, вы поступили бы со мною хуже их.

Таковы были чувствования Бенедикта Иосифа: не задерживаясь в одном лишь уме, они нисходили в сердце и укоренялись в нем. А сие нелегко дается человеку, который, даже будучи убежден в собственном убожестве, все же не желает смиряться.

Да, Слуга Божий Бенедикт Иосиф был смирен не только умом, но и волей и сердцем, смирением, всецело сообразным смирению Иисуса Христа.

Spernere mundum, Spernere nullum, Spernere se sperni («Презирать мир, никого не презирать, презирать презрение к нам») — таковы три ступени, к которым сводятся все прочие степени совершенного смирения, согласно св. Бернарду и св. Филиппу Нери. Последний же, размышляя о трудности сего, добавлял: *sed haec sunt dona Superni* («но сие суть дары Всевышнего»).

Что касается презрения к миру, то смирение Бенедикта Иосифа в этом отношении достигло предела; он всегда носил сие презрение в себе как некое торжество, ни во что не ставя ту суету, коей жалким образом очарованы любители мира.

Он весьма рано отрекся от всякого внешнего достоинства и блеска, коими наделила его природа или что сулил ему его талант.

Учителя духовной жизни наставляют: кто желает быть совершенным, тот не должен говорить ни о себе, ни о своих делах, но всегда хранить в тайне то, что может послужить к его похвале. Посему св. Филипп Нери имел обыкновение повторять: *Secretum meum mihi* («Тайна моя — мне»; ср. Ис. 24:16).

Такого поведения Бенедикт Иосиф придерживался с самого отрочества. Но с тех пор, как он сокрылся под жалким и убогим одеянием нищего, никому не удавалось узнать, кто он таков.

Он так повел дело, что с той поры, как покинул монастырь Сет-Фон, и до самой смерти — то есть на протяжении почти тринадцати лет — Франция не имела о нем никаких известий. По этой причине, дабы не быть узнанным, он избегал общества своих соотечественников и даже исповедников из их числа, предпочитая вверяться исповедникам итальянским.

Отец-настоятель церкви Сан-Сальваторе-ай-Монти рассказывал мне, что однажды, во время новенны перед Рождеством, он по произношению, с которым Слуга Божий вместе с другими читал принятые в той церкви молитвы, заметил, что тот француз, и после службы спросил, откуда он. Но ему не удалось узнать ничего, кроме названия провинции. Кроме того, священник предложил ему некую помощь, пригласив зайти к нему; но Бенедикт смиренно поблагодарил и никогда не являлся к нему с этой целью. Более того, упомянутый настоятель заметил, что с той поры, когда при встрече он хотел подать ему малую милостыню, тот принимал ее весьма неохотно.

Тайна сия была столь нерушима, что даже мне так и не удалось узнать обстоятельства его рождения и положение его семьи. Весь рассказ о его жизни возбудил во мне любопытство к

сим подробностям, и спустя некоторое время я спросил его: какого звания были его родители? каково было положение его семьи? из кого и из скольких лиц она состояла? и, наконец, живы ли еще его отец и мать? Однако касательно обстоятельств его рождения и положения семьи он не сообщил мне ничего, из чего я мог бы почерпнуть хоть какие-то сведения; он назвал лишь число братьев и сестер, оставленных им при уходе (и это я уже не припомню), а на последний вопрос ответил, что не ведает, живы ли еще его родители или уже скончались. Столь глубокое молчание о житейских обстоятельствах позволяет всякому легко заключить, с каким тщанием таил он свои добродетели и дары благодати.

Один достойнейший священник, составивший о Бенедикте высокое понятие, сумел так глубоко войти к нему в доверие, что залучил его к себе домой. Беседуя с ним, он все более утверждался в мысли, что перед ним великий Слуга Божий, и благоговение его достигло такой степени, что, оставшись с ним наедине, он пал на колени, чтобы поцеловать ему ноги.

Всякий может вообразить, в какой ужас и смущение поверг этот поступок смиренного Слугу Христова. Он принялся возражать и всячески уклоняться, дабы не допустить такого унижения священника; однако успокоился, когда тот пояснил, что делает это не ради него, а ради образа Иисуса Христа, Которого почитает в сем бедняке.

В этом священник преуспел вполне; но стоило ему набраться смелости и спросить, какой дух побуждает Бенедикта вести сию нищенскую жизнь, как тот без промедления и с видом совершенно безмятежным ответил:

– Дух бродяжничества.

Слова эти столь глубоко запечатлелись в сердце священника и так его тронули, что, пересказывая мне их, он плакал от умиления.

Если же у Слуги Божия возникало подозрение, что кто-либо питает к нему уважение, он тотчас либо начинал избегать сего человека, либо старался убедить его в своем недостоинстве, заграждая тем самым всякий доступ духу тщеславия, который св. Амвросий именует духом жесточайшим.

Я уже поведал во многих других местах о случаях, относящихся к таковому его поведению, и не буду добавлять здесь иных.

Франческо Дзаккарелли имел обыкновение при встрече подавать милостыню Слуге Божью. В итоге Бенедикт заподозрил, что тот делает это из высокого мнения, которое составил о нем. Посему, когда благодетель однажды подошел к нему, чтобы по обыкновению подать милостыню, он увидел Слугу Божия в сильном волнении, причину которого вскоре узнал.

Ибо Бенедикт, весь смущенный, спросил его:

— Зачем вы ходите за мною и так часто помогаете мне? Скажите мне начистоту, по какой причине?

Дзаккарелли ответил, что подает ему милостыню единственно потому, что он бедняк. При этих словах Слуга Божий тотчас успокоился и отложил опасения.

Подобным образом, однажды вечером в Лорето, когда он удалился в свою каморку в подвале дома г-на Гауденцио Сора, малая дочь хозяина, уже лежа в постели, попросила, чтобы ей позволили увидеть Бенедикта.

Посему его попросили пройти в комнату, дабы утешить дитя. Но Слуга Божий, опасаясь, что сие делается из некоего почтения, которое к нему питали в этом доме, учтиво отказался идти туда, сказав:

— Неужто вам охота показать ей волка?

Он был столь далек от приражения тщеславия — сего тягостнейшего искушения, тревожащего даже святые души, — что гнушался даже тенью его. Он всецело стремился предотвратить любую похвалу и любой знак уважения, какой мог бы оказать ему мир, от которого он не принял ничего, кроме жалкого рубища. Тем самым он явил презрение ко всему иному, полагая всю свою славу в том одеянии, которое уподобляло его Христу в тот час, когда Он был в насмешку облачен в багряницу.

Не менее отличился Бенедикт Иосиф и во второй степени смирения, которая состоит в том, чтобы никого не презирать: *Spernere nullum*.

Он был столь далек от превозношения, что почитал себя наименьшим из всех людей в мире и величайшим грешником, и в сердце своем ставил себя на нижнюю ступеньку, неизменно памятуя предостережение св. Бернарда: «*Великая опасность — предпочесть себя хотя бы одному; но сколько бы ни смирял себя человек, в том опасности нет*».

Посему он старался держаться особняком, как человек гнусный и не достойный человеческого общества. Он умел сострадать чужим порокам и недостаткам; но так как ему редко выдавался случай наблюдать их, поскольку он был всегда занят созерцанием собственных несовершенств, то считал себя исполненным злобы паче кого бы то ни было.

Сколько бы раз ни подвергался он поношениям, оскорблениям и побоям, он никогда не оказывал ни малейшего сопротивления ни делом, ни словом и не подавал ни малейшего признака негодования.

Будучи многократно оклеветан и, словно хитрый вор, претерпевая дурное обращение, он никогда не оправдывался.

Столь изумительная кротость к ближнему не могла происходить ни от чего иного, как от глубокого смирения. Оно внушает нам не давать в сердце места гневу на наших братьев и не презирать их (словно они хуже нас) за то зло, которое они нам причиняют, но смиряться под всемогущей рукой Божией, Которая бичует нас посредством Своих творений, *дабы вознести нас в свое время* (ср. 1 Пет. 5:6).

До такой степени достигло его смирение, и явствует, что был он кроток и смирен сердцем по образу Иисуса Христа.

Однако много труднее двух предыдущих третья ступень смирения: *spernere se sperni* — презирать презрение к себе.

Ибо человек по собственному выбору и воле легко смиряет себя, презирая мир и не презирая никого из себе подобных. Но не так легко принимает он унижения и чужое презрение к себе, ибо сие всецело противно человеческому самолюбию.

Наш же Бенедикт Иосиф не только никогда не обращал внимания на какое бы то ни было презрение, ему выказываемое, но искренне любил его, жадно искал и старался быть презираемым всеми, для чего даже прибегал к необычным святым уловкам, как явствует из различных случаев, с ним приключившихся, о которых мы уже упоминали.

Idem semper habitus («Одеяние всегда одно и то же»), — писал св. Иероним, дабы показать великое смирение некоего подвижника. Именно это мы видели и у сего Слуги Божия: одеяние серое и выцветшее, полученное в милостыню в прежние годы; одеяние безобразного покроя, дурно сидевшее на нем, — ибо плащ сей (*cappotto*) приличествовал скорее простолюдину, нежели человеку благородному; одеяние, от старости истлевшее и обратившееся в лохмотья; одеяние грязное, сделавшееся гнездилищем бесчисленных омерзительных насекомых; одеяние, кое-как перепоясанное старой веревкой, с привешенной на боку миской. Можно сказать, что оно едва ли имело для него иное назначение, кроме как соделать его еще более презренным в очах людских.

Всякий может сам понять, какие последствия влекло за собой ношение такого одеяния во время его паломничеств по улицам и церквям великого и благолепного города Рима.

Одного этого было достаточно, чтобы сделать его в глазах мира человеком, достойным всяческого презрения, существом омерзительным, что способно вызывать лишь тошноту и отвращение, достойным общего отвержения, осмеяния и всяческого унижения как бродяга и тунядец, никчемный, полоумный и смрадный... Какими только прозвищами не поносит мир таких людей!

Бенедикт Иосиф сносил все эти последствия своего униженного состояния, любил [связанные с ним унижения] и даже с ненасытной жадой искал их, являя тем самым Господу прекраснейшие доказательства своего смирения.

Ради краткости я опускаю иные доказательства удивительной любви Бенедикта Иосифа к презрению самого себя.

Одного лишь ношения по собственному выбору убогого и неопрятного одеяния достаточно, по мнению отцов и учителей духовной жизни, чтобы подтвердить истинное смирение души. *Vilis habitus & incultus sponte delatus adprobatum est humilitatis indicium* («Убогое и неопрятное одеяние, носимое добровольно, есть испытанный знак смирения»), — учит св. Лаврентий Джустиниани. Посему и св. Амвросий, великий панегирист св. Иоанна Предтечи, останавливается на сем доводе — его убогом и небрежном одеянии, сотканном из верблюжьего волоса, — дабы возвеличить его редкое смирение: *Quæ major humilitas in propheta, quam contemptis mollibus vestimentis, pilorum asperitate vestiri?* («Что может быть большим смирением для пророка, нежели, презрев мягкие одежды, облачиться в грубую власяницу?»); ср. *Serm. 52 de S. Joan. Bapt.*). Сии учения вполне правомочны лишь в тех случаях, когда поступки носящего нищенское рубище не противоречат наружности, но, напротив, пребывают в совершенном согласии со смирением одеяния; что как раз верно в случае Бенедикта Иосифа.

Так просиял он на всех ступенях смирения. Впрочем, признаюсь, я сам не удовлетворен написанным: пусть кажется, что сказано уже много, но смею заверить без всякого преувеличения — это ничтожно мало. Посему я не могу удержаться, чтобы не прибавить еще один дополнительный штрих.

Примерно за восемь месяцев до кончины Господь открыл этой великой душе необычайные почести, ожидающие его на земле после смерти. Ему было явлено даже, что Сам Спаситель в Пресвятом Таинстве будет вынесен из церкви, дабы уступить место народу, стекавшемуся почтить Его слугу (как мы увидим далее). При этом я видел Бенедикта столь сокрушенным и смущенным, что мне стоило великого труда ободрить и утешить его. Столь сильную любовь питал Бог к этой душе, и столь высоко ценил Он его смирение, что счел его способным вынести без малейшей опасности гордыни такую великую тяжесть славы и почестей.

Я всецело преклоняюсь пред сим судом, который Бесконечная Мудрость вынесла о смирении Своего Слуги, явив его с такой ясностью. Не стану ничего добавлять к этому, кроме одного: поскольку смирение, по мнению учителей, есть венец, страж и мерило совершенства всех добродетелей, то отсюда следует, что совершенство Бенедикта Иосифа надлежит почитать столь же возвышенным, сколь глубоким предстает перед нами его смирение.

ГЛАВА XI. О средствах, употребляемых Слугою Божиим для достижения христианского совершенства, и прежде всего о его отрешенности от тварных вещей и о добровольной нищете.

Одной из главных целей, ради коих записываются добродетельные деяния слуг Божиих, несомненно, является то, чтобы они служили побуждением и примером для верных к подражанию им: *ut imitari non pigeat quod celebrare delectat* («дабы не ленились подражать тому, что с радостью прославляют»; св. Августин, *Serm. 47 de Sanctis*).

Я полагаю, что всякий, кто со вниманием прочел то, что я поведал доселе о Слуге Божиим Бенедикте Иосифе Лабре, не только восхитился действием Божественной Благодати и преуспеянием, коего он достиг в христианских добродетелях, но и ощутил в сердце своем некое побуждение подвизаться на пути к Небесам, следуя, насколько это приличествует собственному состоянию и званию каждого по стопам сего Слуги Божия, в котором Господь в наши времена обновил примеры древних святых.

Дабы облегчить каждому достижение сей цели, я почитаю уместным указать путь и описать средства, коими он счастливо пришел к ней. Таковыми являются: отрешенность от земных вещей (или нищета духа), умерщвление плоти, молитва, почитание Искупителя нашего Иисуса Христа и Его Божественной Матери.

Здесь мы поговорим прежде всего о его добровольной нищете, а затем в последующих главах — и о других средствах.

Итак, начнем с великой отрешенности от всего мирского и с добровольной нищеты Бенедикта Иосифа. Добродетель сия, ставшая его отличительной чертой, послужила ему средством к достижению совершенства во всех прочих добродетелях.

Сие было в нем первейшим расположением, которое — в сердечном ли чувстве или же в деятельном исполнении — должно быть присуще каждому верующему, стремящемуся к христианскому совершенству («*Нищета есть первая по порядку и словно родительница других добродетелей*» (Св. Амвросий, *lib. 5 in Luc.*)).

Сие явствует из многих мест Писания и в особенности из ответа, данного нашим Божественным Учителем тому, кто пришел к Нему, дабы узнать, что требуется для совершенства: *Si vis perfectus esse, vade, vende omnia, quae habes, & da pauperibus, & habebis thesaurum in Caelo: & veni sequere me* («Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»; Мф. 19:21). А также из общего предостережения: *Qui non renunciat omnibus, quae possidet, non potest meus esse discipulus* («Тот... кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»; Лк. 14:33).

Это всеобщее отречение, как изъясняет св. Василий, имеет различные ступени и, начинаясь с вещей внешних, простирается до самого внутреннего человека. У нашего Слуги Божия оно достигло совершенства во всей полноте: не только в сердечном расположении, что необходимо для спасения, но и в самом действии, что составляет суть евангельских советов.

Во-первых, уже с детских лет сердце его было совершенно отрешено от всех жалких благ сей жизни. Ясными признаками этой отрешенности и любви к святой нищете было его поведение: он никогда ничего не просил, даже необходимого для пропитания и одежды (как уверяет нас дядя его, о. Венсан), отчуждался от всего мирского и любил уединение.

По мере того как он возрастал годами, возрастали в нем и сии прекрасные качества. Едва достигнув шестнадцати лет, он принял твердое решение отречься от всех вещей земли сей на деле и, лишив себя всего, посвятить себя Богу в иночестве.

Мы уже видели в другом месте, сколь дорого стоил ему этот замысел. Но поскольку ему не удалось исполнить сие первым способом, он не преминул осуществить это иным образом, сколь необычайным, столь же совершенным и замечательным.

Имея твердо запечатленным в уме речение Иисуса Христа: *Qui non odit patrem suum & matrem, adhuc autem & animam suam, non potest meus esse discipulus* («Если кто... не возненавидит отца своего и матери... и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником»; ср. Лк. 14:26), — и помышляя о щедрых обетованиях, данных Им всякому, кто ради любви к Нему оставит отца, мать, братьев, сестер и все, чем обладает или может обладать на земле, он не чаял часа (которого ожидал около четырех лет), чтобы раз и навсегда освободиться от мира и распяться для него, подобно тому как мир уже был распят для него (ср. Гал. 6:14).

Итак, ради любви к святой нищете, столь любезной Распятому Искупителю, Который жил в этом мире в образе бедняка, он, мужественно преодолев все тяжкие препятствия, мешавшие сему благочестивому замыслу, принимает наконец образ нищего в подражание Иисусу Христу. Он полагает твердое намерение во всем следовать по стопам Его и проникается великой решимостью жить и умереть в крайней нищете.

Он всецело отрывается от всего и навсегда покидает отечество, родных и даже нежно любимых родителей (невзирая на то, что был первенцем); притом покидает их так, что с той поры они не имели о нем никаких вестей. Исполненный мужества, он вступает на сей тернистый путь, возложив все упование на Всемогущего, Который, как писал сам блаженный, извещая родителей о своем решении, руководил им.

И вот, покинув родную землю, он оставляет даже собственный народ (поскольку ему не удалось стать бедняком посреди него) и в сем нищенском образе прибывает в нашу Италию, которой суждено было стать великим театром, где он явит великолепную пышность своих лохмотьев и своей суровой нищеты.

Нелегко найти среди иноков, связанных вечным обетом бедности, даже в самых строгих обителях, того, кто с такой же ревностью хранил бы это драгоценное сокровище, как хранил его он посреди мира.

Дабы удостовериться в этом, проследим вновь его путь в различных обстоятельствах странствий и той жизни, которую он вел в Риме вплоть до самой кончины. Его поступки, правила, чувства и сами слова его в полной мере покажут нам его великую отрешенность и несравненную нищету.

Спустя несколько лет после того, как он пришел из Франции, а именно в 1772 году, он, как уже было сказано, оказался в Фабриано.

Упомянутый мною ранее о. Паджетти описывает его одеяние и все его снаряжение в следующих выражениях:

«13 июня, когда я торжественно праздновал память св. Антония в церкви св. Иакова, настоятелем которой являюсь, он явился туда рано поутру в нищенском образе, облаченный в длинное одеяние пепельного цвета и малую накидку вроде рочетты; на шее у него были четки, чресла перепоясаны веревкой, с одного боку свисала сума, а с другого — малый узелок.

Он присутствовал на всех мессах до самого полудня с глубочайшим благоговением, всегда неподвижный, молитвенно сложив руки, к назиданию всех присутствующих, которые, восхитившись скромностью и набожностью Слуги Господня, выходя из церкви, говорили, что это святой. Ризничий же упомянутой церкви заверил меня, что Слуга Божий вовсе не выходил из нее.

Вернувшись около 20 часов [по итальянскому исчислению], я нашел его в церкви на том же самом месте, где оставил утром; руки его были сложены, а взор устремлен на статую св. Иакова. Когда же около получаса ночи ризничий, выпроводив всех, собрался запираеть церковь, Слуга Божий остался и просил запереть его внутри.

Ризничий передал мне это, но я из сострадания не пожелал того дозволить, зная, что он не вкушал никакой пищи в течение дня, ибо все время был в церкви. Я подошел к нему и сказал, что он может остаться при церкви св. Иакова, но не внутри ее, поскольку над нею расположен приют, предназначенный для священников-паломников, где имеется постель, если он пожелает отдохнуть; и что ему следует принять нечто для подкрепления сил, о чем я сам позабочусь.

Он выказал радость от вести о приюте и дал ризничему немного денег, чтобы тот купил ему какой-нибудь еды и масла для лампы, дабы светить ему.

Пятнадцать ночей провел он в названном приюте, но, как поведал мне ризничий, под чьим присмотром он находился, ни разу не лег в постель. Он также отказался от пищи и питья, которыми я хотел его снабдить, заявив ризничему, что беднякам подобает выпрашивать лишь самое необходимое для поддержания сей *мерзкой плоти (corpaccio)* и что он вполне доволен тем, что ему из милости предоставлен ночлег.

Ризничий запирает его на ночь; и как блаженный проводил ее, ведает один Бог. Поутру же, отпирая церковь, ризничий открывал и приют, где неизменно заставлял Бенедикта уже готовым спуститься по лестнице и войти в храм. Так продолжалось все пятнадцать дней, что он ночевал там и пребывал в Фабриано».

Вот как мало заботился Бенедикт Иосиф о вещах преходящих, будь то пропитание или жилье, ночлег и прочее.

Сверх того, он был весьма осмотрителен, дабы не оставлять себе из полученной милостыни ничего сверх необходимого на текущий день. Как добавляет тот же отец-настоятель [Паджетти]: «Он раздавал нищим все, что получал, и оставляя себе лишь малую толику для весьма скудного пропитания на текущий день; такова была жизнь, которую он вел в Фабриано, и правило, которого он держался с тех пор, как Бог призвал его к сему подвигу». Это, будучи его духовником, он мог знать достоверно.

Не отличаются от сего и показания различных свидетелей из Лорето, данные по приказу монсеньора епископа того города. Среди них заслуживает первейшего внимания свидетельство священника Джузеппе Валери, старца, который в прошлые годы исполнял обязанности ризничего в том святилище.

Сей священник, не ведая, кто пред ним, приметил в Бенедикте исключительное благочиние и то, что он неотлучно пребывал в церкви даже в те часы, когда все прочие обыкновенно уходят

подкрепиться пищей. Дивился он и тому, что сей человек, с виду сущий нищий и бедняк, никогда не просил милостыни, а от денег, которые многие предлагали ему по доброй воле, отказывался. Все это заставило его заключить в сердце своем: *«Либо это безумец, либо святой»*.

Впоследствии однажды утром, в час открытия церкви (то есть до рассвета), он заметил, что этот нищий провел минувшую ночь на паперти перед одной из боковых дверей, лежа на голом мраморе.

Движимый чувством сострадания и благочестия, священник не удержался и обратился к незнакомцу, словно бы с укором:

— Почему вы провели ночь на таком холоде? Разве вы не знаете, что стужа и ледяной ветер с колокольни могут лишить вас жизни?

На это незнакомец смиренно ответил:

— Так угодно Богу.

Тогда Валери возразил:

— Но разве вы не могли бы найти приют в каком-нибудь сельском доме, как делают другие бедняки, подобные вам? Если хотите, я поручу заботу о вас одному моему другу, который ради меня непременно предоставит вам место в хлеву для волов или в пекарне.

Тогда Бенедикт немного помолчал, словно размышляя, затем возвел очи к небу и, помедлив немного, словно повторяя то, что было внушено ему Другим, сказал:

— О да; но только чтобы быть одному... ни женщин, ни кого другого.

— Да, да, — сказал Валери, — вы будете один, я позабочусь об этом. Сегодня вечером, после закрытия церкви, я отведу вас, не сомневайтесь; иначе ночью вам придется слишком тяжело.

— Нет, не слишком; так угодно Богу, — заключил Бенедикт.

В урочный час о. Валери повел его в усадьбу, расположенную в его владениях.

Осмотрев предполагаемое место ночлега, они нашли, что хлев не годится Бенедикту, ибо через него постоянно ходили домашние. Печь же на дворе оказалась столь тесной, что в ней нельзя было бы даже встать на колени. Видя, что Бенедикт не удовлетворен, о. Валери сказал: *«Хорошо, пойдем дальше; у одного моего друга найдется для вас более удобное пристанище»*.

Тогда он отвел его в более обширное имение, где имелась просторная пекарня, и, поручив его заботам главы семейства, устроил всё желаемое. Бенедикт прибегал к этому пристанищу два или три раза; заметив же, что от этой усадьбы всего несколько миль до церкви Святого Распятия в Сироло, он воспользовался этим обстоятельством, чтобы посетить упомянутую святыню.

Так Бенедикт оставался без постоянного ночлега вплоть до 1780 года. И хотя о. Валери и о. Анджело Верделли, клирик, присматривавший за лампадами в Святой Хижине и также любивший Слугу Божию, горели желанием избавить его от необходимости искать приют в полях во время пребывания в Лорето, они не находили к тому возможности. Ведь они не

могли, при всем желании, ввести его в свои дома, зная, что слуги их с отвращением встретили бы человека столь оборванного и нечистого, каковым на деле был бедный Бенедикт.

Посему они сообща решили сыскать ему в городе комнату для ночлега, даже если бы им пришлось самим оплачивать расходы. Они спрашивали во многих местах, но тщетно.

Наконец супруги Сора, торговцы и владельцы гостиницы в том городе, охотно согласились из милосердия приютить бедного странника; в их доме он и обрел пристанище на последние три года своего пребывания в Лорето.

О том, как держал себя Бенедикт в доме супругов Гауденцио и Барбары Сора, и сколь ревностно Слуга Божий оберегал свою нищету, нам известно как из упомянутого выше отчета, так и из другого, отдельного и достоверного их свидетельства, гласящего:

«Зная, что он ночует в стогах посреди поля, и восхищаясь его смирением и набожностью, мы решились предложить ему скромное пристанище. Бенедикт принял его, и сей случай позволил нам еще яснее познать величие его смирения. Ибо, хотя мы предоставили ему комнату с постелью, он пожелал занять другую, гораздо хуже, расположенную в полуподвале, заметив, что ему, нищему, довольно крыши над головой и скромного уголка на полу для отдыха».

Что же касается пропитания, то обычной его пищей была зелень, которую он подбирал под окнами: листья салата, капусты и тому подобное; пил же он одну лишь воду вплоть до того времени, как обрел приют в доме супругов Сора.

Здесь же, когда хозяйева пытались предложить ему мясное или рыбное блюдо, или же добрую похлебку, он отказывался есть, говоря:

— Это не для бедных; я нищий и такого не ем.

Лишь из послушания он иногда отведывал на Пасху кусочек ягнятины и выпивал вина — и то лишь когда ему говорили, что он должен выпить ради послушания.

Примечательно также, что он не едал хлеба иначе как в виде черствых корок и остатков. Если же Гауденцио или жена его Барбара предлагали ему целую буханку, он не прикасался к ней, говоря:

— Этот хлеб не для нищих; нищим подают объедки.

Так что упомянутые супруги, дабы накормить Бенедикта, порой нарочно заранее ломали хлеб на куски, дабы он съел его, полагая, что это остатки.

Мы уже упоминали в другом месте о малом узелке, который Слуга Божий носил с собою и в котором заключалось все его достояние. В Лорето он никогда не расставался с ним, разве что оставлял его на виду у стражи Святой Хижины.

Но Господь управил так, чтобы сокровенное его открылось нам. Когда Бенедикт остановился у супругов Сора, он оставил узелок в комнате, где спал. И вот в последний его приезд Барбара Сора, движимая любопытством, заглянула внутрь.

Она обнаружила, что там нет ничего, кроме нескольких жалких лоскутьев от совершенно изношенной рубахи; прочее же составляли бревиарии (*uffizi*) и духовные книги, а также жестяной футляр, в котором хранились свидетельства об исповеди и документ,

подтверждающий, что он в течение нескольких месяцев был послушником в монастыре Сет-Фон.

Что же касается одежды, то упомянутые супруги Сора не раз к моменту его прихода справляли кое-какое платье, дабы снабдить им Бенедикта. Он же не принимал ничего, кроме того, что было ему совершенно необходимо, от остального отказывался со словами: «Отдайте это тому, кто беднее меня».

Лишь забота о скромности, и то в редчайших случаях, могла побудить Бенедикта просить о чем-либо вопреки своему обыкновению.

Именно это произошло в Лорето, где Слуга Божий решился попросить у о. Гаспаре Валери пару штанов, ибо те, что он носил, превратились в сплошные лохмотья.

О. Валери попытался вручить ему вместе с ними еще рубаху и куртку, однако Бенедикт штаны принял, а от рубахи и куртки отказался, повторив свои обычные слова [о том, что сие подобает отдать беднейшим].

Где именно находил приют Слуга Божий в ночную пору во время своих многочисленных странствий, знает лишь один Бог, а нам сие неведомо. Однако доподлинно известно, что он никогда не переступал порога постоянного двора.

В этом он признался о. Валери, когда тот, прощаясь с ним перед его возвращением в Рим, хотел дать ему несколько монет. Видя, что Бенедикт многократно отказывается их принять, священник вынужден был сказать:

— Возьмите же, это пригодится вам, чтобы заплатить за стаканчик вина на постоялом дворе.

— Нет, — отвечал Бенедикт, — никаких постоянных дворов, ибо там хулят Святое Имя Божие.

— Но как же вы доберетесь отсюда до Рима, избегая постоянных дворов? — спросил Валери.

— Я иду другой дорогой; мне любо идти одному, как угодно Богу. Но никаких постоянных дворов! — повторил Бенедикт.

Однако пора уже вернуться в Рим; пожалуй, именно здесь, более чем где-либо, он возлюбил нищету, хотя на первый взгляд сие и не кажется очевидным.

Я не буду повторять здесь, как он отвергал все излишнее, довольствуясь лишь самым необходимым, и как отклонял щедрые предложения постоянного содержания — в частности, то, которое было сделано ему от имени монсеньора делла Сомалья, о чем он сам мне рассказывал.

Именно здесь, в Риме, посреди изобилия милостыни (ибо милосердие сего Святого Града не оставляет подобных нищих), он радовался, пребывая в крайней нужде.

Он положил себе за неизменное правило избирать худшее во всем, что составляет насущные потребности человеческой жизни: в крове, пище и одеянии.

Что до жилища, то вплоть до 1780 года он избирал для ночлега одну из тех пещер, о коих мы упоминали и которые видны среди развалин Амфитеатра Флавиев, в просторечии именуемого Римским Колизеем. Из сего столь любезного ему убежища его не могло изгнать ничто, кроме смертельного недуга; и лишь тогда добрый Теодозιο, другой нищий (о котором мы уже

отзывались с похвалой), движимый состраданием, привел его к г-ну Паоло Манчини для врачевания.

Правда, с той поры он стал приходить на ночлег в приют; но, как свидетельствует человек, проживший с ним там немалое время, верно и то, что он никогда не ложился в постель, а лишь прислонял подушку к ручке сундука и, припав к нему, давал краткий отдых своим усталым членам.

О его питании мы уже упоминали и еще больше скажем в следующей главе, посвященной умерщвлению плоти. Здесь же мне достаточно заметить благочестивому читателю, что Бенедикт отмерял себе пищи ровно настолько, чтобы не умереть с голоду, и не ведал иной меры, кроме самой скудной, какая только возможна.

Если же говорить о качестве пищи, то, за вычетом упомянутых случаев с похлебкой, он часто уходил, вовсе не прикоснувшись к еде, предпочитая выбирать худшее из того, что находил выброшенным из кухонь на улицу и в навозные кучи: гнилые листья овощей, апельсиновые корки и тому подобное.

Что же касается одежды, то, как мы видели, он принимал от щедрот благотворителей лишь самое необходимое и притом худшее из того, что ему предлагали добровольно.

Так, когда ему предлагали выбрать из нескольких пар поношенных башмаков, он неизменно предпочитал самые ветхие; так же поступал он и с жалкими обносками рубах, чулок и прочего.

Весь Рим с изумлением взирал на то изодранное и грязное одеяние, которое он носил бессменно во всякое время года на протяжении многих лет.

Явной же клеветой, измышленной неведомо каким духом, был слух, будто он, находясь здесь, в Риме, получал из дома достаточное содержание. Ибо родители его свидетельствуют: сын их, Бенедикт Иосиф, по выходе из аббатства Сет-Фон написал им последнее прощальное письмо, и с той поры они не имели о нем никаких вестей и не знали, где он находится. Следовательно, ложью является утверждение, будто он ежемесячно получал от семьи семь римских скудо (то есть тридцать французских ливров). Это есть навет, внушенный дьяволом, отцом лжи, кому-то из его последователей, дабы затмить возвышенные добродетели досточтимого усопшего. Ибо с момента ухода из Сет-Фон и до самой смерти он не получил и не мог получить от своей семьи ни гроша.

Из всего сказанного, во-первых, явствует, что отказ Слуги Божия от милостыни происходил не от того, что он был всем обеспечен, но от любви к святой нищете, ради которой он, как мы уже говорили, отверг всякое иное содержание, предлагаемое многими благотворителями.

Во-вторых, будучи лишен такового содержания и придерживаясь принятого им уклада жизни вплоть до смерти, он неизбежно должен был претерпевать все тягостные последствия нищеты, гораздо большей, нежели можно себе представить.

Наконец, в завершение сей главы надлежит заметить, что Бенедикт Иосиф почти всякий раз, когда приходил ко мне, вел со мною особую беседу о милостыне: какую принимать, какую оставлять себе, а какую раздавать другим нищим. И если он (вопреки собственному желанию) принимал или удерживал какую-либо милостыню, то делал это лишь по моему прямому повелению.

И хотя после его смерти у него было найдено несколько паоли, [следует знать, что] он хранил их не без моего прямого одобрения и ради праведных целей, одной из коих была покупка

нового breviария, содержащего службы новым святым. Сие намерение свое он открыл мне за много месяцев до кончины, когда, скопив для сего уже шесть паоли, просил позволения продолжать откладывать, пока не наберется сумма, достаточная для покупки.

Вот в каком состоянии добровольной нищеты жил и умер Бенедикт Иосиф Лабр.

В свете рассказанного нами сия нищета ясно доказывает, что он соделался достойным того блаженства, которое есть первое из обетований, данных нашим Божественным Учителем: *Beati pauperes spiritu, quoniam ipsorum est regnum caelorum* («Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»; Мф. 5:3).

Ибо, как сказано о серафическом св. Франциске, нищета стала его уделом, приведшим его в Землю живых; к ней он прилепился всем сердцем и ради имени Господа нашего Иисуса Христа не желал обладать ничем иным под небесами.

ГЛАВА XII. О его самообуздании и строгом подвиге.

Самообуздание, столь часто предписываемое Святым Евангелием всем последователям Иисуса Христа, послужило вторым средством, к которому Слуга Божий Бенедикт Иосиф прибегал непрестанно, вплоть до достижения совершенной отрешенности.

Ему было хорошо ведомо условие, о котором напоминает всем св. ап. Павел: *Si enim complantati facti sumus similitudini mortis ejus, simul & resurrectionis erimus* («Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть [соединены] и [подобием] воскресения»; Рим. 6:5).

Посему он мог сказать вместе с тем же апостолом: *Mihi vivere Christus est* («Для меня жизнь — Христос»; Флп. 1:21), ибо жизнь его была непрестанной жертвой и непрестанным умиранием.

Самый суровый и тяжкий подвиг — а потому и самый редкий, даже среди тех, кто, как им кажется, всерьез радеет о своем освящении, — это не умерщвление тела. Ибо последнее, будучи внешним и зримым, обычно вызывает большее восхищение. Но [истинный подвиг] есть умерщвление духа, внутреннее и сокровенное.

У Слуги Божия сие внутреннее делание превосходило внешние подвиги, хотя и они были столь велики, что повергают в изумление всякого, кому о них ведомо.

Бенедикт Иосиф освободил свое сердце, следуя первому призыву Искупителя, но сверх того он неустанно стремился и к полному самоотречению, повинувшись другому Его повелению: *Qui vult venire post me abneget semetipsum, tollat crucem suam quotidie, & sequatur me* («Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой каждый день, и следуй за Мною»; Лк. 9:23).

О том, сколь рано он начал в сем подвизаться, я уже упоминал в самом начале сего повествования. Он всегда прилежал умерщвлению сил своей души и страстей низшей части [естества].

Что касается разума, то всякому ведомо, сколь живо в нас природное желание знать и сколь мощна страсть любопытства. Посему без непрестанного усилия над собой трудно удержать собственный разум в должных пределах, дабы он не наполнился помыслами суетными, бесполезными и даже вредными, которые, увы, отвращают нас от познания Несотворенной Истины и Верховного Блага, каковым является Бог.

И все же наш Бенедикт Иосиф умел в этом отношении держать себя столь строго, что мог бы по праву сказать, что *не рассудил быть знающим что-либо, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (ср. 1 Кор. 2:2).

Он был столь же чужд тщетного любопытства к знаниям, не служащим к его пользе, сколь ревностно стремился стяжать науку святых; и, как мы видели, усердие его в сем было всегда чрезвычайным.

Один знаменитый наставник духовной жизни изрек истину, подтвержденную опытом: *Qui multum peregrinantur, raro Sanctificantur* («Кто много странствует, редко освящается»; *De Imit. Christi*, lib. I, cap. 23) (2).

Сие происходит главным образом оттого, что странствия обычно служат к рассеянию и расслаблению духа. Когда перед путником непрестанно предстают новые виды, когда он оказывается во многих землях, среди разных народов, весьма трудно не возбудить в себе любопытства и, как следствие, не прельститься предметами, приятными для удобопреватной человеческой природы. Ибо чем более она утомлена и истощена, тем охотнее, словно ища забвения, предается праздности и удовольствиям.

Посему поистине изумительно, что Слуга Божий на протяжении стольких лет непрерывных странствий, совершаемых единственно из благочестивого устремления к паломничеству, ни разу не поддавался искушению любопытства и не пожелал воззреть на великолепие множества городов, где ему доводилось бывать. Никогда страсть сия не примешивалась к его чистейшему благочестию даже как второстепенная цель.

Если поразмыслить об этом, станет ясно: сие невозможно без чуда благодати и строжайшего бдения над самим собою.

Не менее удивительным, по моему мнению, было и его неизменное правило никогда ни с кем не заговаривать первым, разве что по крайней нужде или из милосердия, а отвечать лишь немногими и только самыми необходимыми словами.

Не меньшую строгость проявлял он и в отношении памяти. Живя посреди мира, он пребывал в совершенном забвении о нем.

Те чувства нежности к родным, и особливо к родителям, кои вложены в нас природой, нелегко умерить так, дабы они не служили преградой к стяжанию евангельского совершенства. Однако у Бенедикта Иосифа они казались совершенно угасшими, ибо действовали в нем не по плоти, но по духу.

Как не смогли они удержать его от разлуки с близкими, так и впоследствии никогда не влекли его вернуться к ним, хотя испытания, что постигли его после ухода [из дому], казалось бы, должны были вновь побудить его искать отчего крова.

Но он даже и не помышлял о возвращении; словно не имея никого на этой земле, он хранил память о них лишь в Боге, о Котором одном помнил непрестанно.

Впрочем, Бенедикт Иосиф не ограничился тем, что жил в забвении всего земного и даже самых близких своих; он позабыл и самого себя, вспоминая о себе лишь постольку, поскольку того требовал долг удовлетворения насущных жизненных нужд.

Далеки были от него помыслы о еде, питии или стяжании земных удобств; он был едва чуток к гласу своей страждущей плоти, изнуренной долгим голодом и неустанными бдениями.

Бог был единственным предметом его помыслов, всегда пред ним сущим, и Им была непрестанно занята вся его память. Так что он мог сказать: *Dilectus meus mihi, & ego illi* («Возлюбленный мой — мне, а я Ему»; Вульг. Песн. 2:16)

Нелегко описать, какой степени достиг наш Слуга Божий в отречении от собственной воли.

С самых ранних лет он стремился отвергнуть ее, жаждая во всем следовать воле Божией, сколь бы тяжких и трудных жертв она ни требовала (о чем свидетельствует вся его жизнь); вместе с тем он неустанно заботился, чтобы сердце его оставалось свободным от всякой привязанности к творениям и к самому себе.

Святая ненависть к себе была в этой благословенной душе непримиримой, и он непрестанно вел брань с самолюбием. Достаточно вспомнить сказанное нами о его смирении, дабы уразуметь, в каком унижении и умерщвлении он держал себя.

Самая трудная привязанность, которую нелегко избежать и от которой непросто избавиться (даже душам, ревностно стремящимся к совершенству), есть привязанность к вещам духовным. Однако Бенедикт Иосиф сумел уберечься и от сего.

Он пекся единственно о том, чтобы так или иначе на всех путях своих угождать Богу. Единственной его привязанностью была воля Божия, с коей он всеми силами старался сообразоваться, сколь бы противна она ни была его собственным склонностям.

Оттого-то он — в отчем ли доме или вдали от него, в монастыре или посреди мира, в той стране или в иной — всегда был доволен исполнением воли Божией, ничуть не привязываясь к определенному образу жизни, хотя и имел сильную склонность к затвору.

Явным доказательством такого отречения от собственной воли служат слова письма, написанного им родителям после ухода из картезианской обители в Монтрёе. Среди прочего, сказанного по этому поводу, особого внимания заслуживают следующее:

«Я взираю на это событие как на повеление Божественного Провидения, призывающего меня к состоянию более совершенному».

Затем он увещевает родителей возыметь ту же покорность, говоря им:

«Паче всего не печальтесь обо мне. Даже если бы я захотел там остаться, меня бы не приняли; и я весьма радуюсь сему, ибо Сам Всемогущий ведет меня».

И наконец, вновь настаивая на том же, он заключает:

«Не скорбите о том, что я покинул картезианцев. Вам не должно противиться Божественной воле, которая устроила так ради моего вящего блага и ради моего спасения».

Великий Бог, следуя тайным целям Своего достойного Провидения, испытывал Своего Слугу, то показывая ему врата обители отверстыми, то затворяя их; то возбуждая в нем желание [монашества], то препятствуя его исполнению.

Даже в нашей Италии Богу угодно было испытать его подобным образом, как видно из случая, происшедшего с ним в Лорето, о котором в вышеупомянутом отчете читаем следующее:

«О. Гаспаре Валери, видя в нем полное расположение к иноческому житию, сказал ему:

— Бенедикт, вскоре я должен отправиться ради отдохновения в скит (*Eremo*), что здесь неподалеку, где живут отшельники-камальдолийцы. Угодно ли вам, чтобы я поговорил о вас с настоятелями скита и побудил их принять вас?

На что Бенедикт ответил:

— Я подумаю об этом.

Спустя несколько дней Бенедикт разыскал о. Валери и сказал:

— Не говорите [с ними], ибо Бог того не хочет.

Между тем о. Гаспаре уже твердо решил поговорить о нем с камальдолийцами и на следующий день отправился к ним, ничего более не сказав Бенедикту. Однако не удержался и спросил:

— Как можете вы желать вести жизнь столь убогую, когда могли бы жить с бóльшим удобством и не меньшими заслугами [в обители]?

Бенедикт возразил:

— Бог желает, чтобы я шел этим путем».

Вот до какой степени он отрешился от собственной воли: он не делал ни шагу, если не видел, что сие угодно Его Божественному Величеству.

Что же касается умерщвления страстей чувственной части души — то есть вожделетельной и раздражительной, к коим сводятся все прочие, — то казалось, что они в нем почти угасли и что он стал совершенно мертв для них.

Он обуздывал их с такой строгостью и подавлял с такой силой, что никогда не давал им ни малейшего послабления.

Он всегда был непримиримым врагом удовольствий, коих [прочие] вожделеют, и с детства лишал себя даже невинных развлечений. И если порой послушание и понуждало его к чему-либо подобному, он не находил в том никакой услады.

Чтобы вполне убедиться в его великой ненависти к чувственным удовольствиям, достаточно взглянуть на его несравненную любовь к суровости и ко всему тому, что противно услаждению плоти. Это и так достаточно известно из сказанного ранее, но станет еще очевиднее из того, что мы намереваемся рассказать о строгостях, коими он умерщвлял свою плоть.

Не было такого оскорбления, сколь бы тяжким оно ни было, каковое смогло бы пробудить в нем малейшее движение гнева, ни же столь острой боли, [что вызвала бы у него] нетерпения. Пользуясь выражением св. Бернарда, скажу, что он был полным господином над собой; и, будучи воистину победителем самого себя, не мог быть побежден гневом, ибо велика была его ревность как в управлении движениями высшей части души, так и в обуздании низшей (ср. in Vit. S. Malach.).

Хотя его осмеивали, оговаривали, осмеивали, презирали, били и ранили, он вел себя так, словно с ним не происходило ничего противного человеческой природе. Всякому ведомо, сколь трудно предотвратить невольные порывы негодования и гнева; посему каждый может посудить, какой силой самообуздания обладал Бенедикт Иосиф, дабы держать их в узде.

Наконец, следует рассмотреть то умерщвление Иисуса Христа, которое Слуга Божий носил в теле своем повсюду (ср. 2 Кор. 4:10). Помимо того, что было явно для всех — одежды, смиряющей плоть до крайности; многочасового стояния или коленопреклонения в церквях; холода, голода, долгих бдений и тяжелых странствий, — следует обратить внимание на то, как он обуздывал каждое чувство в отдельности.

Описывать все средства, коими он бдительно сдерживал он каждое из своих чувств, было бы слишком долго (тем паче, что мы немало сказали об этом, говоря о целомудрии). Скажу лишь в общем, приложив слова, написанные о св. Бернарде: он был настолько погружен в созерцание, что прибегал к чувствам своим едва ли не только ради дел благочестия.

Никогда не услаждал он слуха своего любопытными, праздными или неназидательными речами; никогда не позволял себе удовольствия слушать пение или игру на инструментах. О его очах св. Бернард мог бы повторить то, что писал о св. Малахии: *Oculus ejus in capite ejus, nusquam avolans nisi cum virtuti paruisset* («Око его — в голове его [т.е. на своем месте], и никуда не мечется, разве только по велению добродетели»; *Serm. in transit. S. Malach.*).

Но поистине поразительнее всего было то, как ему удавалось управлять своим языком.

Ибо воистину, как глаголет Святой Дух: «*Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный*» (ср. Иак. 3:2).

Но кто, даже из самых любопытных, мог когда-либо заметить в Бенедикте Иосифе не то что праздное слово, но хотя бы единый праздный знак? (ср. Св. Бернард, *in Vit. S. Malach.*).

Посреди шума века сего молчание его было непрерывным, как непрерывна была его беседа с Богом. Могу заверить, что порой проходили целые месяцы, в которые он не произносил ни единого слова.

В последний год он почти не говорил ни с одной живой душой, кроме меня, его духовника. Даже с той особой, с которой он беседовал четырежды, побуждаемый к тому своим милосердием и ее редкой добродетелью, он говорил так, что не употреблял ни слова сверх крайней нужды. И там, где достаточно было смиренного кивка главы, он, как я не раз замечал, воздерживался даже от краткого «да».

Он истязал свой вкус так, что сильнее и невозможно. Голод и жажда были для него меньшей из мук; самые же тошнотворные и отвратительные яства он обращал себе в усладу.

Но нет нужды повторять то, что мы уже сказали в другом месте. Должен лишь предупредить моего читателя, что этот подвиг дошел до такой степени, что и привел его к последнему смертному изнеможению; ибо желудок его ослабел настолько, что даже питательный бульон (которого он не вкушал столько лет) послужил, как весьма вероятно, тому, чтобы окончательно его погубить, о чем мы расскажем в свое время.

Говоря же в целом об умерщвлении его плоти, можно сказать, что он словно бы бросил свое тело на произвол судьбы.

Мы уже упоминали в другом месте о мучительном страдании, которое он непрестанно претерпевал в своих нежных членах от множества докучливых насекомых, от коих ничуть не пытался избавиться. Напротив, как явствует из подлинного отчета из Лорето и наблюдений, сделанных здесь, в Риме, он, казалось, непреклонно жаждал этой странной муки, сколь тяжелой, столь и унижительной. Подробностей сего я не привожу, дабы еще более не оскорбить деликатнейший слух европейцев, и особенно наших итальянцев.

Полагаю, что после этого нет нужды добавлять что-либо иное, дабы доказать умерщвление его плоти.

Впрочем, сделаю одно замечание для тех, кто, быть может, меряя чужую добродетель мерою собственной изнеженности, усмотрел бы в этом предосудительную крайность. Слуга Божий был твердо убежден, что нашей растленной и гордой природе вполне приличествует подобное обращение: она достойна претерпевать эту муку как кару, заслуженную грехом. В этом он следовал правилу, усвоенному от некоторых святых созерцателей, которые не только учили сему, но и сами исполняли это на деле.

Вот с какой суровостью обращался со своим телом Бенедикт Иосиф Лабр посреди мира, став в этом подобным по духу знаменитому обитателю ужаснейших пустынь Египта, св. Илариону, коему подобен был и здоровьем, к которому не имел ни малейшего снисхождения. *Lenes erant genæ, delicatum corpus, & tenue, & ad omnem injuriam impatiens, quod levi vel frigore, vel æstu posset affligi* («Нежны были ланиты его, тело хрупкое и худое, и легко уязвимое, отчего даже малейший холод или зной могли повредить ему»), — писал об оном иноке величайший учитель св. Иероним (*Vita S. Hilarionis.*). И не иным было хрупкое здоровье нашего подвижника, как могут засвидетельствовать все, кто его знал.

ГЛАВА XIII. О его неустанном усердии и непрерывном упражнении в молитве.

Отрешенность от всего земного и непрестанное умерщвление плоти, о чем мы говорили выше, — это, согласно Божественным прорицаниям и мнению Учителей, два великих средства, приуготовляющих и располагающих душу к молитве.

Ибо в той мере, в какой сердце наше освобождается от земных привязанностей, оно становится способно к приятию небесных даров, сообщаемых в молитве; и сердце, гнушающееся чувственных наслаждений, соделывается достойным вкусить небесных угод, коими Небесный Жених обык исполнять души, отвергшиеся себя.

Поскольку же Бенедикт Иосиф до глубины освободил сердце свое от всякого земного помысла и совершенно умер для себя самого, молитва его была неопишима и силою обладала непостижимой. Она была поистине непрерывна, отчего мы по праву можем сказать: жизнь его была не чем иным, как непрерывной молитвой.

Отец наш св. Августин говорит, что среди подвигов благочестия нет ничего славнее и для жизни полезнее, нет ничего возвышеннее сего делания (*Tract. de mis.*, tom. 10). Это она [молитва] стяжает нам милость и благословения Неба, согласно неложным обетованиям Иисуса Христа (ср. Ин. 15:16).

Следуя порядку, различают два вида молитвы: одну называют устной, другую — умственной. С помощью обеих, как говорит св. Бернад, мы восходим на вершину лестницы *velut duobus quibusdam pedibus* («словно на двух ногах»; *Serm. 1 de S. Andrea*).

Что касается первой, то есть молитвы устной, то у Слуги Божия она всегда сопровождалась умственной. Ибо, вняв указаниям св. Терезы, превосходной наставницы в сем делании, он был убежден, что для совершенного исполнения первой невозможно отделить ее от второй.

Таким образом он начинал день с так называемого ежедневного упражнения (*esercizio quotidiano*), состоящего из различных изъявлений сердечного устремления (*atti di affetti*) и молитвословия.

Слуга Божий благодарил Господа за все благодеяния, ниспосланные не только ему, но и всему миру, затем произносил пламенные изъявления любви, складывая в них устремление в сей день любить Бога в каждое мгновение и во всех делах своих и моля Его помочь ему совершать всё по Его Божественному благоволению. Он приносил Верховному Благу свое сердце и обещал восполнить ту любовь и благодарение, коих не воздают Ему неблагодарные души — грешники и неверные; также он молился за них, дабы испросить им благодать обращения. Вслед за тем он выражал намерение стяжать все индульгенции, какие только сможет получить в течение этого дня, жертвуя их в помощь душам в чистилище. Кроме того, он молил Господа сохранить живой в его сердце скорбную память о Его Страстях, а самое сердце посвящал Ему следующей краткой молитвой:

«Любовь моя, Иисусе, Тебе отдаю сердце мое; возлюбленный мой Боже, вложи Страсти Твои в сердце мое».

Наконец, обращая свои мольбы к Пресвятой Марии, он просил Ее хранить его в сей день и всегда от всякого греха, поддерживать в нем любовь к Ее Божественному Сыну, а также испросить благодать обращения всех грешников и неверных, завершая свою молитву такими словами:

«Будь Путеводительницей всем нам в ныне и вовеки».

Его устными ежедневными молитвами были канонические часы по обряду Римского breviария, которым он пользовался, малая служба Пресвятой Деве, литании всем Святым, розарий и прочее.

Эти молитвы он читал, прерывая долгим молчанием, с величайшей сосредоточенностью, взвешивая каждое слово, и с присущим лишь ему одному рвением.

Дабы дать о сем некоторое понятие, почитаю уместным привести здесь два случая: один касается чтения Божественного оффиция, другой — чтения розария Пресвятой Девы.

Первый случай произошел в Лорето, как о том читаем в подлинном отчете, который я уже хвалил. Анджело Верделли, клирик, приставленный смотреть за лампадами в Святой Хижине, проводя по долгу службы большую часть дня в базилике сего города, имел случай наблюдать за Бенедиктом. Восхищенный скромностью паломника и его неустанными молитвами, что продолжались с утра до вечера, он вознамерился вступить с ним в беседу.

Посему он выбрал час, когда тот сидел на скамье (это было однажды вечером, после закрытия Святой капеллы), и, приблизившись к нему, читавшему Божественный оффиций, спросил:

— Вы читаете Божественный оффиций?

При этих словах Бенедикт Иосиф обернулся и взглянул на Верделли сурово. Тот, однако, ждал ответа, и Бенедикт сказал: «Да», — и умолк, продолжая чтение канонических часов. Верделли продолжил: «Сделайте милость, помолитесь и обо мне».

Бенедикт кивнул головой, дав понять, что ему не по нраву, когда его прерывают; посему Верделли удалился в некотором смущении.

Второй случай подтверждают нищие из приюта, где Слуга Божий ночевал по вечерам. Они заметили, что когда все сообща читали розарий (как принято делать там каждый вечер), Бенедикт Иосиф стоял на коленях, неподвижный, как статуя. Во время чтения его голос звучал необычайно вдохновенно, но порой он умолкал и, казалось, оставив чувства, погружается в

сладкий сон. Очнувшись, он устремлял взор на образ Пресвятой Марии (особенно во время пения литаний), так что казалось, будто он духом восхищен к сему образу.

Другие нищие, удивленные таким способом молитвы, знаками показывали друг на друга, как бы говоря: гляди-ка, вон Бенедикт — в экстазе.

Смотритель приюта, заметив это, пытался привести его в чувство, но тщетно. Наконец, он приказывал ему прийти в себя и молиться вслух вместе с другими.

Было видно, как Слуга Божий, услышав приказ, употреблял все свои силы, совершая над собою насилие, дабы повиноваться; но в конце концов снова отрешался от чувств.

Из всего этого ясно видно, каковы были глубинные чувства его сердца, когда он творил устную молитву, и тем паче — каковы были действия Святого Духа, когда он предавался созерцанию. Но об этом мы поговорим чуть позже.

Завершая же описание его устных молитв, кратко упомяну, как он заканчивал ими свой день.

Прежде всего, совершив испытание совести, он испрашивал у Бога прощения за прегрешения, в которые мог впасть в течение дня, творя такую молитву:

«Боже мой, поелику Ты — верховная Благодать, я всем сердцем каюсь, что оскорбил Тебя, ибо оскорбил Тебя, мое Верховное Благо; и ради любви к Тебе полагаю твердое намерение лучше тысячу раз умереть, нежели согрешить».

Затем, как и поутру, он вновь благодарил Господа, Которого с любовью именовал Женихом своей души, за все знаки любви, явленные ему в сей день.

Он вновь изъявлял намерение любить Его непрестанно и в эту ночь, даже во время сна; снова вверял Ему души в Чистилище и молился об обращении грешников и неверных, ради которого, как он утверждал, охотно пролил бы всю свою кровь. Он предлагал свое сердце Богу, дабы любить Его вместо них, и, наконец, выражал желание вложить сердце свое в Сердце Иисусово и в Нем почить.

Подобным же образом он вновь благодарил Пресвятую Деву за милости, испрошенные для него у Ее Божественного Сына в сей день. Ей он также поручал души в Чистилище и обращение всех грешников и неверных; Ей вверял свое сердце, желая любить Ее за всех даже во сне, заключая беседу с Нею словами:

«Под покровом Твоим желаю я спать».

Что же касается кратких молитвенных воззваний (*giaculatorie*), то они стали столь привычны Слуге Божию, что, как мы уже повествовали в другом месте, срывались с уст его время от времени даже во время его краткого сна.

Будучи твердо убежден в особой действенности, которую, по обетованию Иисуса Христа (Мф. 18:19), имеют молитвы общественные и церковные, он не упускал ни единого случая участвовать в них. Это обыкновение он усвоил, как мы видели в первой части сего повествования, с самого детства и сохранил его вплоть до смерти.

Во Франции он никогда не пропускал священных обрядов и Божественных служб. В Лорето всякий вечер, проведя день в непрестанной молитве во храме, он перед началом Божественного оффиция покидал свое убежище (обычно располагавшееся в среднем нефе, между епископской

кафедрой и скамьей каноников) и удалялся в одну из капелл, дабы там продолжить моление. Вечером же, когда запирали Святую Хижину, он входил в Святую Капеллу и вместе с народом отвечал на воззвания литаний и других молитв, которые зрители обычно читают при закрытии святыни.

Что же до Рима, то здесь не было такой церкви, где при совершении какого-либо священнодействия или общественной молитвы не видели бы Бенедикта Иосифа.

Так, к примеру, он никогда не пропускал новенну к Непорочному Зачатию Марии, что совершается ежегодно перед Ее праздником в церкви Свв. Апостолов, ни ту, что служитя в приготовление к празднику Рождества в церкви Сан-Сальваторе-ай-Монти, и тому подобные.

То же происходило и там, где народ собирался на благословение Святейшим Таинством, как это бывает каждый вторник в церкви Мадонны деи Форнари, а также дважды в неделю в церкви Мадонны деи Монти и в других местах.

Поистине, можно сказать, что в Риме нет такой церкви, где не видели бы Бенедикта. И всякий, кому об этом ведомо, изумляется: как он мог поспевать в столь многие и различные храмы? Но об этом речь пойдет далее, в более подобающем месте.

Довольно того, что мы привели здесь образчик его устной молитвы. Перейдем теперь к другой, именуемой умственной.

Учителя различают два рода умственной молитвы: одну — общую и обыкновенную [медитацию], другую — особеннейшую, необычайную и возвышенную, именуемую созерцанием. Последняя скорее приемлется, нежели творится, будучи безвозмездным даром Святого Духа, через который душа достигает мистического единения с Богом.

Наш Бенедикт Иосиф не был лишен сего драгоценного небесного дара; напротив, он был преисполнен им. Посему душа его достигла совершеннейшего единения со своим Небесным Женихом, что я намерен доказать.

И поелику существуют различные ступени этой внутренней молитвы, и первый вид располагает ко второму — то есть медитация к созерцанию, — начнем с него.

В первой части сего повествования уже упоминалось, сколь рано он предался этому святому деланию, которое Божественное Писание столь восхваляет и так настоятельно предписует, ибо оно отрешает нас от тварных вещей и соединяет с нашей конечной блаженной целью.

Едва войдя в возраст разума и научившись читать, он, водимый лишь наставлениями Святого Духа, еще отроком проводил многие часы в благочестивых размышлениях, обдумывая прочитанное в духовных книгах, для чего уединялся в отдаленных местах, так что домашним лишь с трудом удавалось его найти.

Сего святого упражнения он не оставлял никогда, несмотря на всё разнообразие обстоятельств его жизни. Напротив, с годами оно столь возросло, что он непрестанно пребывал погруженным в Бога.

Именно это влечение к уединенному и безмолвному размышлению о Божественных совершенствах, коими он был пленен еще в юности, влекло его в самые уединенные и молчаливые обители, как мы видели ранее.

Какой степени молитвы он там достиг, ясно свидетельствуют его внутренние муки, вызванные тем состоянием, которое учителя мистики именуют темной ночью или пассивным очищением.

Когда же дух Бенедикта оказался вполне расположен и приуготовлен к созерцанию полноты предивного Божественного Света, он был вознесен Богом на высочайшие ступени созерцания и удостоен тех сверхъестественных даров, которые оному обычно сопутствуют.

О них я буду говорить лишь постольку, поскольку о них можно судить по внешним знакам, опираясь на свидетельства других лиц.

Подлинный отчет из Лорето среди многих свидетельств о ревностной и непрестанной молитве Бенедикта Иосифа сообщает следующие подробности:

«По окончании месс он удалялся в уголок еще более укромный и там, когда церковь почти пустела, то припадая челою к земле, то возводя лик к Небу, исторгал пламенные воздыхания и порою бил себя в грудь».

Эти последние подробности подметили украдкой как Верделли, так и Валери, ибо место, которое занимал Бенедикт в часы между полуднем и вечерней, было столь укромным, что без особого ухищрения невозможно было увидеть, что он там делает.

По этому поводу Валери говорит, что однажды, подглядывая через решетку исповедальни за тем, что делает Бенедикт, он заметил, что лицо его раскраснелось и пылало, очи неподвижно устремлены к Небу, руки же простерты и воздеты, да и вообще он был словно бы вне себя. Валери показалось даже, что колени его более не касаются пола, но сам он приподнят над землей.

Случалось также, он замечал, что в часы, когда людей вокруг было меньше всего, Бенедикт затягивал веревку, которой был опоясан, туже, чем когда-либо, и наносил себе сильные удары руками в грудь.

Немало и здесь, в Риме, найдется свидетелей, достойных полного доверия, кои видели Слугу Божия вознесенным от земли во время молитвы в укромных уголках храмов.

Ибо, сколько бы он ни старался укрыться и как бы ни понуждал себя, дабы не обнаружилось внутренние действия Святого Духа, восхищавшего его к Себе, все же, по причине великой частоты сих восхищений и экстазов, ему не всегда удавалось утаить их ни осторожностью, ни силой.

Крайнее смущение овладевало им, если в душу закрадывалось хотя бы малейшее подозрение, что кто-то за ним наблюдает.

И действительно, некоторые замечали, что, возвращаясь из сладостного забытья, в которое был погружен, или приходя в себя после глубокого экстаза, или по прекращении восхищения, он в испуге озирался, высматривая, не заметил ли кто того, что с ним приключилось.

В другой раз, почувствовав, как некая сладостная и мощная сила влечет его в воздух, он изо всех сил ухватился рукой за край балюстрады. Человек, стоявший поблизости, слышал, как он зывал к Богу: «Господи, я требую от Тебя этой милости! Да, я требую ее!» Сими словами он молил Господа не допустить, чтобы он был восхищен зримо, дабы не открылось это окружающим.

Нелегко изъяснить, что совершалось в духе Слуги Божия во время сих возвышенных восхищений, и к каким тайнам любви приобщал эту душу Возлюбленный Жених в сокровенном единении, которое, можно сказать, было непрерывным.

Тем не менее, отчасти это станет явным из того, что мы скажем далее о сверхъестественных дарах, коими он был изобильнейше украшен.

И сему не должно дивиться, ибо молитвенная беседа его с Богом не прерывалась нигде и никогда. О времени же нет нужды говорить особо: из сказанного и так ясно, что он едва ли тратил его на что-либо иное, кроме молитвы.

Что же до мест, то достойно памяти, что он молился коленопреклоненно даже в сельских печах¹, где находил ночлег.

Мы уже упоминали, как в Лорето о. Гаспаре Валери подыскивал ему приют в деревне. От одной из таких печей он отказался именно потому, что внутри, из-за низкого свода, нельзя было стоять на коленях.

Тот же Валери узнал (как сказано в цитированном отчете), что ночами в этих сельских печах, уделив лишь краткие мгновения сну, он не делал ничего иного, кроме как молился. О том же свидетельствуют и супруги Сора, заключая сие из различных обстоятельств, кои они сами подметили.

Вкратце завершая столь обширную тему, повторим сказанное вначале: непрерывная молитва была единственным занятием Слуги Божия, и жизнь его по праву может именоваться непрерывным молением.

Durities genibus Camelorum in illo sancto corpusculo prae orandi frequentia obcalluisse perspecta est («При осмотре хрупких святых останков, обнаружилось, что от частого моления колени огрубели, уподобившись верблюжьим»; ср. Св. Иероним, *письм.* 23).

То же самое обнаружилось и на коленях Бенедикта Иосифа по смерти его (как увидим мы в свое время), однако в такой степени, что мозоли эти вздулись, образовав как бы два шара внушительной величины.

Мучение, которое он испытывал, стоя на коленях, было нестерпимым. Однажды он даже помыслил избавиться от мозолей, ибо они мешали ему подолгу стоять на коленях, как свидетельствует г-н Паоло Манчини, к которому он обратился с этим. Но узнав, что для излечения надлежит провести в постели несколько месяцев, он предпочел терпеть это мучительное неудобство до самой смерти, лишь бы не удаляться от церкви и привычного молитвенного подвига.

Велико было его усердие и влечение к молитве, которая, по слову св. Августина, является ключом от неба и стяжает нам все благодати!

И если, видя подданного, непрерывно и наедине беседующего со своим государем, говорят, что он в великой милости у повелителя и вершит с ним великие дела, то что скажем мы, узнав, что Бенедикт во всю свою жизнь не делал ничего иного, как непрерывно, доверительно и уединенно беседовал с Верховным Самодержцем Вселенной?

¹ В данном контексте речь идет о специфических реалиях итальянской (и французской) сельской жизни XVIII века. *Forni di smpagna* (сельские печи) — это отдельные каменные или кирпичные сооружения для выпечки хлеба, которые часто строили во дворе, в поле или на некотором удалении от жилого дома, чтобы избежать риска пожара в жарком климате. Это было небольшое крытое сооружение (вроде будки или маленького сарая), внутри которого находилась большая печь. Иногда это была просто массивная печь под навесом. Поскольку камень долго держал тепло после выпечки, бедняки и бродяги часто забирались на ночлег прямо внутрь остывающей печной камеры (устья) или в нишу под подом (где хранили дрова), чтобы согреться зимой.

ГЛАВА XIV. О его сердечном почитании Искупителя нашего Иисуса Христа.

Единственным Посредником между Богом и людьми является Господь наш Иисус Христос, Который есть *Путь, и Истина, и Жизнь* (ср. Ин. 14:6). Через Него восходят молитвы наши к Богу Отцу, и через Него нисходит на нас всякая благодать.

Глубоко проникнувшись сей истиной, Бенедикт Иосиф с самого детства питал горячее благоговение к Нему, непрестанно размышляя над Его деяниями и заповедями. Но паче всего уязвляли его сердце и пронзали душу жесточайшие Страсти Господни, ставшие неизменным предметом его самых проникновенных созерцаний.

Сие живейшее сострадание к скорбящему Иисусу побуждало его терпеть любые невзгоды; и всякое страдание казалось ему малым и легким в сравнении с муками Распятого Искупителя.

Любовь, горевшая в нем от непрестанного размышления о муках Христовых, была такова, что он не мог удержать ее в сердце своем. Она прорывалась в пламенных вздохах и восклицаниях, когда он полагал, что его никто не слышит: «Мне, мне, Господи, Крест Твой!»

Он не довольствовался размышлениями о жизни, страстях и смерти Иисуса, коим предавался во всяком месте, но часто посещал те святыни, где хранится какая-либо память о Нем.

Посему его постоянно видели в базилике Санта-Мария-Маджоре, у придела Яслей, ибо там хранятся колыбель и сено, на котором возлежал Младенец Иисус. Здесь он предавался размышлениям, что претерпел Божественный Искупитель на том сене и в тех яслях, когда пришел в наш мир.

По той же причине он часто, каждую неделю, посещал Святую Лестницу¹. Он выбирал время, когда там было безлюдно и легче всего можно избежать постороннего внимания, и восходил по ней на коленях, всецело погруженный в размышления о насмешках, поношениях и скорбной стезе Иисуса, ведомого к неправедному судье на осуждение к позорной смерти крестной. На это у него обычно уходило не менее часа.

Но и достигнув вершины, любовь его не утолялась: он продолжал молиться, простираясь ниц, и обходил стояния Крестного пути, находящиеся в соседней капелле.

Не с меньшим усердием посещал он и церковь Санта-Прасседе, где почитается колонна, у которой бичевали Господа нашего. Там, преклонив пред нею колена, он подолгу размышлял о бичах, покрывших ранами Его пречистое и достопоклоняемое Тело.

От сего размышления он приходил в такое умиление и сокрушение, что оставался недвижим, словно мертвый, то есть отрешившись от чувств. В этом убедилась одна особа, достойная доверия, которая, приблизившись и внимательно понаблюдав за ним, удостоверилась в сем.

Невозможно выразить словами его благоговение перед Иисусом в Пресвятом Таинстве. Именно оно стяжало ему имя, которым его называли знавшие его: «Нищий Сорокачасового поклонения» (*il Povero delle Quarantore*)², ибо его постоянно видели в церквях, где Святейшее Таинство было выставлено для всеобщего поклонения.

Ни дальность пути, ни проливной дождь, ни лютая стужа, ни чрезмерный зной не могли удержать его, хотя головной убор его был худ, одет он был скудно (как мы сказали в своем месте), а ноги почти не защищены.

Он проводил целые дни на коленях перед алтарем, и по внешнему виду его можно было догадаться о глубинном пожаре, пылавшем в его сердце. То он застывал, словно мраморное изваяние, то тяжело дышал, с томным взором и пылающим лицом, подобно небесному серафиму.

В таком положении он оставался до глубокого вечера, пока не давали знак всем покинуть храм перед закрытием.

Если же церковь не запирали, он оставался там на всю ночь, как это обычно бывало в храме Пресвятой Троицы паломников (*Santissima Trinità de' Pellegrini*), где в каждое первое воскресенье месяца выставляются Святые Дары для молитвы Сорока Часов, и храм остается открытым всю ночь.

В этом меня заверяет г-н Антонио Паннелли, который видел его там [в церкви] с позднего часа ночи, когда сам туда приходил, и до самого утра; он припоминает, что наблюдал сие также и в марте, предшествовавшем смерти [Бенедикта].

Сей свидетель, будучи подробно расспрошен мною об этом, поведал также, что однажды ночью он не заметил, что Бенедикт Иосиф находится рядом. Когда же тот слегка пошевелился, Паннелли в испуге обернулся, дабы увидеть, откуда исходит движение, и обнаружил Слугу Божия, укрывшегося меж колонн близ балюстрады главного алтаря.

Следует также отметить, что, с одной стороны, многие свидетели подтверждают, что видели его в базилике Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура вплоть до последнего времени постоянно дважды в неделю, а именно по средам и пятницам. Там он стоял на коленях в хорах, где совершается Крестный Путь, отдельно от других, по своему обыкновению; [видели его там] также с момента открытия дверей, что происходит вскоре после полуночи. С другой же стороны, достоверно известно, что все то время, пока он жил в приюте для нищих, он ни разу не опоздал возвратиться туда вечером около часа «Аве Мария» (и скорее раньше, чем позже), а также что он не выходил из упомянутого приюта ни ночью, ни до рассвета. Посему, случилось ли это посредством чудесного раздвоения его особы (билокации) (подобно тому, что пишут о св. Феликсе из Канталиче, которого в одно и то же время видели пашущим в поле и присутствующим в церкви на мессе), предоставляю судить другим.

Это сердечное почитание Иисуса в Святом Таинстве побуждало его каждое утро присутствовать на всех мессах, какие он только мог выслушать.

Кроме того, он питал особое влечение прислуживать священникам, совершающим литургию у алтаря. Сие началось у него, как мы видели, с самого детства, и он продолжал это благочестивое упражнение в течение многих лет, как свидетельствуют и его преподобие аббат Сантуччи, упомянутый в другом месте, и отец-настоятель Паджетти. Последний так пишет в своем отчете:

«Утром 14-го числа, то есть на следующий день, вернувшись в упомянутую церковь для совершения Святой Мессы, я снова встретил там Слугу Божия. Вскоре после того, как я вошел в ризницу, явился и он, изъявив желание принять Святое Причастие. Я уделил ему примирение [в таинстве Исповеди], или, лучше сказать, выслушал его, и с благословением отослал в церковь готовиться к Святому Причастию.

Пока я облачался в священные ризы, он вернулся в ризницу и спросил, не будет ли мне угодно, чтобы он прислуживал мне за мессой. Я согласился, и он прислуживал с искренним радением и с величайшим благоговением причастился за той же мессой. В итоге некоторые из тех, кто был на мессе, дождались моего выхода из церкви, дабы поздравить меня с тем, что настоящий святой прислуживал мне за мессой и у меня причастился».

В последующие годы, однако, он воздерживался от прислуживания священнику у алтаря, полагая непристойным делать это, будучи облаченным в столь рваное и нечистое одеяние.

Но более всего было примечательно его почитание Иисуса в Святом Таинстве, ибо он часто приступал к Священной Трапезе Евхаристии.

Он готовился к этому, храня величайшую чистоту совести, какая была для него возможна, и предпосылал тому долгие размышления о любви Иисуса, с которою Он установил сие всевысочайшее Таинство и в котором дарует нам Самого Себя в пищу.

В самый момент принятия Святой Частицы он таял в слезах умиления, и лик его воспламенялся, подобно лику серафима.

Всякий может вообразить, сколь пламенными чувствами горел Бенедикт и какие обильные дары благодати его обогащали и украшали, когда он принимал Иисуса в свое сердце. Благодарения его были весьма продолжительны; и в последующие дни он не переставал размышлять о любви Иисуса в Таинстве и о великом благодеянии, коего удостоился.

Для приготовления к Святому Причастию и для благодарения он обращался к святым размышлениям, что содержатся в трудах св. Людовика Гранадского; эту книгу он всегда носил с собой для сей цели.

Наконец, едва ли можно привести более великое и славное доказательство его сердечного почитания Иисуса в Святом Таинстве, нежели то знаменитое видение, о котором мы уже упоминали и о котором поведаем в свое время. В нем Господь, среди прочего, явил ему грядущее непочтение нерадивых богомольцев. Сие стало для Слуги Божия новым крестом, послужившим к вящему очищению его любви.

Посему, подобно Невесте из Песни Песней, он мог повторить: *Fasciculus myrrhæ dilectus meus mihi, inter ubera mea commorabitur* («Мирровый пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает»; Песн. 1:12).

И душа сия удостоилась наяву внять голосу Возлюбленного: *Ecce tu pulchra es, amica mea, ecce tu pulchra es, oculi tui columbarum* («О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные»; Песн. 1:14), — и услышать обетование тех почестей, коими, как мы видели, он был дивно прославлен после своей драгоценной кончины.

¹ *Святая лестница (итал. Scala Santa) — одна из самых почитаемых христианских святынь в Риме, находящаяся рядом с базиликой Сан-Джованни-ин-Латерано. Согласно древнему*

преданию, это та самая мраморная лестница из дворца Понтия Пилата в Иерусалиме, по которой Иисус Христос поднимался на суд в Страстную Пятницу. Считается, что она была перевезена в Рим в IV веке святой царицей Еленой, матерью императора Константина. Лестница состоит из 28 мраморных ступеней. Существует строгая благочестивая традиция, которую соблюдал и Бенедикт Иосиф Лабр: по этой лестнице верующие поднимаются только на коленях, читая особые молитвы на каждой ступени и размышляя о Страстях Господних. На вершине лестницы находится капелла Sancta Sanctorum («Святая Святых»), где хранятся многие реликвии и нерукотворный образ Спасителя. В тексте упоминается, что Бенедикт, поднявшись наверх, продолжал молитву в соседней капелле, так как сама Sancta Sanctorum обычно закрыта для входа (через решетку можно только смотреть).

² *Сорокачасовое поклонение (итал. Quarant'ore) — это католическая молитвенная практика, заключающаяся в непрерывном поклонении Святым Дарам (Евхаристии), торжественно выставленным на алтаре в течение 40 часов. Число 40 символизирует время, которое тело Иисуса Христа пребывало во гробе (от смерти в Страстную Пятницу до Воскресения). Практика зародилась в Милане в начале XVI века (между 1527 и 1537 годами) как общественная молитва о мире и защите от бедствий во время Итальянских войн. В Вечный город эту традицию принесли св. Филипп Нери и иезуиты. В 1592 году Папа Климент VIII буллой Graves et diuturnae установил для Рима «непрерывную молитву»: поклонение переходило из одной церкви в другую по установленному графику, так что в масштабах всего города молитва перед Святыми Дарами не прекращалась ни на минуту в течение всего года.*

ГЛАВА XV. О его сердечном почитании Богородицы Приснодевы Марии и святых.

Величайшие слуги Господа всегда отличались особым почитанием и любовью к Матери, Которая была дана нам Иисусом, Ее Сыном, когда Он умирал на кресте.

Довольно прочесть проповеди святых отцов, дабы уразуметь, сколь преисполнены были они этих чувств и как старались возжечь в верных любовь к Богородице, Коей воздают они величайшие похвалы. Достаточно перелистать жития святых, чтобы увидеть, что все они отличались этим почитанием, сила коего всегда соразмерна их святости.

Посему богословы справедливо числят почитание Марии среди знаков нашего предопределения и по мере возрастания сего почитания судят о верности такого предзнаменования.

Нелегко выразить словами, какой высоты достигло то нежнейшее сыновнее чувство, которое питал к Деве наш Бенедикт Иосиф. Я ограничусь тем, что приведу здесь некоторые доказательства, дабы дать о нем хотя бы некоторое представление.

Еще с детства он избрал Ее своей Матерью, питая к Ней самые нежные сыновние чувства и воздавая Ей самое благоговейное почтение.

Но с тех пор, как, повинувшись голосу Возлюбленного, призвавшего его покинуть отчий дом, блаженный отрекся ради любви к Нему от своей земной матери, он с особой ревностью обратил свою любовь к Матери Божией. С той поры он всегда носил на шее Ее розарий как зримый знак и свидетельство своего сыновства.

Миру это могло показаться своего рода показным благочестием; но я, познав тайники его души и зрело поразмыслив над этим знаком его любви к Богородице, так и не обнаружил в том ничего предосудительного.

Помимо ежедневного чтения розария, он вычитывал посвященный Ей оффиций и иные благочестивые молитвы, всячески стараясь выразить Ей свое почтение.

Достаточно было взглянуть на него, стоявшего на коленях перед Ее алтарем, чтобы распознать внутренние порывы его любви к Ней, ибо во взоре его время от времени проступали сокровенные чувства его духа. Сие наблюдал к великому своему назиданию я сам, и сие ведомо множеству свидетелей, которые постоянно видели его в церквях, посвященных Пресвятой Марии, особенно же там, где чтут Ее наиболее прославленные образы.

Однако излюбленными его церквями, по-видимому, были Санта-Мария-Маджоре и Мадонна-деи-Монти. К дверям последней, которые обычно отпирают рано поутру, он приходил с величайшей точностью. Войдя внутрь, он повергался ниц и предавался молитве перед образом, почитаемым на главном алтаре и столь славным в истории¹.

Отцы конгрегации Священотружеников² утверждают, что на протяжении восьми лет они видели его там постоянно: он подолгу пребывал в молитве неподвижно. Если быть точным, то четыре года его видели с одной стороны, где ныне находится его гробница, и другие четыре года — с другой стороны главного алтаря, посвященного упомянутому чудотворному образу.

Впрочем, едва ли можно представить более веское доказательство его сыновнего почитания Матери Божией, нежели те долгие, многочисленные и тяжкие паломничества, кои он предпринял ради любви к Ней.

Достаточно припомнить весь его путь, в точности описанный нами в первой части, и немного поразмыслить над ним, дабы заключить, что наш Слуга Божий явил в том пример поистине удивительный.

К этому столь выдающемуся почитанию Царицы Святых в последний год его смертной жизни прибавилось новое рвение. Случилось это после того, как в первый день января, в проповеди на миссии, которую я проводил в церкви Св. Людовика Французского, я предложил посвятить Великой Деве целый год жизни: пусть, мол, им станет этот новый год, что начинается нынче, — ведь, быть может, он окажется для нас последним.

Я изъяснил пользу от сего и указал способ, сославшись в остальном на наставление, содержащееся в книжице под заглавием «*Год Марии*».

Всякий может вообразить, какое действие произвело это предложение на сердце Бенедикта Иосифа, который слушал меня, прислонившись к лестнице кафедры; ибо он всегда сердечно внимал Слову Божию, готовый тотчас же исполнить его.

И действительно, с того самого мгновения он принял твердое решение посвятить Матери Божией каждое мгновение сего года. И было заметно, как день ото дня возрастало его усердие в почитании Ее, вплоть до праздника Ее Скорбей — того самого дня, когда я беседовал с ним в последний раз.

Мы уповаем, что наградой за сие стало его отшествие в том же году в блаженную вечность, дабы вместе с Богородицей общаться с благословенным плодом Ее чрева. Так исполнилось на нем обетование, которое Церковь относит к Ней: *Qui elucidant me, vitam æternam habebunt* («Те, что прославляют меня, будут иметь жизнь вечную»; Вульг. Сир. 24:31).

Наконец, нельзя умолчать и о том благоговении, которое сей Слуга Божий питал и открыто выказывал к святым небожителям, а наипаче к тем, кого почитал своими особыми покровителями: свв. апп. Петру и Павлу, св. Иакову Старшему, свв. Франциску Ассизскому,

Ромуальду, Николаю Чудотворцу и другим. Убедительным доказательством тому служат сами пути его паломничеств: он пребывал в непрестанном движении, переходя от одной обители к другой, дабы почтить драгоценную память сих угодников в их святилищах.

¹ Речь идет о знаменитой фреске Мадонны деи Монти (*Madonna dei Monti*), одной из самых почитаемых богородичных святынь Рима. Образ датируется концом XIV или началом XV века. Изначально это была фреска, написанная на стене монастыря клариссинок (или терциарок-францисканок), располагавшегося в римском районе Монти, недалеко от Колизея. Монастырь впоследствии пришел в упадок и был превращен в сеновал, а сама фреска оказалась скрыта под слоем сена и плюща. 26 апреля 1579 года в Риме случилось землетрясение. Здание сеновала содрогнулось, но стена с образом осталась невредимой. По преданию, когда сено убрали, открылся лик Богородицы, чудесным образом сохранившийся свежим и ярким. Однако главное чудо, связанное с обретением образа, — исцеление слепой женщины по имени Анастасья, которая прозрела, молясь перед этой фреской. Это событие вызвало огромный приток паломников. Слава чудес была так велика, что папа Григорий XIII приказал построить на этом месте церковь (архитектором был знаменитый Джакомо делла Порта, ученик Микеланджело). Фреска была аккуратно выпилена из стены вместе с куском кладки и помещена на главный алтарь новой церкви, освященной в честь Санта-Мария-ай-Монти. Именно в этой церкви и был похоронен св. Бенедикт-Иосиф (под алтарем в левом трансепте).

² Речь идет о Конгрегации священнослужителей (лат. *Congregatio Piorum Operariorum*, итал. *Congregazione dei Pii Operai*). Была основана в Неаполе в 1600 году (утверждена в 1621 г. папой Григорием XV). Ее основатель — дост. Карло Карафа (1561–1633), которого не следует путать с его известным родственником-кардиналом. Главной целью отцов было миссионерство, особенно в заброшенных сельских районах, помощь бедным, исповедь и утешение умирающих. Само название «Труженики» указывало на их призвание неустанно работать на «жатве Господней». В начале XVIII века (при Клименте XI) им была передана церковь Санта-Мария-ай-Монти, ставшая одним из их главных центров. Именно поэтому отцы этой конгрегации (настоятели храма) выступают в жизни как главные свидетели молитвенной жизни св. Бенедикта Иосифа Лабра, который проводил в их церкви целые дни и впоследствии был там похоронен. В 1943 году эта конгрегация объединилась с другой (Сельских катехизаторов) и ныне известна как *Pii Operai Catechisti Rurali* (Священнослужители — сельские катехизаторы, или миссионеры-ардорины).

ГЛАВА XVI. О сверхъестественных дарах, безвозмездно сообщенных ему Богом.

Благодаря непрестанной беседе с Богом и теснейшему единению с Ним, наш Бенедикт сподобился получить тот свет и те благодати, коими Господь наделяет лишь некоторые избранные души.

Едва ли можно отрицать, что душа Слуги Божия, о котором ведется рассказ, была в числе таковых. Сверх того, Господь сообщил ему дары, которые апостол св. Павел перечисляет в своем 1-м послании к Коринфянам (ср. 1 Кор. 12:4-11) и которые богословы именуют *gratis datae* (безвозмездно данные): таковы дар чудесных исцелений, дух пророчества, прозрение сердец и прочее.

Согласно учению все тех же богословов, сии дары могут сообщаться Богом даже тем душам, которые не пребывают в состоянии освящающей благодати (ибо они по большей части предназначены для пользы ближних, хотя обычно так не случается); посему они не являются непогрешимым доказательством святости лица, их приемлющего. Тем не менее, они служат

весьма веским доводом в пользу оной, принимая во внимание, что обычно Бог жалует ими только возлюбленные Свои души.

То, что Бенедикт Иосиф был в изобилии наделен этими дарами, ясно явствует из различных событий, уже упомянутых в разных местах сего повествования. Они особым образом показывают, что он обладал даром разумения, благодатью слова и даром ведения, посредством коих чудесным образом помогал своему ближнему в нужное время и в нужном месте.

Посему здесь я ограничусь лишь кратким изложением нескольких других примеров. Оставив в стороне различные чудеса мгновенных исцелений, которые, как говорят, были совершены Богом через него еще при его жизни, я перейду к рассказу о тех случаях, из которых, по-видимому, можно заключить, что он был наделен знанием вещей сокровенных и будущих, то есть духом пророчества.

Первое место среди них занимают свидетельства, которые содержатся в следственном деле, начатом в Лорето по приказу его преосвященства епископа того города; я приведу их здесь, не меняя ни слова.

«Валери, как уже говорилось, во время знакомства с Бенедиктом был клириком, но стремился к священству. Зная по опыту, что его брату, о. Луиджи, чинили препятствия, дабы помешать рукоположению, он имел веские основания опасаться того же и для себя.

Посему однажды он сказал Бенедикту:

— Вверяю себя вашим молитвам; ибо приближается время, когда я должен буду принять священный сан, и нуждаюсь в Божией помощи, дабы она отвратила те преграды, что могут воздвигнуть недоброжелатели моей семьи.

Тогда Бенедикт, с серьезным видом возведя очи к небу, ответил:

— Всё пройдет хорошо.

И действительно, Валери был возведен в сан без каких-либо помех и в этом отношении остался вполне доволен.

У Верделли, который также с давних пор чувствовал призвание к священству, но не мог его исполнить за неимением средств (titolo), необходимых для рукоположения, родилась мысль стать монахом и облачиться в хабит францисканцев-обсервантов в монастыре, именуемом «Ритиро» (Ritiro), что в Озимо (Osimo).

На это он получил от благочестивых людей вспомоществование, достаточное для приобретения всего необходимого; купил сукно для ряс, полотно для белья и прочее и, пройдя положенный искусы, уже ожидал назначенного дня пострига.

Тем временем прибыл Бенедикт, которому Верделли сообщил новость, что через несколько дней он станет затворником в обители Озимо.

Бенедикт устремил на него пристальный взгляд и покачал головой в знак отрицания.

— Неужто нет? — спросил Верделли.

Бенедикт лишь улыбнулся.

И в самом деле, несколько дней спустя со стороны его родственников возникло столько веских возражений, что Верделли понял: ему не суждено осуществить задуманное. Он оставил этот замысел и так и не стал монахом.

На следующий год Бенедикт вернулся и, найдя его на прежней должности лампадника, первым делом спросил:

— А как же «Ритиро»?

На что Верделли ответил:

— Возникло множество трудностей, которых я не смог преодолеть, потому я всё еще здесь.

Бенедикт заключил:

— Оставайтесь; Богу угодно, чтобы вы провели здесь еще некоторое время.

В 1782 году Бенедикт задержался в Лорето дольше обычного — дней на десять или пятнадцать. Верделли, зная, что возвращение Бенедикта в Рим близко, пожелал ему доброго пути и вручил несколько бумажных свертков с пылью от Святых Стен, с покровом, освященным в Святой Хижине, и с огарками свечей, горевших перед статуей Пресвятой Марии. При этом он сказал:

— До встречи в следующем году.

— Едва ли, — ответил Бенедикт.

— Как? Вы не вернетесь в следующем году? И мы не увидимся? — удивился Верделли.

— Если Бог даст, в рай, — добавил Бенедикт и удалился.

Тогда Верделли не уразумел, что слова Бенедикта были предсказанием смерти. Тем паче, что с приближением Страстной недели он узнал от супругов Сора, что те уже, как обычно, приготовили для Бенедикта постель и комнату. Посему он подумал: «Бенедикт сказал, что не придет в этом году: должно быть, он передумал; придет».

Однако утром Великой субботы текущего 1783 года с прибытием гонца стало известно, что Бенедикт в самом деле перешел в иную жизнь». А поскольку некий ребенок уже возвестил о его смерти (как мы расскажем в другом месте), в этом нельзя было не усмотреть явного предсказания.

Поелику очевидно, что Верховное Провидение попустило этим событиям совершиться ради прославления добродетели Бенедикта, и этому же способствует случай, весьма схожий с тем, что упоминается в жизнеописании св. Филиппа Нери, который заметил нечто подобное за св. Игнатием Лойолой, я не могу умолчать о нем здесь.

Рассказывают, что это явление наблюдали у Бенедикта Иосифа неоднократно; свидетелями тому были многие люди, видевшие сие своими глазами.

Один из них, свидетель весьма важный как по своему священническому сану, так и по многим иным причинам, поведал мне об этом на том самом месте, где он внимательно созерцал это чудо:

«В один из дней февраля месяца сего 1783 года, входя в передний портик церкви Свв. Апостолов с раскрытым зонтом (ибо шел дождь), я увидел Бенедикта Иосифа, стоявшего близ средних дверей упомянутого храма.

Он весь, с головы до пят, сиял ярким светом; сияние это было в точности подобно голубоватому пламени горящего спирта, коим пропитана пакля.

Я застыл, пораженный этим зрелищем, и остановился, внимательно рассматривая его в течение времени, потребного для прочтения "Аве Мария". Между в мыслях у меня звучало: "Что это за необычное и странное явление?"

Поскольку я все еще держал зонт над головой, то, усомнившись, не является ли это отблеском света от него, я сложил его и убрал за спину и с еще большим вниманием принялся изучать представшее мне явление.

В итоге я убедился, что это отнюдь не было отблеском от моего зонта, ибо я по-прежнему созерцал Бенедикта, всего в сиянии, в ореоле света, который с величайшим изобилием и яркостью изливался от его главы».

Дабы не затягивать повествование, приведу здесь лишь краткий пример того, о чем могу свидетельствовать как непосредственный участник и очевидец, предоставляя суждение благочестивому и рассудительному читателю.

С самого начала, как Бенедикт стал допускать меня в свой внутренний мир, я проникся к нему глубочайшим уважением. И вот, пришла мне мысль подарить ему некую духовную книгу под названием: «*Кающийся, ведомый к Судилищу Покаяния и к Священной Трапезе Евхаристии*», которую я издал несколькими годами ранее.

Но, поразмыслив, что книга эта не подходит к его духовному устройению, будучи предназначена скорее для начинающих, нежели для преуспевших, каковым был он, я воздержался от исполнения сего намерения и решил не давать ее ему.

И вот случилось так, что, придя ко мне спустя несколько дней, он в точности пересказал мне и первую мою мысль (о подарке), и второе решение (не давать его).

При этом внезапном обнаружении того, что таилось в сокровенной глубине моего сердца (ибо я не выказывал этих помыслов ни малейшим внешним знаком, и ведомы они были одному лишь Богу), признаюсь по истине: я был поражен и почувствовал, как лицо мое заливается краской стыда.

Тем не менее, я скрыл свое смущение, сочтя своим долгом поступить так, словно ничего из сказанного не уразумел.

Впоследствии, по мере того как мое уважение и моя любовь к сему бедняку окрепли, мне пришел на ум один помысел. Видя его в крайней нужде и вместе с тем совершенно чуждым корысти — ибо, в отличие от прочих нищих, он никогда ничего у меня не просил, — я рассудил так.

Хотя подавать милостыню в исповедальне не есть хорошее правило, тем не менее, принимая во внимание добродетель, скромность и усердие, с коими Бенедикт искал единственно освящения своей души, я мог бы без опасности оказать ему некое малое временное вспомоществование.

Я уже почти решился исполнить это свое намерение, но меня удержало одно соображение: хотя в настоящем и не было ни малейшей опасности корысти, я не мог знать, что может случиться в будущем, а потому решил, что лучше не отступать в этом от общего правила.

И вот случилось так, что спустя несколько дней, когда Слуга Божий снова пришел ко мне, первое, что он мне сказал, было точное изложение этого моего замысла: то есть, что я был готов подать ему некую милостыню, но затем решил этого не делать.

Здесь, как и в предыдущем случае, я был поражен, ибо и об этой моей мысли и намерении я не подавал ни малейшего знака; они оставались в тайнике моего сердца так же, как и первые, и не были ведомы никому, кроме Бога, Который есть единый Сердцеведец.

И на сей раз я скрыл свое смущение, тотчас возразив, что нахожусь здесь ради подаяния духовного, а не телесного, и что в подобных обстоятельствах духовному отцу не подобает заниматься раздачей временных благ.

Он же, словно в ужасе, отпрянул, а затем низко склонился в ответ на мои слова, опасаясь, быть может, что я заподозрил, будто он заговорил об этом с целью получить желаемое и что я, невзирая на свой ответ, все же смягчусь в будущем.

— Нет, отец мой, благодарю вас, — воскликнул он, — не подавайте мне милостыни; я не хочу ее и никогда не возьму.

Что касается дара проникновения в человеческие сердца и познания сокровенных тайн, коим явственно был наделен Бенедикт Иосиф, то сказанного доселе достаточно.

Однако я не могу уклониться от того, чтобы вкратце упомянуть одно его предсказание о будущем, которое Слуга Божий доверил мне в конце августа или, самое позднее, в начале сентября минувшего 1782 года, то есть примерно за восемь месяцев до своей драгоценной кончины.

Явившись ко мне, объятый необычайным святым ужасом, смущением и скорбью, он с величайшей неохотой дал мне понять, что ему было видение. А открылось ему, что по смерти его тело и гробница будут окружены несметной толпой народа, наперебой спешащего почтить его, и что ему будут возданы почести совершенно исключительные.

Более того, он видел, что Святейшее Таинство будет убрано, а огромная толпа сбежится и будет тесниться вокруг него, почитая его самого вместо Святых Даров; и что, наконец, близ самой его гробницы случатся некие кощунства или бесчинства. Здесь он в точности указал мне, каковы они будут, но я из соображений приличия не должен их называть, равно как по веским причинам умолчу и о других весьма важных обстоятельствах.

Если принять во внимание высочайшее благоговение Слуги Божия перед Святейшим Таинством и его глубочайшее смирение, станет ясно, сколь острая боль пронзала его сердце в предвидении тех бесчинств, кои неминуемо должны были произойти в суматохе стечения народа.

Что же до меня, то хотя я — зная его добродетель и неустанное стремление к совершенству — и был убежден, что Бог воистину прославит его перед миром чудесными знаменами, все же постарался, насколько мог, рассеять его страхи, говоря то, что в тех обстоятельствах подсказывало мне здравое благоразумие.

Выслушав меня, он, по своему обыкновению, с почтением склонил голову, и вид его выражал покой и умиротворение.

Свидетелем тому, как исполнилось это видение и предсказание, стал весь Рим, ибо сбылось оно в точности до подробностей.

Стечение народа для поклонения его телу и гробнице было огромным. Посему пришлось — вопреки моему мнению, о котором меня спросили, — перенести Святейшее Таинство во внутреннюю молельню коллегии, дабы предотвратить непочтительность, которая в противном случае была бы неизбежна.

Пришлось также — и вновь вопреки моему суждению, о котором меня опять вопрошали в присутствии многих лиц, — отложить торжественное выставление [Святых Даров] для молитвы Сорока Часов, назначенное по обычаю в печатном расписании на 25 апреля. В тот раз оно было совершено в церкви Св. Квирика.

Наконец, пришлось наводить строгий порядок, ибо там начались те самые кощунства, о которых упоминал Слуга Божий. В этом меня заверила сама особа, виновная в них. Впоследствии, осознав свой грех и раскаявшись, она после искренней исповеди предалась житию целомудренному и благочестивому.

В знак благодарности к Слуге Господню, которому она приписывает свое обращение, она желала, чтобы я даже предал ее имя огласке, однако я воздерживаюсь от сего по уважительным причинам.

Впрочем, всё, что относится к исполнению пророчеств Слуги Божия, станет яснее и предстанет в истинном свете, когда мы обратимся к обстоятельному повествованию о событиях, последовавших за его кончиной.

ГЛАВА XVII. О славе святости при его жизни.

Поелику среди особых даров, коими Господь благоволил почтить Своих слуг в сей смертной жизни, Учителя числят славу святости (*Fama di Santità*), — ибо она обыкновенно почитается за глас Божий, — и поскольку дар сей обещан Вечной Истиной, согласно написанному: *Quicumque glorificaverit me, glorificabo eum* («Всякого, кто прославляет Меня, прославлю»; Вульг. 1 Цар. 2:30), что подтверждается и опытом, заставляя Царственного Пророка восклицать: *Nimis honorati sunt amici tui Deus* («Весьма почтены друзья Твои, Боже»; Вульг. Пс. 138:17), — то полагаю уместным добавить здесь несколько слов о той славе святости, которой пользовался Бенедикт Иосиф еще при жизни.

На первый взгляд кажется явным противоречием говорить о славе святости человека, почти никому в мире не ведомого. И все же, если мы вникнем в суть, то обнаружим, что в отношении нашего Слуги Божия это совершенно истинно.

Благоприятное суждение, которое кто-либо составляет о человеке, именуется добрым мнением или уважением. Если же оно таково, что в силу сего суждения человека почитают святым, это есть понятие о святости.

Если таковое суждение выносится всеми или большей частью людей, наиболее рассудительных и добродетельных, оно именуется всеобщим мнением о святости.

Если, наконец, мнение это прочно и неизменно, оно зовется постоянным.

Такова и есть та всеобщая и постоянная слава святости, о которой мы говорим; возникает ли она из рассказов других, или образуется от наблюдения за добродетельными делами того, кого почитают святым, или же влагается [в сердца] Самим Богом.

Этой славой святости наш Бенедикт Иосиф обладал в полнейшей мере, пока жил среди нас на этой земле. Хотя плотский мир и не обращал на него внимания, или не придавал ему значения, или даже презирал его, как имеет обыкновение поступать со всеми, кто *желает жить благочестиво во Христе Иисусе* (1) (ср. 2 Тим. 3:12) и кто *не от мира* (2) (ср. Ин. 15:19); и хотя таким образом он был неведом миру, и сам старался оставаться сокрытым, и был таковым по причине отсутствия общения и разговоров с людьми, тем не менее, эта слава широко распространилась среди всех тех, кто общался с ним или наблюдал за ним со вниманием. Она происходила отчасти из наблюдения за его добродетельным поведением, а отчасти — от Самого Бога, Который внушал многим понятие о нем как о святом муже, даже если они видели его лишь единожды и мимоходом.

Однако слава эта не распространялась с шумом или громкой молвой; она проникала в сердца тихо и там разливалась. Так она постоянно возрастала, и великое множество людей хранило сие убеждение столь твердо, столь и сокровенно в глубине души, как то явно обнаружилось после его драгоценной кончины и как все ныне свидетельствуют.

О том, что слава святости нашего Слуги Божия была именно такова и пребывала неизменной во всякое время и среди людей всякого звания, с очевидностью свидетельствует как уже сказанное нами о его детстве, так и то, что я намерен добавить.

Что касается Франции, здесь следует упомянуть обширнейшие свидетельства, которые Слуга Божий не без Божественного промысла принес оттуда с собой и хранил при себе. Они ясно показывают, в каком уважении он был у граждан Аметта и Эрена, где он жил, и у приходских священников этих мест.

Не меньшим (насколько нам удалось узнать до сего дня) было уважение, которое питали к нему повсюду, где бы он ни оказывался, пусть даже проездом. Многие люди, движимые благоговейным почтением к нему, всячески старались войти к нему в доверие и залучить его себе домой.

А о том, что думали и говорили о нем в Фабриано в те пятнадцать дней, что он там пробыл, и как он тайно бежал оттуда, дабы укрыться от народа, громогласно величавшего его святым, мы уже видели в другом месте.

Мы уже видели также, с какими знаками почтения он был принят в двух монастырях, в Монтеккьо и в Монтелупоне, а также каким почтением его окружили в городе Лорето; посему я не буду повторять этого здесь, дабы не утомлять читателя.

Прежде чем перейти к рассказу о том мнении, которое составили о нем в Риме, добавлю лишь, что он обладал некоей неведомой притягательностью, коей привязывал к себе души тех, кому выпадала удача пообщаться с ним, пусть даже мимоходом. И привязывал так сильно, что они не могли расстаться с ним без сердечной боли, когда он уходил.

В подтверждение этого приведу свидетельство о Микеланджело Сантуччи. Он поведал мне, что, приняв у себя этого Слугу Божия на несколько дней (как о том говорилось в другом месте), при расставании с ним ощутил такую скорбь, что, проводив его немного по дороге, разразился безутешным плачем. Ему пришлось уединиться в своей комнате, чтобы дать волю слезам, так что домашние, заметив это, стали корить его в том, что он лишился рассудка.

Таковы были уважение и благоговейное почтение, которые он питал к святому, и так глубоко пленили его духовные качества гостя.

Но нигде о Бенедикте Иосифе не сложилось мнения более высокого, нежели в благодатном граде Риме, где он пребывал дольше всего, вплоть до самой кончины.

Его молитва, напоминающая экстаз, но чуждая всякой нарочитости; его постоянное пребывание в святых местах и участие в богослужениях во множестве храмов; та скромность, с которой он шел по улице; самый облик его, пусть неухоженный, но всегда исполненный благочиния, степенности, смирения и почтительности; то, что он не просил милостыни, а зачастую и отказывался от предлагаемой; и, паче всего, то, что он сам подавал ее, невзирая на собственную крайнюю нужду, — все эти и подобные им прекрасные качества, неизменно проявлявшиеся в его поведении, не могли не стяжать ему славы святого мужа в глазах тех, кто за ним наблюдал.

Впрочем, мнение это, как я уже говорил, по большей части оставалось сокрытым в тайне сердца; ибо не так легко представлялся случай поговорить о блаженном, ведь обычно мнение о нем составляли в церкви, где его наблюдали, так что было бы неуместно, как говорится, указывать на него пальцем.

Впрочем, не следует думать, что столь великое уважение и благоговение не проявлялись вовне явными знаками уважения, выразившимися в словах и поступках. И свидетельства тому подавал не один лишь простой народ, но и люди просвещенные, ученые, а также знатные по рождению, сану и положению.

Мы уже упоминали в другом месте о священнике, который, преклонив колени, лобызал его стопы. Многие люди прибегали к различным уловкам, дабы из благоговения отрезать хоть малый лоскут от его одеяния.

Один достойнейший священник, причисленный к хору¹ базилики Санта-Мария-Маджоре, свидетельствует, что однажды на широкой улице, ведущей от этой церкви к Монте-Кавалло (Квириналу), он видел Слугу Божию, преследуемого несколькими женщинами. Блаженный выказывал при этом такое огорчение, что, обернувшись к священнику, сказал:

— Чего хотят от меня эти женщины?

Священник же, оставшись понаблюдать, увидел, как они украдкой отрезали кусок его одежды на реликвию.

Подобным же образом другой священник того же хора, заслуживающий не меньшего доверия, рассказывает, что видел упомянутой выше улице, как за Слугою Божиим, шедшим от Монте-Кавалло к Санта-Мария-Маджоре, гналась женщина. Он свернул на дорогу к Сан-Витале, и женщина потеряла его из виду. Священник спросил ее, зачем она бежала за тем нищим, и она ответила:

— Я хотела отрезать у него кусок одежды.

Долго было бы рассказывать, какие ухищрения (пусть и тщетно) употребляла ради той же цели другая весьма достойная особа.

Некий синьор Ринальди, надзиратель за строительством, имел обыкновение говорить друзьям при встрече с Бенедиктом:

— Когда умрет этот нищий, зазвонят колокола, как по св. Алексею².

Ибо именно этим именем называли и величали его многие люди; и, услышав о его кончине, они повторяли: «Умер св. Алексей».

И действительно, упомянутый синьор Ринальди, зная о последней болезни Бенедикта, находился у себя дома. Услышав в час ночи [по итальянскому исчислению, т.е. вечером], как разом зазвонили все колокола — и даже колокола базилики Санта-Мария-Маджоре, что было необычно (ибо звонили лишь к молитвам, предписанным Его Святейшеством Владыкою Пием VI, благополучно поныне правящим), — он воскликнул, обращаясь к супруге:

— Несомненно, умер Бенедикт; умер тот святой.

Сие случилось вечером 16 апреля, в тот самый миг, когда Слуга Божий испустил дух.

Другой приметой, по которой узнавали Слугу Божию, было его неизменное присутствие в тех церквях, где Святейшее Таинство выставлялось для всеобщего поклонения, за что его и прозвали «Нищим Сорока Часов».

Посему, едва по Риму прошел смутный слух о кончине некоего нищего святой жизни, одни, не зная подробностей, говорили: «Это, несомненно, Нищий Сорока Часов»; другие: «Умер св. Алексей», или: «Умер Святой Бедняк», — подразумевая Бенедикта Иосифа. И по этой причине множество людей поспешило в церковь Мадонна-деи-Монти, чтобы увидеть его и удостовериться, тот ли это человек, о котором они думали.

Вид этого нищего (в чем мне признавались многие) рождал в сердцах тех, кто видел его впервые, чувство святого умиления и желание подать ему милостыню.

В связи с этим весьма достоин упоминания случай, происшедший с достойнейшим прелатом, монсеньором делла Сомалья, который я передаю в точности так, как слышал из его собственных уст.

Однажды, когда в церкви Санта-Мария-ин-Монтероне по ежегодному обычаю были выставлены для поклонения верующих Святые Дары, монсеньор находился на хорах. Взор его упал на сего нищего, который, преклонив колени перед Святейшим Таинством, молился столь назидательным образом, что привлек его внимание.

Вопреки своему обыкновению, прелат многократно оборачивался, чтобы взглянуть на него и рассмотреть его получше, хотя и сам пребывал в молитве. Однако на сей раз это первое впечатление не имело продолжения.

Но в следующем году, в тот же день и час, вновь оказавшись на хорах по тому же случаю, он опять увидел сего нищего, который на прежнем месте и в описанной выше позе неподвижно молился перед Святейшим Таинством. Монсеньор вновь стал рассматривать его и не мог насытиться этим зрелищем.

Отсюда родилось в нем желание подать ему милостыню, а также острое желание узнать, кто же этот столь ревностный и набожный бедняк, ибо ему казалось, что в этом человеке, несомненно, сокрыто нечто особенное.

И в самом деле, выйдя с хоров, он приказал своему слуге подстеречь этого нищего у выхода из церкви, подать ему монету в милостыню, а кроме того, подробно разузнать, кто он таков, и

собрать о нем все возможные сведения. Наконец, он велел предложить ему от своего имени некоторое постоянное вспомоществование, которое выплачивалось бы в определенные сроки.

Слуга повиновался, но ему пришлось ждать долгое время, покуда Бенедикт, утолив жажду молитвы, не вышел из церкви.

Наконец, когда Бенедикт вышел, слуга увидел, что он идет поспешно, и побежал за ним следом. Он начал расспрашивать его, но не смог узнать ничего, кроме того, что это чужеземец французской нации, ибо на все прочие вопросы тот не обращал внимания.

Видя, что дальнейшие расспросы бесполезны, слуга перешел к делу и спросил, не нуждается ли он в каком-либо пособии, ибо есть особа, готовая помогать ему, даже назначив постоянное содержание, если в том будет нужда.

Но Бенедикт учтиво поблагодарил его, сказав, что, слава Богу, ни в чем не нуждается. Тем не менее, он принял предложенную монету и продолжил свой путь, оставив слугу без тех сведений, кои тот желал получить и о коих должен был доложить по приказу своего господина.

Тогда слуга бросился расспрашивать других нищих, бывших у церкви, но и те не могли сказать ничего иного, кроме того, что этот бедняк — человек святой жизни.

Вернувшись к упомянутому прелату, он поведал ему о случившемся. Сей достойнейший господин был удивлен и получил еще большее назидание. И на то время дело тем и кончилось.

Когда же Слуга Божий скончался и слава о нем разнеслась по Риму, упомянутому прелату передали, что умер некий отшельник, почитаемый за святого, и что тело его выставлено в церкви Мадонна-деи-Монти.

Хотя имя «отшельник» могло ввести его в заблуждение (ибо Бенедикт не был отшельником, не носил соответствующего одеяния, и прелат не знал его как такового), тем не менее он тотчас приказал тому же самому слуге без промедления бежать в церковь Мадонна-деи-Монти, дабы проверить, не является ли усопший тем бедняком, к которому он посылал его несколько лет назад с упомянутым поручением.

Слуга поспешил туда и увидел, что усопший был вовсе не отшельником [в привычном смысле], а тем самым бедняком, о котором думал его господин. Вернувшись, он заверил его, что это именно тот, о ком он полагал и в ком желал удостовериться. И прелат еще более утвердился в том суждении, которое составил о нем с самого начала, как только увидел его в первый раз.

Сей случай не был единственным, и можно было бы привести тому подобные; но краткость, коей я решил придерживаться, не дозволяет сего. Достаточно и вышесказанного, дабы подтвердить, что одного вида Слуги Божия было довольно, чтобы внушить душам высокое уважение к его особе.

Поистине примечательно, что некоторые, лишь единожды узрев его и получив сие впечатление, тотчас сообщали о том друзьям и домашним, рассказывая, что видели в той или иной церкви святого. Они доходили в этом даже до споров и пререканий, не имея иного доказательства своему мнению, кроме того, что видели, как он благоговейно стоит в церкви.

Так, однажды, когда я пришел в некий дом, чтобы исповедать больного, мне довелось услышать слова: «У вас исповедуется святой». Тот, кто сказал мне это, не имел к тому иного основания, кроме того, что видел его мимоходом, когда тот беседовал со мною.

Также я доверительно сообщил некоему лицу, что во время моей проповеди среди слушателей находился святой (не называя имени). После смерти Слуги Божия мне было сказано: «Это, без сомнения, был тот самый святой, о котором вы намеревались сказать».

Прежде чем завершить эту главу, надлежит привести здесь свидетельство г-на Паоло Манчини, о котором мы уже многократно упоминали.

Именно он направил Бенедикта с письмами в два монастыря: в Монтелупоне и в Монтеккьо — написав, что посылает к монахиням святого, который всю свою жизнь проводит в молитве.

Первое его письмо привело в волнение весь монастырь в Монтелупоне: инокини окружили Бенедикта, прося его молитв, отчего всемирный Слуга Божий в смущении удалился, о чем мы уже повествовали выше.

Более счастливый исход имело второе письмо, в котором Манчини предупредил монахинь, чтобы они были осторожны и остерегались выказывать ему какие-либо знаки уважения.

Они тотчас поняли этот намек и потому ловко задержали блаженного, предложив поест. Тем временем они одна за другой вступали с ним в беседу, заводя речь о г-не Манчини (которого никто из них, за исключением одной, вовсе не знал).

Так они получили возможность и поговорить с ним, и сохранить как реликвию приборы, тарелку и все, чем Слуга Божий пользовался за трапезой. О сих предметах ныне пишут из того монастыря удивительные подробности, которые я воздержусь здесь приводить.

Наконец, завершая сие рассуждение, укажем на великое доказательство славы добродетели Бенедикта: во всем многочисленном народе Рима не нашлось никого, кто мог бы усмотреть в нем хоть малейший порок или произнести о нем худое слово.

Именно сие доказательство приводит Святой Дух, указуя на то великое почтение, коим была окружена в народе Ветилуи славная Иудифь: *Et erat hæc in omnibus famosissima; quoniam timebat Dominum valde, nec erat, qui loqueretur de illa verbum malum* («И была она у всех в великой славе, потому что боялась Господа очень, и никто не отзывался о ней худым словом»; Вульг. Иудифь 8:8).

Столь же удивительна широта и всеобщность этой славы, если принять в рассуждение, что речь идет о человеке, который, можно сказать, почти всецело удалился от людского общества.

Посему полагаю, что всякому, кто основательно поразмыслит над сказанным, станет очевидна истинность утверждения: Бенедикт Иосиф при жизни был человеком одновременно безвестным и славным святостью своего жития.

¹ Здесь слово «хор» (*Coro*) употребляется не в современном смысле (как группа певцов-музыкантов), а в литургическом значении, характерном для крупных католических базилик. Хор — это часть храма (обычно за главным алтарем или перед ним), где установлены ряды сидений для духовенства. Священники, «причисленные к хору» (*addetto al Coro*), — это клирики (каноники или бенефициарии), в чьи прямые обязанности входило ежедневно собираться там в установленные часы для совместного пения или речитативного чтения Литургии Часов (Божественного оффиция).

² Св. Алексей, Человек Божий (конец IV - начало V в.), сын знатного римлянина, который после женитьбы покинул дом, жил в нищете в Эдессе, а затем вернулся в Рим, где 17 лет прожил

под лестницей в родительском доме, не признанный близкими, пока его мощи не были обретены и прославлены. Память 17 июля.

ГЛАВА XVIII. О его драгоценной смерти.

Смерть, согласно Божественному Писанию, есть эхо жизни (ср. Вульг. 2 Кор. 1:9). Оттого обычно и получается, что какова была жизнь человека, такова и его смерть: как греховная жизнь ведет к смерти лютой (ср. Пс. 33:22), так жизни добродетельной соответствует смерть драгоценная (ср. Пс. 115:6).

Истина сия многократно повторяется Святым Духом в Божественных прорицаниях и Отцами, но мир ее понимает слабо.

Оттого нечестивцы, часто видя, как подобные им завершают свои дни, окруженные всеми прекрасными видимостями святости, нимало не сомневаются, что таковы они и пред Богом. Сие придает им смелости коснеть в своих беззакониях, ибо они убеждены, что, хотя и живут как грешники, всё же сподобятся смерти праведников.

Хуже того, они взирают с презрением, если кто-то из праведников лишен таковых внешних признаков, как молвит Святой Дух: *Visi sunt oculis insipientium mori, & aestimata est afflictio exitus illorum, & quod a nobis est iter, exterminium* («В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и шествие от нас — уничтожением»; Прем. 3:2-3).

Древним не казалась славной кончина Предтечи, хотя Христос Господь и превознес его превыше всех святых. То же можно сказать о смерти св. Алексия в последующие века и св. Франциска Ксаверия, апостола Индии, в недавние времена. Все они окончили дни свои в уничижении: кто в грязной темнице, кто в темном углу дома, кто на пустынном острове, покинутые близкими и небрежно призываемые чужеземцами.

Но Святой Дух снова глаголет: *illi autem sunt in pace* («но они пребывают в мире»; Прем. 3:3) (1).

И если даже безвременная и неожиданная смерть постигает кого-то из них во цвете лет, он обретается в месте истинного блаженства (ср. Прем. 4:7). Ибо почтенная старость заключается в нравах, и для нее не требуется долготы жизни, и не числом лет она исчисляется (ср. Прем. 4:8).

«Мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости» (ср. Прем. 4:9). Такой человек, в краткое время достигнув конца, должен почитаться *исполнившим долгие лета* (ср. Прем. 4:13)

Сей Божественный глагол, по-видимому, с полным основанием можно отнести к Слуге Божию Бенедикту Иосифу Лабру, похищенному безвременной и почти внезапной смертью в самом расцвете, то есть в возрасте тридцати пяти лет.

Конечно, тот, кто станет рассматривать его кончину очами плоти, без должного рассуждения, не найдет в ней ничего особенного или необычайного.

Внезапность недуга, сразившего его; скорая потеря чувств, лишившая его возможности принять какое-либо иное духовное утешение, кроме таинства последнего помазания и молитв священников с горсткой благочестивых людей; наконец, сама кончина, настигшая его спустя несколько часов в беспомощности, в доме мясника — всё это являет картину, далекую от того, как мир представляет себе смерть святых.

И все же, если мы воззрим духовными очами и рассудим здраво о том, что предшествовало ей, сопутствовало и последовало за нею, то обнаружим в сей смерти стечение обстоятельств поистине дивных и назидательных. Мы увидим кончину, всецело сообразную его добродетельному житию.

Ибо мы видим, что началом сей смерти была любовь, спутницей — смирение, а у порога ее увенчала слава Христова.

Так счастливо исполнился его прекрасный замысел: во всем уподобиться Иисусу. Жизнь Спасителя прошла в лишениях, смерть Он принял в унижении и бесчестии, слава же Его воссияла от Гроба: *Et erit Sepulcrum ejus gloriosum* («И гроб Его будет славен»; Вульг. Ис. 11:10).

Сие сбылось и над гробом Бенедикта Иосифа во святые дни Пасхи нашего Божественного Искупителя.

Как уже было сказано в предыдущей главе, в последний год земной жизни рвение нашего Бенедикта Иосифа возросло безмерно. Еще с минувшего сентября я замечал, что он мало-помалу угасает из-за сурового обращения с собственным телом.

Правда, я смягчил его правила касательно пищи, повелев ему вкушать любую похлебку (ибо даже сию пищу он принимал не каждый день и выбирал лишь самую неприглядную, о чем пространно говорилось в ином месте); однако подобное послабление уже не могло спасти его от близкой смерти.

Тело его было изнурено и истерзано бесконечными странствиями, совершаемыми во всякую пору, будь то лютая зимняя стужа или палящий летний зной. Почти всегда оно оставалось неподвижным — в молитве на коленях или стоя. Оно было мучимо, или, вернее сказать, заживо пожираемо докучливыми насекомыми, кои в последнее время расплодились в невероятном множестве, питаясь его плотью, чему он ничуть не препятствовал. К этому добавились два огромных нароста на коленях, возникшие от постоянного коленапоклонения; лечить их он отказался, дабы не разлучаться с церковью, ибо врачевание приковало бы его к постели, к которой он с ранних лет питал отвращение. Сие тело, распинаемое столькими способами и столь долгое время, не могло наконец не изнемочь под бременем креста, который он добровольно возложил на себя и с чрезвычайным мужественм нес доселе.

К этому добавился пост, соблюдаемый им в эту последнюю Четыредесятницу с необычайной строгостью, и великий голод, до крайности ослабивший его желудок. Он даже не воспользовался папским разрешением на послабление поста, дарованным Риму¹, прибегнув к нему лишь накануне смерти. Тогда, видя, что он падает от крайнего истощения, некая благочестивая особа убедила его съесть пару яиц, сваренных вкрутую, и подмешать в воду немного уксуса, дабы хоть немного укрепить желудок.

Столь великая суровость, говорю я, непременно должна была привести его к смерти, весьма скорой и преждевременной.

Впрочем, если рассудить здраво, то едва ли одна лишь внешняя суровость покаяния так скоро истребила и разрушила его плоть.

Во-первых, несомненно, что скорбь, испытываемая при виде поругания любимого, соразмерна любви и привязанности к нему. А потому, чем чище и пламеннее любовь, и чем тяжче и многочисленнее наносимые предмету любви оскорбления, тем сильнее возрастает страдание любящего.

Во-вторых, столь же несомненно и подтверждено многократным опытом, что горчайшая скорбь духа может стать прямой и действенной причиной тягчайших недугов и даже смерти, особенно у людей, от природы обладающих слабым сложением.

Так вот, душа Бенедикта Иосифа (который был весьма хрупкой комплекции), душа, говорю я, исполненная благодати и добродетели, по причине пламеннейшей любви к Богу и ближнему (и я могу со всей достоверностью уверить в этом каждого), непрестанно умирала, пронзаемая острой болью при виде того, как Бога оскорбляют грехами мира.

В особенности же, как блаженный сам говорил, он сокрушался из-за ересей и неверия, из-за роскоши и соблазнов, из-за осквернения церквей и нарушения постов, заповеданных Церковью, нашей Матерью, и наипаче постов Четырехдесятницы. Он страдал, размышляя о праведном гневе Божиим на нас за сии грехи и зная, что множество душ оттого обрекается на вечную погибель.

Одним словом, именно это влекло его в тяжкие странствия по святым местам. Это побуждало его многократно приносить себя в жертву и в конечном счете привело к тому, что он своим добровольным уничтожением принес жертву умилоствления, дабы утишить гнев Божий.

Итак, в Великую среду, 16 апреля того же 1783 года, совершив по своему обыкновению долгую и пламенную молитву, он около 13 часов утра внезапно впал в смертельное изнеможение. Его увидели лежащим почти без чувств на ступенях у входа в его любимую церковь Мадонна-деи-Монти, которую он с тех пор, как обосновался в Риме (то есть около восьми лет), усердно посещал с самого открытия дверей и до позднего часа, слушая мессы, молясь и внимая Слову Божию.

Сбежались люди, чтобы помочь ему. Он попросил воды для подкрепления сил, и ему принесли стакан. Взяв его в руки, он с пламенными вздохами и возведя очи к небу, благоговейно вознес его в жертву Господу.

Испив воды, он снова возвел угасающий взор горé и воздел руки в знак благодарения, словно получил величайшее утешение, какое только возможно в этом мире. Об этом назидательном случае мне со слезами поведал очевидец, г-н Карло Антонио Мария Ринальди.

Поскольку же Слуга Божий пребывал в таком состоянии, что от слабости не мог более подняться с земли, кто-то милосердно предложил отнести его в больницу, но больной отверг это предложение.

Многие предлагали ему свое жилище и учтиво приглашали к себе в дом, но он смиренно благодарил всех, отказываясь.

И вот подошел Франческо Дзаккарелли, мясник с Монти (живший напротив казарм корсиканских солдат, неподалеку от упомянутой церкви), человек порядочный и расположенный к Слуге Божию. Как он сам мне рассказывал, обратился он к блаженному с такими словами:

— Бенедикт, вам худо, нужно о вас позаботиться. Хотите пойти ко мне домой?

При этих словах святой открыл глаза, пристально посмотрел в лицо Франческо и ответил:

— К вам домой? Да, хочу пойти.

Итак, подхватив больного (сначала его поддерживал Дзаккарелли, а затем и другие, призванные на помощь), его отнесли в дом упомянутого благодетеля. Тот немедленно распорядился положить его на кровать, прямо в одежде, в которой он был.

Поначалу полагали, что недуг его есть лишь следствие слабости, которую легко исцелить подкреплением сил. И действительно, ему дали пищи, и притом в избытке; но сие, вероятно, послужило лишь к большему его изнеможению, учитывая крайнюю ослабленность его желудка.

Хотя больной и принял сие подкрепление, он по-прежнему пребывал в крайнем упадке и совершенно лишился сил. Видя это, преподобный отец Печилло из конгрегации Священнотружеников (иерей весьма достойный и исполненный милосердия, находившийся там же) решил взбодрить его чем-нибудь сытным, а именно — кусочком бисквита, омоченным в вине. Однако Бенедикт не смог его проглотить.

Упомянутый отец не преминул спросить его, давно ли он приступал к исполнению своих духовных обязанностей [исповеди и причастия]. Бенедикт ответил, что недавно.

И это была правда; ибо, как мы сказали выше, последнюю исповедь он принес мне пять дней назад, в Пятницу Страстей. В тот день он причастился в церкви св. Игнатия у алтаря Святейшего Распятия, приняв Дары из рук священника о. Бальдуччи, обычно служащего в той церкви.

Более того, он снова причастился в базилике Санта-Мария-Маджоре в Пальмовое [Вербное] воскресенье, как сообщил мне г-н Паоло Манчини. Наконец, есть некоторые основания полагать, что он снова причастился незадолго до того, в то самое утро, в церкви Мадонна-деи-Монти, но полной уверенности в этом нет.

Тем не менее, отец перешел к вопросу, нет ли у него чего-нибудь на совести. Слуга Божий ответил, что, благодарение Господу, нет ничего, что тревожило бы его, и что он спокоен.

Однако говорить он мог уже с трудом, и времени преподать ему Святое Напутствие не оставалось. Ибо вскоре после того, как принял упомянутую пищу, он полностью лишился чувств, и дыхание его стало весьма тяжелым. Посему побежали звать настоятеля церкви Сан-Сальваторе-ай-Монти. Тот, будучи несколько нездоров, прийти не смог и прислал своего викария.

Сей последний прибыл около шестнадцати с половиной часов [по итальянскому исчислению] и, найдя больного в беспамятстве и, следовательно, признав его совершенно неспособным принять иную помощь, решил укрепить его таинством Последнего помазания, что и было исполнено около полудня.

Позднее викарий, как он сам мне рассказывал, возвращался к умирающему еще четыре раза и всегда находил его в том же состоянии, причем силы его стремительно угасали.

Всё это время у одра болящего неотлучно находились отцы из Покаянной конгрегации Иисуса Назарянина (Congregazione della Penitenza di Gesù Nazareno). Сменяя друг друга, они не оставляли его с полудня, когда их позвали, и вплоть до самой его кончины.

Первым из них явился многопреподобный отец Антонио Тапиес, настоятель их обители. Хотя он трапезовал, однако тотчас встал, прервав обед, дабы первым поспешить на помощь умирающему. В девятнадцать часов [ок. 2 часов пополудни] его сменил о. Анджело Питтаторе,

а в двадцать три часа [ок. 6 часов вечера] — о. Андреа Адами, который оставался с ним до последнего мгновения.

Когда приблизился конец, присутствующим предложили преклонить колени и прибегнуть к заступничеству Марии, читая литанию.

И вот, во время чтения, при словах: *Sancta Maria, ora pro eo* («Святая Мария, молись о нем»), без малейшей судороги или обычного предсмертного борения, сей славный Ее почитатель мирно испустил дух.

Почил же он в возрасте 35 лет и 21 дня, ровно в час ночи [т.е. через час после заката] Великой среды, 16 апреля сего 1783 года.

Это произошло в то самое мгновение, когда зазвонили все колокола, призывая к чтению *Salve Regina* — молитвы, которую наш ныне благополучно правящий Владыка [папа] повелел возносить, дабы испросить у великой Матери Божией помощи в нуждах Святой Церкви².

¹ В феврале и марте 1783 года (незадолго до Великого поста и во время него) на юге Италии (в Калабрии и на Сицилии) произошла серия мощнейших землетрясений, известных как «Великое калабрийское землетрясение». Хотя эпицентр находился южнее, толчки ощущались и в Риме, вызвав панику среди населения. Кроме того, в Рим хлынули беженцы, и город испытывал экономические трудности и нехватку продовольствия из-за нарушения поставок с юга. Ввиду общественного бедствия, страха и нужды, Папа Пий VI счел нужным облегчить бремя верующих, дозволив употребление скоромной пищи (в частности, яиц и молочных продуктов, а также и мяса в определенные дни) во время Четырдесятницы того года.

² Это выражение («нужды Святой Церкви») в контексте весны 1783 года указывает на два главных кризиса, с которыми столкнулся Папа Пий VI. 1. Последствия Великой катастрофы (Землетрясение); 2. Политическое давление на Церковь (Иосифизм): в более широком смысле Церковь находилась в тяжелом положении из-за политики императора Австрии Иосифа II. Он массово закрывал монастыри, вмешивался в литургию и управление епархиями, стремясь подчинить Церковь государству. Всего за год до смерти Бенедикта (в 1782 г.) Пий VI совершил унижительную и трудную поездку в Вену («путешествие в Каноссу наоборот»), пытаясь отговорить императора от антицерковных реформ, но напряжение в 1783 году все еще сохранялось, и угроза раскола или подчинения Церкви светской власти была реальной «нуждой», о которой молились верующие. Таким образом, звон колоколов призывал к молитве как о спасении от стихии, так и о спасении самой свободы Церкви.

ГЛАВА XIX. О различных примечательных событиях, случившихся до и после смерти Слуги Божия, о его погребении и о том, что при сем произошло.

Такова была кончина Слуги Божия Бенедикта Иосифа Лабра; кончина, всецело соответствовавшая его сокровенной жизни, и драгоценная пред очами Господа (ср. Пс. 115:6).

Однако Бог, Который в высочайших замыслах Своих доселе хранил его в сокровении, ныне внезапно изволил прославить его различными способами и знаменами, ясными и несомненными.

Уже за пятнадцать дней до того, как сей Слуга Господень перешел от жизни сей, одна инокиня, известная благочестием (имевшая счастье беседовать с ним о духовных предметах во время одного из паломничеств в Лорето), получила, как сама сказывала, извещение от Господа. Ей

было открыто, что вскоре будет сорван цветок из сада г-на Паоло Манчини, сиречь из приюта для бедных, коему он попечительствует.

Она сообщила об этом письменно тому же Манчини еще до кончины Бенедикта Иосифа, добавив, чтобы он наблюдал, кто окажется этим цветком. По смерти же Слуги Божия она вновь написала, извещая, что цветок, о котором она сообщала ранее, был Бенедикт Иосиф Лабр, коего Господь уже перенес в сад небесного Сиона.

Подобное же предзнаменование было дано в Лорето г-ну Гауденцио Сора и его супруге, о чем они сами дали показание, заверенное публичным нотариусом. Именно в их доме в последние три года Слуга Божий находил приют во время паломничеств к Святой хижине в Лорето.

Я приведу это свидетельство их собственными словами, которые звучат так:

«Во время прошедшей Четырдесятницы, когда мы беседовали о названном Бенедикте, говоря, что приближается время его прихода, наш сын по имени Джузеппе, в возрасте пяти лет и четырех месяцев, возразил:

— Бенедикт не придет, Бенедикт умирает.

И всякий раз, когда заходила речь о приходе Бенедикта, наш сын повторял те же слова. Так, в другой день при подобном разговоре он дал тот же ответ. Когда же его спросили, откуда он знает, что Бенедикт не придет, мальчик ответил:

— Мне говорит сердце.

И сколько бы раз его ни спрашивали, он всегда отвечал: "Мне говорит сердце".

Итак, в Великий Четверг текущего 1783 года, в ожидании прихода упомянутого Бенедикта, я, Барбара, сказала в точности следующее:

— Сегодня должен прийти Бенедикт; надо бы прибрать его комнату.

На что упомянутый Джузеппе тотчас возразил:

— Я же говорил вам: Бенедикт не придет. Бенедикт отправился в рай.

Когда же наших краев достигла весть, что преждеупомянутый Бенедикт перешел в иную жизнь, а вышеназванный сын наш Джузеппе вернулся из школы, ему сказали:

— Пеппе, Бенедикт идет!

Он же немедля ответил:

— Ой, как же, идет! Говорю вам, что Бенедикт умер, Бенедикт отправился в рай.

Сие свидетельствуем мы как лично нами виденное и слышанное; и в удостоверение истинности имевших место событий составили сей акт...»

Не преминул Господь и здесь, в Риме, устроить хвалу Имени Своему из уст младенцев (ср. Пс. 8:3) по случаю драгоценной смерти Своего Слуги.

Ибо, едва Бенедикт Иосиф испустил дух в доме мясника (как мы описали выше), как в тот же вечер дети на соседней улице начали громко кричать:

— Умер святой! Умер святой!

И на следующее утро те же возгласы слышались на той улице и на площади перед церковью Мадонна-деи-Монти.

Вслед за детьми возвысил голос и весь римский народ, подтверждая слова делом. Доказательством тому служит всеобщее необычайное волнение, равного которому не запомнят старожилы Святого града.

Ибо, хотя здесь скончалось множество слуг Божиих, прославленных еще при жизни святостью и чудесами, не думаю, чтобы когда-либо — в нынешнем ли веке или в минувших — доводилось видеть то, что последовало за кончиной сего бедняка.

Едва на следующий день весть о блаженной кончине Слуги Божия разнеслась по Риму, как весь город пришел в движение. Повсюду повторяли: «Умер святой!»

Перед домом мясника уже теснилась толпа, жаждавшая войти и узреть тело усопшего. Пришлось призвать солдат, дабы сдерживать натиск и охранять двери, пока шли приготовления к перенесению тела в церковь Санта-Мария-деи-Монти. Церемонию эту, устроенную иждивением упомянутого благодетеля [Дзаккарелли], надлежало совершить с подобающей торжественностью, что и было исполнено.

Достоинно внимания то, как Бог устроил, чтобы Слуга Его был погребен именно в этой церкви, которую он посещал чаще других и где в течение многих лет его видели молящимся на коленях.

Едва жители квартала Монти узнали о смерти Бенедикта Иосифа, некоторые из них, собравшись вместе, отправились к о. Пальме, ректору коллегии при названной церкви, и заявили ему, что непременно желают видеть его погребенным именно там.

Сей отец ответил, что это невозможно без разрешения приходского священника (коим считался настоятель Сан-Сальваторе), и посоветовал им самим постараться исходатайствовать оное. Однако упомянутый настоятель почел за благо отказать.

Но люди не успокоились, хотя о. Пальма и пытался отговорить их от этого намерения. Выяснив, что тело Слуги Божия находится в доме, принадлежащем не этому приходу, а приходу Сан-Мартино-ай-Монти, они тотчас отправились к настоятелю последнего.

Они сумели так убедительно изложить дело, что получили от него весьма учтивое письмо к отцу ректору [Пальме], в котором того просили сотворить милость и принять усопшего Бенедикта Иосифа в своей церкви, предав его там погребению.

Все вернулись радостные, получив согласие от отца ректора, который охотно дозволил принять тело в своем храме; и тотчас начались приготовления к сему.

Между тем народ, с нетерпением ожидавший выноса тела, умножился безмерно, так что возникло опасение, как бы в давке не случилось беспорядков. Пришлось удвоить число солдат для сдерживания толпы и охраны процессии, которая прошла благополучно, сопровождаемая всеобщим воодушевлением.

При виде тела одни плакали от умиления, другие восклицали, повторяя хвалы усопшему и завидуя его счастливому уделу.

Нашелся и такой, кто при одном лишь взгляде на усопшего ощутил жгучий укор совести за свою порочную жизнь. Сей укор, как поведал мне сам этот человек, послужил благодатным началом его обращения, которое завершилось на следующий день: движимый благоговением, он прикоснулся к руке святого и в тот же миг почувствовал, что совершенно переменился внутренне.

На следующий день, поскольку это был Великий Четверг, тело нельзя было выставить в церкви из-за священных обрядов, совершаемых в это торжество, а потому его держали сокрытым в помещении, смежном с ризницей.

Так как никто в той части города не знал, что я был духовником усопшего, меня не известили о его смерти. Единственным, кому Слуга Божий доверил эту тайну — то, что я его духовник, — был о. аббат Манчини.

Он-то и прислал мне записку с известием рано поутру в Великую Пятницу. Получив ее, я тотчас поспешил увидеть усопшего.

Я нашел его уже в окружении великого множества народа, которого непрестанно прибывало, отчего становилось все теснее. Невозможно выразить волнение, охватившее весь город, а стечение народа с каждым часом все возрастало.

Туда сходились люди всякого звания, сословия и состояния, так что солдаты, поставленные у дверей и вокруг тела, едва могли сдерживать их напор. Видели знатных господ, ожидавших в своих каретах возможности войти; но даже уже внутри не всем удавалось увидеть его, несмотря на усилия солдат, старавшихся обеспечить им доступ, чему я свидетель.

Каждый старался опередить других, оказывая знаки почтения покойному: кто преклонял колени, кто прикасался к нему четками, кто целовал ему руку.

Все дивились, видя и осязая руки его: они оставались мягкими и гибкими, равно как и тело целиком. Никто не мог насытиться созерцанием усопшего и прикосновением к нему, и никто не в силах был от него оторваться. Благоговение верных и жажда прикоснуться к сим блаженным останкам возросли еще более, когда разнеслась весть о многих дивных исцелениях, дарованных через это прикосновение.

Дабы удовлетворить благочестивое рвение верных, стекавшихся в таком множестве, тело Слуги Божия, с разрешения его высокопреосвященства кардинала Маркантонио Колонна, викария Его Святейшества, оставалось непогребенным в течение четырех дней.

Поскольку давка и народное волнение все возрастали, пришлось прибегнуть к различным мерам: тело переносили то в церковь, то в коридор, то в иные места. Двери церкви и прилегающего дома заперли, оставив открытыми лишь две, надежно охраняемые солдатами: одну — только для входа, другую — только для выхода.

Но и сего оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить толпу и сдерживать натиск, ибо все окрестности церкви и монастыря были запружены неисчислимыми массами люда и множеством карет.

Настал вечер Пасхального Воскресенья, когда надлежало предать тело Слуги Божия земле. В присутствии отца-каноника Козелли, фискального промотора его высокопреосвященства

кардинала-викария, а также нотариуса, хирурга и прочих, солдаты перенесли усопшего в молельню, прилегающую к ризнице, и возложили на две сдвинутые скамьи.

Сие было сделано как для того, чтобы в присутствии свидетелей произвести опознание тела, так и для того, чтобы хирург посредством опытов и наблюдений удостоверил его гибкость во всех членах, мягкость и нетление, что и было исполнено.

Помимо опытов и наблюдений хирурга, который сгибал, встряхивал и всячески перемещал тело, многие другие лица по собственному желанию также производили подобные испытания. В особенности некоторые, с силой надавив на чрево и желудок усопшего, приближали ноздри к его открытым устам, дабы проверить, не исходит ли оттуда дурной запах или смрад тления.

Сие продолжалось вплоть до последних мгновений, когда тело надлежало заключить в уже приготовленный гроб. И все согласились, что тело сие было совершенно мягким, гибким и нетленным, подобно телу живого человека.

Не хочу умолчать и о некоторых особенностях самого тела. Упоминаю о них не потому, что их (как и вышесказанное) можно уже сейчас безоговорочно счесть чудесными, но потому, что со временем они могут подтвердиться как таковые.

Первое касается дивной мягкости плоти. От долгого коленапреклонения при жизни на его коленях образовались два мясистых нароста в форме шаров значительной величины. На ощупь они были мягкими, как комки ваты, и настолько упругими, что при нажатии возвращались в прежнее состояние, принимая ту же форму, словно то была плоть живого человека. В сем многократно убеждался я сам, равно как и великое множество других людей.

Вторая особенность касается нетления сего тела, что может иметь немалое значение в будущем. Лик его не претерпел ни малейшего вреда, хотя для снятия слепка, или маски, на него наложили изрядное количество гипса. О едких и разъедающих свойствах гипса вспоминали совсем недавно, обосновывая чудесное нетление тела блаженной Марианны Иисуса¹, чью беатификацию мы торжественно праздновали недавно. Тогда некоторые изъяны, обнаруженные на лице почитаемой подвижницы, были приписаны исключительно разрушительному действию гипса, наложенного для снятия маски.

Третье дивное событие было подтверждено мне многими лицами, и в особенности бр. Франческо Баньягати из конгрегации Священнослужителей. Он поведал мне, что вечером в Великий Четверг тело Слуги Божия обильно вспотело, так что весь лик его был влажным, и с него стекали капли. Он отер его собственными руками, стянув капюшон и воспользовавшись им для этой цели; ткань пропиталась, и на ней остались пятна от пота; в таком виде этот капюшон и хранится у меня поныне.

Тот же пот снова заметили в Великую Субботу — так утверждают многие другие очевидцы, которые внимательно наблюдали сие и осязали своими руками.

Четвертое обстоятельство, о котором здесь уместно упомянуть, продолжая прерванную нить нашего повествования, таково.

Удостоверившись (как сказано выше), что тело Слуги Божия сохраняет совершенную гибкость, мягкость и нетление, решили сменить на нем одежды, прежде чем положить во гроб. Его собственное платье хотели сберечь, дабы удовлетворить благочестивое желание верующих, а самого усопшего облачить в иное — белый хитон, какой носят братья общества Мадонны Снежной, сопровождавшие перенесение тела.

Для этого потребовалось приподнять тело и усадить его на тех двух скамьях, на которых оно прежде лежало.

Во время этого действия заметили, что тело Слуги Божия левой рукой ухватилось за край скамьи; казалось, он опирается на нее, подобно живому человеку, который, лежа больным в постели, при смене белья сам помогает себе, облачаясь.

Это внезапное событие вызвало изумление и шепот среди множества людей, со всех сторон обступивших тело.

Я находился тогда у края скамей, перед столиком, где писали латинскую элогию, которую надлежало вложить в свинцовую трубку и поместить в гроб, в ногах усопшего. Услышав шум, я тотчас обернулся и к великому своему изумлению сам увидел это движение.

Чтобы окончательно убедиться в реальности происходящего, пока тело удерживали в таком положении, предложили слегка наклонить его на левый бок. Так и поступили; рука же продолжала держаться за опору, покуда её не отняли силой.

Затем, когда руку освободили, а тело повернули вправо, снова решили приподнять его, дабы вернуть в прежнее положение.

Все присутствующие замерли, не сводя глаз и ожидая, что будет дальше; я же неотрывно следил за той самой рукой.

И вот, во второй раз, как и прежде, рука его сжимает край скамьи! Стало очевидно, что он сам опирается на левый бок: пальцы его (как внимательно подметили стоявшие рядом) обхватили доску снизу, а ладонь с большим пальцем легли сверху — точь-в-точь как у живого. При этом все мышцы кисти и левой руки, вплоть до середины груди, напряглись так, словно человек живой по собственной воле ухватился за опору, намереваясь приподняться.

Когда любопытство присутствующих было удовлетворено, тело Слуги Божия обнажили и облачили в новые одежды, а затем уложили в заранее приготовленный деревянный гроб, высланный изнутри простыней, краями которой его и накрыли.

В это время с улицы послышались крики людей: они вскарабкались по железной решетке до самого окна молельни и взывали об одной милости: откинуть покров и дать им еще раз взглянуть на лик Слуги Божия. И им вняли.

Когда благочестивое любопытство людей было вновь удовлетворено, тело накрыли простыней. В ногах усопшего положили свинцовую трубку, содержащую упомянутую элогию, обвязали ее лентой и скрепили несколькими печатями.

Затем гроб закрыли, также перевязали и во многих местах опечатали печатью его высокопреосвященства викария, после чего заключили его во второй гроб, также деревянный, соблюдая все формальности, которые можно видеть в акте о погребении, приведенном в Приложении² к сему повествованию.

Тело, таким образом заключенное, перенесли на место, заранее приготовленное с разрешения упомянутого высокопреосвященнейшего кардинала, а именно на сторону Послания³ главного алтаря церкви, где и предали земле.

Казалось, что удаление тела Слуги Божия от взоров народа должно было если не прекратить вовсе, то хотя бы отчасти умерить то иступленное почитание, которым его окружили. Но вышло иначе.

Невозможность более видеть его телесными очами, казалось, лишь сильнее разожгла жажду хотя бы узреть место, где он покоится сокровенно, и присутствовать там сердцем и духом.

Тело, которое при жизни было совершенно сокрыто от взоров мира, ныне, будучи заключено во мрак гробницы, источало свет столь ясный, что влекло к себе благочестивых паломников из дальних стран.

Так подтвердилось на деле Божественное пророчество, изреченное в пользу верных слуг Его:

Ingredieris in abundantia Sepulcrum, sicut infertur acervus tritici in tempore suo. Ecce hoc, ut investigavimus, ita est: quod auditum mente pertracta («Войдешь во гроб в зрелости, как укладывается сноп пшеницы в свое время. Вот, что мы дознали; так оно и есть; выслушай это и прими для себя»; Иов 5:26-27).

И действительно, едва занялась заря следующего дня (то был понедельник Пасхальной седмицы), как к гробнице устремилось несметное множество народа. И видели, как Бог по заступничеству Своего Слуги обильно изливает там благодати, что еще более усилило стечение людей.

В последующие дни оно возросло настолько, что создалась невыносимая давка и поднялся непрерывный шум, для укрощения которого уже не хватало солдат.

Посему пришлось на несколько дней прекратить в той церкви совершение месс, служб часов и прочего; более того, возникла необходимость перенести Святейшее Таинство из священного кивория во внутреннюю капеллу, что находится близ ризницы.

Но так как шум от скопления народа не утихал, то во избежание беспорядков, неизбежных при таком наплыве, настоятели сочли за благо вовсе закрыть церковь и никому не позволять входа.

Посему церковь оставалась запертой в течение нескольких дней, и двери ее, хотя и закрытые, охранялись стражей и солдатами, ибо разумно опасались, как бы народ не учинил какого насилия.

В это время можно было видеть, как днем и ночью люди толпились вокруг храма: кто преклонял колени прямо на улице, а кто простирался ниц у самых внешних стен церкви.

Казалось, эта мера сможет остановить непрерывное стечение народа к гробнице Слуги Божия. Но вышло наоборот.

Едва спустя два дня двери церкви вновь отворились, как толпа, словно томимая жаждой, снова устремилась внутрь, заполняя все пространство.

Долгое время с помощью солдатской стражи пришлось охранять ограждение гробницы, устроенное в виде деревянной балюстрады; караул этот сняли лишь в конце июня. И вовсе не потому, что иссяк поток людей — он и поныне не ослабевает, причем приходят не только жители Рима, но и чужеземцы, ежедневно приезжающие из дальних стран и различных государств. Одни ищут благодати, другие приходят из чистого благоговения или ради благодарения за то, что по заслугам и заступничеству сего Слуги получили от Бога исцеление от недуга либо иные дары, временные или духовные.

Главной же причиной снятия охраны стало то, что исчез страх перед беспорядками ввиду великого благочиния, которое являли и являют поныне приходящие, ибо место это уже сделалось подобно прославленному святилищу.

Прежде чем завершить настоящую главу и вообще всю часть повествования о жизни Слуги Божия, я должен предупредить читателя: невозможно пересказать все подробности событий, последовавших за смертью Бенедикта Иосифа Лабра, не растянув рассказ чрезмерно.

Посему, дабы не наскучить и не преступить пределы краткости, кои я себе положил, намеренно воздержусь от полного их изложения. Ограничусь лишь тем, что добавлю несколько подробностей в следующей главе, где это будет более уместно, — там, где мы поведем речь о славе его святости, благодаря которой ныне о нем с любовью и честью говорят все народы католического мира.

¹ Речь идет о блаженной Марианне Иисуса (*Mariana de Jesús*, в миру Мариана Наварро де Гевара, 1565–1624), испанской подвижнице, известной как «Лилия Мадрида». Испанская монахиня, терциарка ордена Мерседариев (Орден Девы Марии Милосердия), родившаяся в Мадриде в знатной семье. С ранних лет она отличалась глубоким благочестием и желанием посвятить себя Богу, преодолевая сопротивление отца, желавшего выдать ее замуж. Вела жизнь, полную сурового покаяния, молитвы и мистических переживаний (экстазов, видений), притом, несмотря на свои духовные дары, всегда оставалась в послушании своим духовникам. Ее тело, как и упоминается в тексте, осталось нетленным и источало благоухание. Папа Пий VI причислил ее к лику блаженных 18 января 1783 года (или 25 мая 1783 года, по разным источникам, но в любом случае — в год смерти св. Бенедикта Иосифа Лабра). Ее литургическая память совершается 17 апреля (в день ее смерти).

² Опущено в нашем переводе.

³ Левая часть алтаря, где во время традиционной мессы читаются послания апостолов; правая именуется стороной Евангелия.

ГЛАВА XX. О славе святости и о чудесных событиях, последовавших за его смертью.

В день, когда я пишу сии строки, прошло уже более четырех месяцев с тех пор, как Бенедикт Иосиф Лабр перешел из этой жизни в иную.

И все же здесь, в Риме, не говорят ни о ком ином, кроме как о нем; да и доселе ни о чем другом не говорили. Он сделался самым частым предметом помыслов и бесед не только простонародья, но и всех людей, даже самых мудрых и во всех отношениях почтенных.

Посему полагаю своим долгом, прежде чем завершить сие повествование, дать отчет об уважении, с которым все вокруг по праву поминают его и всё, что с ним связано; уважении, которое даже мудрейшие люди справедливо почитают чем-то совершенно необычайным.

Но прежде всего мне хотелось бы кратко исследовать происхождение этой славы и выявить ее основание.

Разумеется, столь высокое, единодушное и прочное мнение не могло быть порождено корыстным пристрастием какой-либо стороны (*impugno di partito*). Ведь усопший не принадлежал ни к какому кругу лиц, будь то семейство, община или корпорация, чьи интересы

могли бы за этим стоять; напротив, он был здесь, в Риме, чужеземцем и жил как нищий, пребывая по большей части в совершенном уединении.

Не могло оно быть и плодом обмана. Со дня его кончины минуло уже четыре месяца, и Рим, город просвещенный, взыскательный и по самой природе своей бдительный в таких делах, непременно изобличил бы подлог своим пристальным вниманием и тщательным дознанием.

Не могло оно произойти и от ошибки, ибо речь идет о событиях, совершавшихся на виду у всего города.

Чем же вызвано столь благоприятное и всеобщее убеждение в святости нищего? Полагаю, что не ошибусь, попытавшись выявить истину: для этого я изложу свои соображения, смиренно веря их суду тех, кому сие подобает.

Поскольку сей Слуга Божий избрал Рим своим пристанищем ради вящего освящения в его святынях, то, сколь бы уединенную и сокрытую жизнь он ни вел, стремясь укрыться от взоров мира, ему не удавалось остаться незамеченным. Ибо он ежедневно пребывал в местах, куда обычно стекаются благочестивые люди — в церквях и святилищах сего благодатного Града.

Ведь Рим среди городов наипаче славен двумя своими особенностями: поклонением Иисусу в Таинстве Евхаристии (в особенности во время молитвы Сорока часов) и почитанием Его Божественной Матери. Обе сии черты проступали в Бенедикте столь явственно, что поражали всякого, кто хоть единожды взирал на него.

Посему многие люди, заслуживающие всяческого доверия, признавались мне: едва увидев его, они тотчас говорили в сердце своем: «Се — святой». После первой же встречи они утверждали: «Я видел в такой-то церкви нищего, который, несомненно, свят».

Разные лица уверяли меня: завидев его издали у моей исповедальни или наблюдая за ним, когда он беседовал со мною вне оной, они чувствовали неодолимое побуждение подать ему милостыню (даже если и не делали сего) и в тот же миг говорили себе: «Он, вне всякого сомнения, святой».

Достоверно известно, что во многих домах вспыхивали споры, когда домочадцы рассказывали, будто видели в тот день святого; они судили о том решительно, не имея иного свидетельства, кроме его внешней собранности и благочестия.

Однако в ту пору сие уважение обычно не шло далее; о Бенедикте не учиняли расспросов, ибо Бог медлил в полной мере пробудить его славу до срока. Казалось, всем на глаза была наброшена завеса, мешавшая видеть большее, покуда в один миг она не спала внезапно.

Я верю, что в этом Господь в точности сообразовался с его чаяниями, однако устроил всё так, что само это всеобщее почтение (о котором Бенедикту было хорошо известно, и в этом я уверен) стало для него тяжким крестом. Он сам признавался мне, какую невыносимую муку и стеснение чувствовал, видя себя в почете у людей сего мира, столь низкого мнения был он о самом себе.

Как мы уже упоминали, говоря о славе его святости при жизни, многие черты его поведения невольно выдавали в нем сокрытое сокровище духа. Его обычай никогда не просить подаяния, несмотря на то, что облик его выдавал человека, дошедшего до предела нищеты; частые отказы от предлагаемой помощи; то, как он сам подает милостыню, когда, казалось бы, должен был первым настойчиво молить о ней; его стремление быть последним в очереди за похлебкой у монастырских врат; старание избежать тех, кто однажды выказал ему свое уважение; наконец,

его скупая, исполненная смирения речь, его ангельская скромность и небесная радость, сиявшая в глазах и в самом лице, — всё это мало-помалу внушало многим тайную уверенность в его святости, которая после его смерти внезапно и громогласно заявила о себе.

Но и этого объяснения мало. Мне видится, что Сам Бог запечатлел это убеждение в бесчисленных душах и через внешние знамения, и через то внутреннее озарение, коим Он касается сердец. Ведь люди, придавшие этой славе наибольшую силу и вес, — особы высокого звания, — никогда не знали его лично, ибо он всегда старался держаться от них как можно дальше.

О том, что всё произошло именно так и что Сам Бог пожелал явить миру Своего верного Слугу, дотоле скрытого от людских глаз, свидетельствуют все обстоятельства. Прежде всего поразительно, что о человеке, не принадлежавшем ни к какому кругу или сословию, не римлянине и даже не итальянце, но чужеземце, не имевшем в городе ни покровителей, ни друзей, — о нем внезапно стало известно всё. В один миг открылись место его рождения, происхождение, воспитание, вся его жизнь в далеких землях и почти каждый шаг его пути (как видно из сего жития), а также перенесенные им болезни и иные подробности. О человеке, повторяюсь, который всегда молчал о себе, хранил тайну своего прошлого и от всех скрывался, — само Небо соблаговолило распорядиться так, чтобы тайна сия была открыта.

Когда я обнаружил все документы, собранные в одном футляре и оказавшиеся прямо под рукой, то подумал: случись такая смерть с кем-то из наших соотечественников, мы не смогли бы в столь краткий срок разузнать всё необходимое, дабы составить ту элогию, с которой он был предан земле. Ведь для этого понадобилось бы обойти множество приходских священников и настоятелей, запрашивая свидетельства, на что ушло бы немало времени.

Бенедикт скончался в простом доме в квартале Монти, где он не имел жилья и где пробыл не более нескольких часов. И вдруг по улицам разнеслись детские крики: «Умер святой!» К следующему дню весть об этом великом событии облетела весь город, и едва ли не весь Рим повторял: «Умер святой», — притом что большинство даже не знало его имени, а многие из знавших его при жизни лишь теперь, узрев его тело, уразумели, кто он.

Поднялось такое волнение, какого не помнят в Риме: люди всякого звания стекались к нему, исполненные благоговения. Кто преклонял колени, лобызая ему руку, кто вверял себя его заступничеству, а кто старался заполучить какую-нибудь мелочь из его убогого достояния, почитая сие за святую реликвию. И это притом, что тело его, по случаю богослужений Страстной недели, не было выставлено в храме, но ради порядка скрыто в покоях ризницы. Четыре дня оставались эти блаженные останки непогребенными, и всё это время поток людей не иссякал.

Народ, однако, никак не мог насытиться созерцанием праведника. Когда в капелле подле ризницы тело уже полагали во гроб, люди, облепившие решетку внешнего окна, умоляли как о величайшей милости еще хоть раз, прежде чем крышка будет заколочена, показать им лик усопшего, уже обернутый саваном. И благочестивое чаяние их было исполнено. Поразительно: то было всё то же тело, на которое при жизни прохожие обычно не желали смотреть повторно, хоть раз его увидев.

Более того, плоть усопшего обильно потела на второй и на третий день по кончине. Оставаясь непогребенным четверо суток, тело сохраняло совершенную гибкость в каждом суставе и каждом члене; оно было мягким на ощупь, словно у живого человека. Хирург, коему было поручено освидетельствование, с силой сдавливал и простукивал его чрево и желудок, однако даже после таких испытаний из уст святого не исходило ни малейшего тлетворного духа.

Между тем стоял отнюдь не зимний холод, но мягкая римская весна. Уста Бенедикта оставались постоянно открыты, принимая в себя воздух, напоенный испарениями огромной толпы, что должно было неизбежно ускорить разложение. Но плоть осталась неприкосновенной. Это же лицо, как я упоминал ранее, выдержало и наложение едкого гипса для снятия маски, после чего не осталось ни единого следа разрушения.

Похороны останков Слуги Божия не только не охладило рвения верующих, но, напротив, вызвало в последующие дни небывалый прилив паломников. Обычных караулов уже не хватало для сдерживания толпы, и из-за постоянного шума и тесноты пришлось перенести Святейшее Таинство во внутреннюю капеллу. Между тем приближалось 25 апреля — день, когда в этой церкви, согласно общегородскому расписанию, надлежало торжественно выставить Святые Дары для молитвы «Сорока часов».

Тщетно надеялись, что напор людей ослабнет и даст возможность провести торжество: в храме уже несколько дней не удавалось отслужить даже частную мессу, не то что совершить пышный обряд. В итоге молитву «Сорока часов» пришлось перенести в другую церковь — Св. Квирика. Так исполнилось обещание, данное Богом Своему Слуге еще при жизни: он будет почтен и прославлен, но иным, сокровенным образом. Число богомольцев росло за счет жителей иных краев: уже в первые дни замечали людей, пришедших в Рим издалека — за шестьдесят и семьдесят миль.

Поскольку волнение в народе не утихало, было решено вовсе запереть храм, и он оставался закрытым двое суток. Но и тогда толпы не расходились: люди стояли на коленях прямо на мостовой, на ступенях портала или приникали к церковным стенам, моля святого о заступничестве. И свидетельствовали, что даже там, у внешних стен, Слуга Божий подавал им исцеления и милости. Впрочем, о чудесах мы подробнее расскажем в своем месте.

Когда же двери храма наконец вновь открылись, поток людей всех сословий хлынул туда с прежней силой и не иссякал ни днем, ни ночью. Суматоху удалось унять благодаря строгому порядку и установленному вокруг могилы ограждению, и тогда взорам открылось зрелище истинного и глубокого покаяния. Каждый входящий исполнял благоговения, видя гробницу, окруженную молящимися: одни в сокрушении сердечном простерлись ниц, другие стояли вокруг на коленях с глазами, полными слез. В этой толпе, проникнутой духом святой веры, можно было встретить и безвестных бедняков, и знатных особ самого высокого ранга.

Едва тело Слуги Божия было предано земле, как Рим оказался буквально наводнен его изображениями. Листы снимали с печатных станков еще влажными, однако и того было мало, чтобы утолить жажду людей всякого звания, желавших их приобрести. С тех пор едва ли нашелся в Риме хоть один гравер, чей резец не был бы занят созданием портрета Бенедикта на меди. Число таких гравюр, представляющих его в самых разных видах, множится день ото дня: достаточно сказать, что к настоящему времени их насчитывается уже более восьмидесяти пяти. А что и говорить о живописных полотнах или об изваяниях — больших и малых, из глины, воска и гипса? Лик бедняка Бенедикта запечатлевают даже в изысканных миниатюрах и искусных вышивках.

Но как бы ни был велик оборот этих изображений, спрос на них заставляет выпускать всё новые и новые тиражи, дабы удовлетворить не только римлян, но и жителей отдаленных земель. Благочестивое рвение последних лишь возрастает по мере того, как слава о святом ширится по всему свету. Оттиски отправлялись из Рима в иные края, а оттуда вскоре возвращались сюда громкие вести о совершенных через них чудесах. И теперь, подобно тому как за пределами Города с нетерпением ждут новостей из Рима, так и здесь с каждой почтой ожидают известий о новых дивных знамениях, приходящих извне.

Всё же, что хоть в малейшей степени было связано с Бенедиктом при жизни его, ныне разыскивается с невероятным усердием. Люди наперебой просят подарить им хотя бы малую частицу его вещей как святыню; число таких розданных реликвий уже достигло восьмидесяти тысяч. Почитанием окружены даже те места, где, как доподлинно известно, Бенедикт предавался молитве. Дошло до того, что почитатели сняли и унесли даже медный излив фонтана, к которому Слуга Божий припадал иссохшими устами, дабы утолить жажду.

Наконец, очень многие лица засвидетельствовали, что получили милости от Господа по заступничеству сего Его Слуги не только у его гробницы, но и в своих домах, и не только в Риме, но и в городах и дальних странах, как явствует из пришедших сюда писем.

В завершение следует сказать, что множество людей засвидетельствовало, что получили милости от Господа по заступничеству Его верного Слуги. Эти благодеяния совершались не только у его гробницы, но и в частных домах, и не только в Риме, но и в иных городах и далеких краях, о чем достоверно известно из приходящих отовсюду в Рим писем.

Мне не подобает предварять окончательное суждение о сих чудесных событиях — в ближайшее время они станут предметом самого строгого и тщательного дознания. Однако среди знамений и дивных милостей, коими Господь Бог пожелал прославить Своего праведника, наиболее драгоценными представляются мне многочисленные обращения грешников. Люди, погрязшие в самых тяжких пороках и на долгие годы отвратившиеся от церковных Таинств, по молитвам Бенедикта вновь встали на путь спасения и обрели утраченную благодать, в чем меня не раз заверяли очевидцы из самых разных мест.

Взирая на совокупность столь необычайных и дивных свидетельств, о которых мы повествовали в сей главе, невозможно не признать в них перст Всемогущего Бога. Именно Он соблаговолил пробудить и утвердить славу святости Своего Слуги. Слава эта не могла бы родиться и возрасти столь стремительно, не будь она основана на истинных добродетелях усопшего и на Божественном соизволении — что я и стремился показать. Столь громкое и всеобщее волнение умов, столь необычайное стечение обстоятельств убеждают меня в том, что всё это — дело рук Самого Бога: «Того, Кто один творит чудеса, Кто возносит десницу Свою и преумножает знамения» (ср. Пс. 71:18; Сир. 36:5–6), дабы украсить Свою Церковь согласно Своим обетованиям.

Было бы, вероятно, уместно и небезынтересно для читателя, если бы перед завершением сего краткого и смиренного очерка о жизни и дивных добродетелях Слуги Божия Бенедикта Иосифа я представил здесь описание тех чудесных знамений, коими Господь соблаговолил прославить его по кончине. Однако бесчисленность и разнообразие этих случаев требуют глубокого изучения и доскональных изысканий. Надлежит тщательно исследовать все обстоятельства, дабы ясно различить, где явила себя десница Всемогущего вопреки законам естества, а где природа лишь была укреплена помощью Свыше. Посему я полагаю благоразумным отложить подробный отчет до времени, когда в ходе строгого канонизационного процесса на основании показаний очевидцев и заключений сведущих врачей будет окончательно установлена истинность и достоверность всех повествуемых чудес.

Число этих дивных событий поистине велико и необычайно. Долго пришлось бы перечислять слепцов, обретших зрение; немых, заговоривших впервые в жизни; увечных, чьи члены выпрямились; несчастных, внезапно избавившихся от застарелых болей и мучительных недугов. Среди исцеленных болезней — гангрены, свищи, грыжи и опухоли, аневризмы и эпилепсия, рахит, атрофия и апоплексические удары, нарывы, язвы, тяжкие колики, цинга, костоеда и камни, затажной ревматизм, золотуха, ишиас, вывихи и многие иные недуги. Иные болящие томились сими хворями долгие годы — по четырнадцать, восемнадцать и тридцать

лет, а некоторые страдали и от самого рождения. В истинности этих исцелений после самого взыскательного разбора убедились даже люди высокого ума и обширных познаний, на чьи свидетельства я здесь ссылаюсь с их благосклонного согласия. Поразительно и число мест, где совершились и продолжают совершаться подобные чудеса, о чем свидетельствуют подлинные документы, непрестанно приходящие в Рим со всех концов света.

Я излагаю сие отнюдь не с тем, чтобы дерзко предвосхитить окончательное суждение Апостольского Престола. Мое намерение — лишь собрать воедино дивные свидетельства, подтвержденные лицами, на себе испытавшими благодатную помощь. Поступая так, мы прославляем милосердие Господа, Которому было угодно столь явственно отметить заслуги Своего верного последователя.

В завершение я должен добавить, что громкая слава о бесчисленных милостях и чудесных исцелениях, явленных Богом по заступничеству Его Слуги, побудила Его Высокопреосвященство кардинала Маркантонио Колонну, викария Его Святейшества, счесть своим долгом начать официальный процесс по делу о беатификации и канонизации усопшего.

Для ведения сего дела был назначен досточтимый архиепископ Вольпи. Перед ним, при участии фискального промотора каноника Козелли, ныне предстают свидетели, дабы под торжественной присягой подтвердить ведомые им события. Сие расследование началось еще в мае и поныне успешно продолжается. Мы же уповаем, что наступит день, когда Господь голосом Своей Церкви возведет сего смиренного Слугу к лику святых и здесь, на земле.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро: PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА**